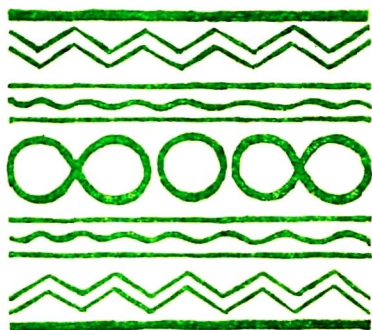

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

М. О. КОСВЕН

СЕМЕЙНАЯ ОБЩИНА И ПАТРОНИМИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

М О С К В А • 1 9 6 3

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предмет настоящей книги составляют две связанные между собой исторические общественные формы, свойственные патриархально-родовому строю: семейная община и патронимия.

Семейная община уже сравнительно давно привлекала к себе внимание науки и вызвала большое число ее описаний и исследований. Мы предлагаем здесь очерк истории изучения семейной общины и новую попытку ее истолкования. Что касается патронимии, то в данном ее понимании, в качестве общественной формы, она была выделена автором настоящей книги впервые в 1931 г. и с той поры сделалась предметом специальных описаний и исследований со стороны ряда ученых. Из пяти глав этой книги, посвященных патронимии, одна содержит опыт обобщения всего, что было написано на данную тему как самим автором, так и другими исследователями, остальные четыре дают характеристики патронимии в отдельных конкретных ее проявлениях. Исследование патронимии остается еще в значительной мере делом будущего. Для облегчения этой задачи мы прилагаем особую программу собирания сведений об этой форме.

Для того, чтобы сразу ввести читателя в курс предмета настоящей книги, дадим здесь предварительно самое общее определение тех двух историко-общественных форм, о которых мы говорим.

Семейная община, или домовая община, или большая патриархальная семья, была основной ячейкой патриархально-родового общества. Она состояла из трех-четырёх,— иногда до семи,— поколений потомков, нисходящих и боковых, одного отца, составлявших одно хозяйство, покоившееся на коллективной собственности на землю и основные средства производства, а равно на коллективном потреблении продуктов этого производства. Численность такой семейной общины доходила в старину до нескольких сот человек.

Патронимия являлась результатом естественного увеличения и разделения семейной общины. Уровень развития производительных сил и соответствующие общественные условия ставили предел разрастанию этой общины, она делилась, но так, что выделившиеся из нее меньшие семейные группы сохраняли между собой в некоторых отношениях и формах хозяйственное, общественное и идеологическое единство и образовывали особую родственную группу — патронимию, которая состояла из меньшего или большего числа отдельных, все же связанных между собой родственных семей, ведущих свое происхождение от одного общего предка, носящих общее патронимическое название и пр. Численность патронимии могла достигать до двух-трех тысяч человек.

I

СЕМЕЙНАЯ ОБЩИНА

1. ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Общая характеристика семейной общины. Начало ее изучения. Югославянская задруга, ее описания и исследования. Караджич. Чаплович. Утешенович. Богишич. Бобчев. Ровинский. Кадлец. Пейскер. Бальзер. Маркович. Допш. Строхал. Попович. Жонтар. Сикар. Томашич. Мандич. Кулишич. Калоева. Семейная община Индии. Русская большая семья. Стремоухов, Калачов. Гакстгаузен. Лэ-Плэ. П. С. Ефименко. А. Я. Ефименко. Оршанский. Матвеев. Самоквасов. Тютрюмов. Тригоров. Пономарев. В. А. Александров. Шаль. Волин. Большая семья в Белоруссии. Красноперов. Довнар-Запольский. Большая семья на Украине. Лучицкий. Охримович. Зубрицкий. Семейная община у народов Кавказа. Ковалевский. Харузин. Абазадзе. Миллер. Советские исследования кавказской семейной общины. Большая семья у других народов Советского Союза. Семейная община у народов Западной Европы, у венгерцев, албанцев. Семейная община у неевропейских народов, в частности у арабов и китайцев. Большие семьи у отсталых народов Америки. Большая семья в средневековой Европе и в древнем мире.

2. Семейная община как материал для общеисторических построений, истолкований и теорий. Большая семья как древнейшая и начальная общественная форма славян вообще, русских в частности. Эверс. Тюрин. Хубе. Мацевовский. Палацкий. Иречек. «Теория родового быта». Соловьев. Кавелин. Общинная теория. Славянофилы. Аксаков. «Задружная теория». Леонтович. Истолкование верви Русской Правды как большой семьи. Блюменфельд. Юшков. Взгляды на семейную общину западноевропейских ученых. Лавеле. Семейная община как архаическая форма коллективной собственности. Сравнение русской большой семьи с задругой. Смешение родовой, семейной и соседской общины. Мэн. Разграничение большой и малой семьи. «Теория трудового начала». Семейная община в общественно-исторических построениях и сочинениях по истории семьи. Взгляды М. М. Ковалевского. Учение Энгельса о семейной общине.

Большая семья, большая патриархальная семья, родовая семья, нераздельная или неразделенная, соединенная, сложная, сводная семья, семейная или большесемейная община, домовая или домашняя община — таковы различные литературные наименования той родственной группы, которая составляет основную общественную ячейку патриархально-родового строя.

Наиболее удачными из приведенных наименований являются: *семейная община* и *большая семья*. Этими терминами мы будем пользоваться в дальнейшем нашем изложении, не различая их.

Семейная община представляет собой группу, состоящую из трех-четырех-пяти, а иногда и более, поколений ближайших родственников как нисходящих, так и боковых. Хозяйственная сущность ее заключается в совместном, общинном (коллективном) владении землей, орудиями производства, домашним скотом и другим хозяйственным имуществом, совместном производстве и совместном же потреблении. Эта хозяйственная сущность большой семьи составляет естественное основание и ее общественной сущности.

Уровень развития производительных сил, присущий патриархально-родовому строю, ограничивает размер семейной общины. Естественным образом размножаясь, эта община время от времени сегментируется, распадается на ряд таких же, но меньших по размеру семейных общин, которые со временем, в свою очередь разросшись, таким же порядком сегментируются. Происшедшие от одной большой семьи новые семьи сохраняют в некоторых отношениях известную общность и представляют собой особую, также свойственную патриархально-родовому строю, родственную группу, которую мы называли *патронимией*.

Большая семья в тех ее образцах, которые нам преимущественно известны, является типической формой патриархально-родового строя, его специфическим выражением. С распадом этого строя распадается и большая семья. Возникает новая общественная ячейка — *малая*, или *индивидуальная*, семья, состоящая из родителей и детей. Она сначала лишь вызревает и дифференцируется в недрах большой семьи, а затем взрывает ее: большая семья прекращает свое существование, распавшись на

малые семьи. Малая семья отличается от большой не только количественно, но и качественно. Будучи выразительницей уже не первобытнообщинного, а нового — частнособственнического начала, малая семья становится основной ячейкой нового, классового общества.

Большая семья весьма стойко сохранялась в том или ином виде у многих народов не только тогда, когда эти народы сохраняли первобытнообщинный уклад, но и на более высоких ступенях их развития. В зависимости от различных условий одни семейные общины продолжали еще держаться, другие распадались. Таким образом, большая семья сохранялась и в составе сменившей родовую общину территориальной, *соседской общины*, так что ячейками этой общины могли быть и бывали одновременно как малые семьи, так и сохранившиеся еще неразделенными большие семьи.

Такова в самых общих чертах и в известной мере отвлеченно история семейной общины.

Большая семья — явление исторически универсальное. Она свойственна была всем народам, прошедшим соответствующую стадию общественного развития. Однако, как и другие общественные формы — род, патронимия и соседская община, большая семья получила далеко не достаточное отражение в письменных исторических памятниках. Все же следы существования большой семьи, хотя бы в ее распадном состоянии, обнаруживаются у многих, можно сказать, у всех исторических народов.

Отдельные примеры большой семьи были известны издавна: библейская патриархальная семья, римская *familia* и пр. Самое раннее в литературе сообщение о большой семье находим у Страбона. «Имущество, — сообщал он об арабах, — принадлежит всем членам семьи сообща, но старший брат управляет этим имуществом» (XVI, 4, 25). Указания на большую семью нередки в различных правовых памятниках, иных исторических источниках, разнообразных этнографических сообщениях и т. д.

Несмотря на все это, несмотря на свою широкую распространенность, в поле зрения общественно-исторической науки семейная община вошла сравнительно очень поздно и еще позже стала влиять на общественно-исторические построения. Вековое господство патриархальной теории, утверждавшей в качестве начальной общественной формы и вместе с тем основной общественной ячейки

всех времен и всех народов малую семью, либо патриархальную семью в ее библейском образце, с обязательно ей присущей деспотической единоличной властью главы семьи — отца, привело к тому, что особого различия между этими формами не проводилось, причем большая семья неизменно считалась лишь продуктом размножения и расширения начальной малой семьи.

Первые сведения о живой, сохраняющейся в современности семейной общине появились в литературе только в конце XVIII в., и первым образцом такой общины явилась существовавшая у югославянских народов так называемая *задруга*. С того времени, как знаменитый сербский ученый Вук Караджич в 1818 г. в своем словаре сербского языка ввел термин *задруга* в литературное обращение, начали появляться некоторые сведения об этой форме. Таковы, в частности, краткие замечания И. Чапловича¹. Первые специальные описания *задруги* сделали в 50-х годах XIX в. М. Ч. Миличевич и О. М. Утешенович². Разнообразные данные о *задруге* были собраны в 60—70 годах XIX в. в сборнике обычного права южных славян, составленном Валтазаром Богишичем³. Новый вклад в изучение семейной общины югославянских народов сделал болгарский ученый, ученик М. М. Ковалевского, С. С. Бобчев, опубликовавший в 1879 г. собрание соответствующих общинноправовых норм, затем, уже в начале XX в. — обстоятельную монографию о болгарской *задруге*⁴.

¹ J. Csaplowics. Slavonien und zum Theil Croatien. Pesth, 1819.

² М. Ђ. Миличевић. Преглед задружног стања срба селџака. «Гласник Друштва србске словесности», 9, 1857; по-русски: М. Миличевич. Семейная община по селам сербским, известная под именем задруги. «Русская беседа», 1858, 3; О. М. Утешеновић. Die Hauskommunion der Südslaven. Wien, 1859; реферат: К. Семейная община южных славян, соч. г. Утешеновича. «Русская беседа», 1859, 4.

³ V. Bogišić. Pravni obiĉaji u Slovena, Privatno pravo. Zagreb, 1867; в значительно расширенном виде: «Zbornik sadašnjih obiĉaja u juŹnih Slovena». Zagreb, 1874; популярное изложение: F. Demelić. Le droit coutumier des slaves mérédoniaux d'après les recherches de M. V. Bogišić. «Revue de la législation ancienne et moderne française et étrangère», 1876, 3, 5—6; русский перевод: Ф. Демелич. Обычное право южных славян по исследованию д-ра Богишича. Пер. с франц. В. Гецевича. «Юридический вестник», 1876, 10—12; 1877, 1, 2, 11, 12; оттиск: М., 1878.

⁴ С. С. Бобчев. Сборник на българските юридически обичаи, ч. 1, Гражданско право, отд. 1, Семейно право. Пловдивъ, 1879; его же. Българска челядна задруга. София, 1907.

К тому времени югославянская задруга сделалась предметом специального изучения преимущественно югославских ученых, посвятивших ей ряд монографий на славянских и иных языках. Отмечен должен быть вклад в изучение задруги русских исследователей южных славян, в частности и в особенности П. А. Ровинского⁵:

С течением времени описания семейной общины южных славян размножились в весьма значительной мере. Это относится в основном к югославской задруге, литература о которой продолжает умножаться в наши дни, становясь почти необозримой. Приходится, однако, сказать, что существующие описания задруги остаются в большей своей части беглыми и недостаточно глубокими. Можно согласиться с одним из недавних исследователей задруги, Филиппом Мосли, который пишет, что «обширная этнографическая литература о задруге имеет, к сожалению, мало цены для изучения ее социальной истории»⁶.

Некоторые опыты описания семейной общины западнославянских народов были сделаны чешскими и польскими учеными, однако значительных работ на эту тему, насколько нам известно, не появлялось.

Помимо конкретных описаний задруги, которые мы преимущественно имели в виду, семейная община зарубежных славянских, в основном югославянских, народов вызвала ряд работ, посвященных ее анализу и истолкованию с исторической, политической, экономической и юридической точек зрения.

Здесь прежде всего следует отметить попытку обзора литературы о славянской семейной общине за весь XIX в., сделанную в 1898 г. чешским ученым Карелем Кадлецем⁷.

Особое внимание привлекло выступление чешского ученого Яна Пейскера. В ряде сочинений, выходивших с

⁵ П. А. Ровинский. Черногория в ее прошлом и настоящем, т. II, ч. 1, Этнография. СПб., 1897.

⁶ Ph. E. Mosely. The peasant family, the Zadruga, or communal joint-family in the Balkans and its recent evolution. В кн.: C. F. Ware. The cultural approach to history. New York, 1940, p. 250.

⁷ K. Kadlec. Rodinny nedil, čili zadruga v pravu slovanskem. Praha, 1898; с обширной библиографией, к сожалению, весьма неточной; русский перевод: К. Кадлец. Семейная община или задруга в славянском праве. Пер. Г. А. Ильинского, пересмотренный и дополненный автором. «Известия СПб. Славянского благотворительного общества», 1902, 2, 4; напечатано лишь начало, продолжения не было.

конца 80-х годов XIX в. и завершившихся в 1900 г. специальной работой, посвященной сербской задруге, Пейскер настойчиво проводил домysel, по которому задруга южных славян не является их примитивной общественной формой, а возникла сравнительно поздно и именно в результате введения византийской налоговой системы⁸.

Указанный домysel уже высказывался и раньше, еще в середине XIX в., и тогда же вызвал возражения, в частности со стороны упоминавшегося нами О. М. Утешеновича. «Теория» Пейскера была встречена энергичной критикой и была опровергнута многими авторами, в том числе польским историком Освальдом Бальзером, вышеупомянутым К. Кадлецом, сербским юристом Миланом Марковичем и немецким историком-экономистом Альфонсом Допшем⁹. Последний, посвятив вопросу о домово́й общине специальную главу своей «Древней социальной и хозяйственной истории альпийских славян»¹⁰, показал на широком историческом материале, что семейная община составляет древнее общественное явление, универсально историческое, свойственное не только славянам, но и другим европейским народам, в частности немцам, швейцарцам, шведам и пр.

Все же у Пейскера нашлись и последователи, притом в лице некоторых югославских ученых. Так, Иван Строхал в работе 1912 г., представляющей собой нечто вроде обобщающего или аналитического описания югославской задруги, присоединился к тезису Пейскера. Но о характере и научной ценности этого произведения выразительно говорят как бы демонстративно сформулированные названия некоторых его глав: «Первобытная общность имущества невозможна», «Начальная неограниченная власть

⁸ См. в особенности: J. Peisker. Slovo e zadruze. «Narodopisny sbornik českoslovansky», 4/5, 1899; его же. Die serbische Zadruge. «Zeitschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte», 7, 1900.

⁹ O. Balzer. O zadrudze slowiańskej, Uwagi i polemika. «Kwartalnik historyczny», 13, 1899, 2; K. Kadlec. K «Slovu o zadruze» (Kriticka uvaha o nove theorii D-ra Jana Peiskera). «Narodopisny sbornik českoslovansky», 6, 1900; M. Marković. Die serbische Hauskommunion (Zadruge) und ihre Bedeutung in der Vergangenheit und Gegenwart. Leipzig, 1903; A. Dopsh. Die ältere Social- und Wirtschaftsgeschichte der Alpendslaven. Weimar, 1909.

¹⁰ Эта глава — «Hauskommunionen» — была напечатана также отдельно: «Oesterreichische Rundschau», 19, 1909, 2.

домохозяина у различных народов», «В первобытных условиях человек может быть только господином или рабом» и пр.¹¹

Другой югославский ученый, Василь Попович, в статье, носящей характер литературного обзора, заявил, что задруга исторически универсальна, однако не составляет «необходимой фазы хозяйственного развития, через которую должен был пройти каждый народ в его целом»¹².

Иную позицию занимает Иозеф Жонтар, который считает, что семейная община находилась во всех местах славянского расселения уже начиная с XI в. в состоянии глубокого распада, но в период турецкого владычества возродилась. Во всяком случае, по мнению автора, древность семейной общины слишком обобщается и относится чересчур далеко в прошлое¹³.

Французский социолог Эмиль Сикар специально занялся вопросами семейной общины, преимущественно югославянской. С 1932 по 1941 г. он провел в Югославии, изучая задругу в различных районах страны, побывав также в Словакии, Болгарии, Румынии и Венгрии, и продолжал заниматься той же темой по возвращении во Францию. Основным из ряда опубликованных им сочинений является большая книга «Югославянская задруга в эволюции домовой общины». Сикар собрал обширнейший материал, установил области распространения задруги, сделал немало интересных наблюдений и замечаний. Все же названная его работа, как и все другие, носит в основном описательный характер, а предлагаемая им эволюция задруги остается только социологической. Наконец, во взглядах Сикара сказываются элементы миграционизма, не чужд он и феодальной теории возникнове-

¹¹ J. Stroh al. Die Hauskommunionen (Zadrugas) bei den Südslaven. «Wissenschaftliche Mitteilungen aus Bosnien und der Herzegowina, hrg. von Bosnisch-Herzegowinischen Landesmuseum in Sarajevo», 12 (Wien), 1912, S. 407—489.

¹² В. Поповић. Задруга (теорије и литература). «Гласник Земалског музеја у Босни и Херцеговини», 33/34 [Сарајево], 1921—1922; другая работа того же автора: «Задруга. Историјска расправа» (оттиск из журнала «Народно единство». Сарајево, 1921) осталась нам недоступной.

¹³ J. Zontar. Hauptprobleme der jugoslavischen Social- und Wirtschaftsgeschichte. «Vierteljahrsschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte», 27, 1934, 4.

вения задруги. В общем, все работы Сикара о семейной общине очень мало дают для подлинно научного ее исследования¹⁴.

Совершенно искусственный домysel выставил хорватский юрист, бывший профессор в Загребе, эмигрировавший в Америку, Динко Томашич. Исследуя задругу, Томашич различает в хорватской среде наличие двух культур: «задружной» и «племенной»; первая — славянская, земледельческая, вторая — неславянская, урало-алтайского происхождения, скотоводческая. Этим двум культурам соответствуют два типа семейной общины: демократическая и деспотическая. Выставив эту конструкцию в общих чертах еще в своих ранних сочинениях, опубликованных в Югославии, Томашич в Америке, попав под влияние «психологизма», развил свои взгляды на задругу под углом зрения положения личности в семье. Из ряда его относящихся к этой теме писаний наиболее выразительны две статьи, напечатанные в американском журнале «Психиатрия», в которых автор пытается охарактеризовать развитие личности в двух вышеуказанных типах задруги¹⁵.

Из новой югославской общей литературы о задруге примечательна статья профессора юридического факультета Загребского университета Олега Мандича «Классовый характер буржуазных теорий о происхождении задруги». Не претендуя, как заявляет автор, на исчерпывающую полноту, он дает в этой статье весьма содержательный итоговый обзор главных выставленных в бур-

¹⁴ Работы Э. Сикара (E. Sicard): Основни елементи југословенске породичне задруге. «Архив за правне и друштвене науке», 49 [Београд], 1936; La Zadruga sud-slave dans l'évolution du groupe domestique. Paris, 1943, с библиографией и многочисленными иллюстрациями; La Zadruga dans la littérature serbe (1850—1912). Paris, 1943; Problèmes familiaux chez les slaves du Sud. Paris, 1947; La lutte du droit et de la coutume dans l'évolution du groupe domestique paysan de l'Europe Centrale. В кн.: Em. Sicard. Études de sociologie et de droit slave. Paris, 1950, p. 105—130; La velka rodina slovaque dans les recherches sociologiques sur la groupe domestique slave. Ibid., 155—177. См. основательный критический разбор основных работ Сикара: О. Мандић. Radovi E. Sicarda o zadruzi kod južnih slovena. «Historijski zbornik», 3 [Загреб], 1950; еро же. Klasni karakter buržoasnih teorija o postanku zadruge. «Историско-правни зборник», 3/4 [Сарајево], 1950.

¹⁵ D. Tomašić. Personality development in the Zadruga society. «Psichiatriy», 1942, 2; еро же. Personality development of the Dinaric warriors. Ibid., 1945, 4.

жуазной литературе теорий и гипотез о происхождении и сущности югославянской семейной общины¹⁶. Отметим также принадлежащий тому же автору обстоятельный реферат нашей работы «Семейная община. Опыт исторической характеристики», опубликованной в журнале «Советская этнография» за 1948 г., № 3¹⁷.

Оригинальна и интересна, хотя и спорна, к тому же слишком суммарна, попытка хорватского этнографа Шпиро Кулишича обрисовать в сравнительно-историческом плане эволюцию семейной общины. Кулишич также использует некоторые наши работы¹⁸.

В современной советской этнографии семейная община югославянских народов была подвергнута обстоятельному исследованию в 1950 г. И. А. Калоевой в ее оставшейся, к сожалению, неопубликованной диссертации «Пережитки родового строя у южных славян»¹⁹. Работа Калоевой содержит, помимо введения, обзор литературы о роде и задруге южных славян, общую характеристику семейной общины южных славян, описание жилища семейной общины, описание патронимии как результата сегментации или раздела большой семьи, обзор данных о роде и племени, описание пережитков родового строя в свадебных и родильных обрядах и, наконец, описание характерного для южных славян праздника «слава».

Подытоживая наш обзор исследования югославянской задруги, приходится сказать, что хотя о ней собран громадный и довольно разнообразный материал, исследование это все еще не дает вполне удовлетворяющих результатов. Это относится как к конкретному ее описанию, так, в особенности, к ее социально-историческому анализу. В первом случае остаются все еще недостаточно освещенными отдельные стороны жизни и быта задруги. Во втором, не говоря об искажающих сущность дела антинаучных и реакционных теориях, общие характеристики

¹⁶ O. Mandić. Klasni karakter buržoasnih teorija o postanku zadruga. «Историко-правни зборник», 3/4, [Сарајево], 1950; рецензия на эту работу: Цветко Костић. «Гласник Етнографског института», IV/VI [Београд], 1957.

¹⁷ «Historijski zbornik», IV [Zagreb], 1951.

¹⁸ S. Kulišić. O postanku slovenske zadruga. «Bilten Instituta za proučavanje folklor», 3. Sarajevo, 1955.

¹⁹ Рукопись хранится в архиве Института этнографии АН СССР в Москве.

задруги еще не достигли достаточной исторической широты и глубины.

Наряду с тем надо признать, что существующая литература о задруге уже хорошо осветила многие относящиеся к этой теме вопросы.

Хотя семейная община описывалась и изучалась в самых различных местах расселения южных славян, вопрос о ее наличии и сохранности как в разные эпохи прошлого, так и в настоящее время, остается недостаточно освещенным и в отдельных случаях спорным. Некоторый вклад в уточнение этого вопроса сделал вышеупомянутый французский исследователь задруги Эмиль Сикар. Нет никакого сомнения, что относительно некоторых местностей совершенно справедливо утверждение, согласно которому большие семьи здесь распались и исчезли уже в довольно отдаленном прошлом, не оставив даже следов в настоящее время. Для иных местностей, однако, такое категорическое утверждение как для прошлого, так даже и для настоящего, кажется иногда предвзятым и во всяком случае спорным. Словенский этнограф Сергей Вильфан, остановившись на вопросе о существовании большой семьи у словенцев в своей работе «О некоторых старых брачных обычаях у западных словенцев», заявил, что наличие таковой даже для XIII в. «мало вероятно» и может быть допущено, и то в качестве предположения, только для времен «самых древних»²⁰. Прав ли в данном случае словенский этнограф,— мы лично судить не имеем возможности.

Примерно с того же времени, как появились сведения о югославянской задруге, начали появляться сообщения о семейной общине, сохранявшейся в некоторых местах Индии. Она привлекла к себе, вместе с индийской соседской общиной, внимание представителей английской колониальной администрации и работавших в Индии английских этнографов, которые дали ей название «соединенной семьи» — *joint family*. Однако исследование этого индийского образца семейной общины совершенно не развилось, и специальных работ на эту тему, насколько нам известно, не появлялось²¹.

²⁰ S. Vilfan. Ob nekaterih starih ženitnih običajih obsoških in beneških slovencev. «Slovenski etnograf», 617 [Ljubljana], 1954.

²¹ Краткую характеристику индийской семейной общины по письменным памятникам см.: I. Jolly. Recht und Sitte (Grundriss

Наиболее раннее в русской литературе упоминание о русской семейной общине относится, насколько мы знаем, к 1829 г. В своей любопытной и в иных отношениях статье «Мысли о возможности улучшения сельского хозяйства в России» украинский помещик Н. С. Стремоухов отметил, что в среде в особенности однодворцев и удельных крестьян нередки «семьи, или роды, заключающие от 30 до 50 и более душ, живущих и хозяйствующих вместе, под распоряжением старшего в роде». Автор отметил тут же зажиточность таких семей по сравнению с «поселянами, по самовольству или развратности обычаев сей оставившими и хозяйствующими мелкими семьями»²².

Затем, уже в 50-х годах, краткую характеристику великорусской большой семьи дал в одной из своих статей Н. В. Калачов²³.

Около середины XIX в. русская большая семья привлекала к себе внимание некоторых путешествовавших по России иностранных наблюдателей. Первым из них был А. Гакстгаузен, совершивший большое путешествие по России в 1843—1844 гг. и давший, между прочим, краткую характеристику русской семейной общины, с присутствием ей коллективизмом, властью отца и пр. Одновременно Гакстгаузен следующим образом изобразил возникновение из размножения большой семьи соседской общины. С течением времени, писал Гакстгаузен, число членов большой семьи увеличивалось, и становилось невозможным сохранять единство общего домохозяйства. Отдельные члены семьи со своими женами и детьми образовывали отдельные домохозяйства и сооружали отдельные дома и поселки, причем однако земля оставалась общей, не делилась между домохозяйствами, не образовывала

der indoarischen Philologie und Altertumskunde, II, 8). Strassburg, 1896. Лишь в нескольких местах и только бегло упоминает о большой семье профессор Бомбейского университета Г. С. Гхури в своей работе о семье и родстве у индо-европейских народов: G. S. Ghurye. Family and kin in indo-european culture. Bombay—Oxford, 1955.

²² Н. Стремоухов. Мысли о возможности улучшения сельского хозяйства в России, основанные на природе человеческой и на древних российских обычаях. «Земледельческий журнал», 1829, XXV.

²³ Н. В. Калачов. Юридические обычаи крестьян в некоторых местностях, статья первая. «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России», 1859, 2 (последующих статей не появлялось).

частного владения и сообща обрабатывалась. Только урожай делился равномерно между домохозяйствами. Такова была старая славянская «община семей» (Familiengemeinde). В более поздней своей форме эта община сохраняет принцип общей собственности и общего владения, но пахотная земля и пастбище делится между семьями, однако не в собственность, а на время, и периодически переделяется²⁴. Этот взгляд Гакстгаузена на происхождение соседской общины из размножения и разделения семьи сыграл известную роль в дальнейшей трактовке истории русской большой семьи и образования соседской общины²⁵. Заслуживает также упоминания французский социолог Ф. Ле-Плэ, который дал на основании своих наблюдений во время поездок по России оригинальные статистико-экономические описания конкретных образцов русской большой семьи в Оренбургском районе и в Центральной России, а также семейных общин башкир и казахов²⁶.

Начиная с 60-х годов XIX в. стали появляться и конкретные, относящиеся к отдельным местностям или отдельным образцам, а также и сводные описания великорусской большой семьи. Не говоря о материалах, публиковавшихся в провинциальной прессе, весьма ценных, но остававшихся малоизвестными, и не считая незначительных и беглых показаний, можно отметить как обратившие на себя внимание и сыгравшие известную роль работы П. С. Ефименко, А. Я. Ефименко, И. Г. Оршанского, П. А. Матвеева, Д. Я. Самоквасова, И. М. Тютрюмова, В. Г. Тригорова или, наконец, наиболее яркое из того, что было написано о великорусской большой семье,— статью С. М. Пономарева²⁷.

²⁴ A. Haxthausen. Studien über die innere Zustand, das Volksleben und insbesondere die ländliche Einrichtungen Russlands, B. III. Berlin, 1852, S. 124—125.

²⁵ Заметим однако, что точное значение приведенной характеристики Гакстгаузена соответствует не соседской общине, а патриинии.

²⁶ F. Le-Play. Les ouvriers européens. Études sur les travaux, la vie domestique et la condition morale des populations ouvrières de l'Europe. Paris, 1855; 2-me éd. Tours, 1877—1879.

²⁷ П. С. Ефименко. Сборник юридических обычаев Архангельской губернии, кн. I. «Труды Архангельского губернского статистического комитета за 1867 и 1868 гг.», вып. 3. Архангельск, 1869; его же. Семья архангельского крестьянина по обычному праву. «Судебный журнал», 1873, июль-август; А. Ефименко. Кресть-

В 70—80-х годах прошлого века усиленным темпом пошел процесс распада великорусской семейной общины, и исследователи русского народного быта занялись скорей описанием и трактовкой этого процесса, чем исследованием самой большой семьи. С этого времени в дореволюционной литературе каких-либо новых данных о русской семейной общине не появлялось. Вообще же говоря, конкретный материал на эту тему остался крайне ограниченным.

Вопросы семьи составляют в настоящее время одну из основных тем советских исследователей русского народного быта, в связи с чем некоторое внимание привлекают и историко-этнографические данные о былой русской большой семье. Ценным вкладом является работа В. А. Александрова о семье русского населения Сибири в XVII—начале XVIII в.²⁸ Основываясь на тщательно собранных архивных данных, автор показывает, как русские, шедшие преимущественно из северных районов России, переселенцы в Сибирь радели о восстановлении своего семейного положения и, несмотря на громадные трудности, выписывали к себе своих родителей, жен, детей, братьев, дядей и т. д. Обращает на себя внимание в перечислении выписываемых родственников частое упоминание племянников. Восстанавливалась, таким образом, та большая семья, из которой люди выходили, отправляясь в Сибирь. С другой стороны, как наглядно

янская женщина. Этнографический этюд. «Дело», 1873, 2—3; перепечатано под заглавием «Задруга и великорусская семья» в книге: А. Ефименко. Исследования народной жизни, 1. Обычное право. М., 1884; е е же. Трудовое начало в народном обычном праве. «Слово», 1878, 1; перепечатано там же; И. Г. Оршанский. Народный суд и народное право. «Журнал гражданского и уголовного права», 1875, 3—5; перепечатано в книге: И. Г. Оршанский. Исследования по русскому праву, обычному и брачному. СПб., 1879; П. Матвеев. Очерк народного юридического быта Самарской губернии. «Записки Русского Географического общества по отделу этнографии», 8, 1878; Д. Самоковцов. Семейная община в Курском уезде. Там же; И. М. Тютрюмов. Крестьянская семья. Очерки обычного права. «Русская речь», 1879, 4, 7, 10; В. Тригоров. Домохозяин в земельной общине. «Отечественные записки», 1879, 12; С. Пономарев. Семейная община на Урале. «Северный вестник», 1887, 1.

²⁸ В. А. Александров. Черты семейного строя у русского населения Енисейского края XVII—начала XVIII в. «Сибирский этнографический сборник», 3, 1961; см.: его же. Русское жилище Восточной Сибири в XVII—начале XVIII в. СЭ, 1960, 2.

показывает автор, возникшие на новых местах малые семьи довольно быстро разрастались в большие, хотя и не особо многочисленные, но составлявшие в XVII в., в частности в Енисейском уезде, ведущую форму русской переселенческой крестьянской семьи, что, между прочим, отразил и тип старожильского жилища этого края.

Сохранялся интерес к русской семейной общине и в недавней зарубежной литературе. Однако явный анахронизм представляет собой статья, впрочем совершенно незначительная, некоего Б. Шаля, в которой автор, основываясь на старых литературных данных, говорит о великорусской большой семье в настоящем времени, как будто эта семья продолжает существовать и поныне²⁹. Гораздо более осведомленным оказывается американский автор, некий Л. Волин, давший отчетливую характеристику былых взаимоотношений великорусской большой семьи и «мира»³⁰.

Устойчивее, чем в среде великорусского населения, сохранялась семейная община в некоторых районах Белоруссии, однако и о ней мы имеем очень немного данных. Отметим краткую, но весьма любопытную заметку И. М. Красноперова и обстоятельную характеристику белорусской семейной общины М. В. Довнар-Запольского³¹.

Что касается, наконец, Украины, то к тому времени, когда внимание наблюдателей и исследователей было привлечено к семейной общине, таковая на Украине уже почти не существовала. И. В. Лучицкий впервые отметил ее бытование в Полтавщине и Черниговщине в середине

²⁹ B. Chales. La famille paysanne russe. «Revue des études slaves», 1921, 3—4.

³⁰ L. Volin. The peasant household under the mir and the Kolkhoz in modern russian history. В кн.: C. F. Ware (ed.). Cultural approach to history. New York, 1940. Существует еще книга: E. Elnett. Historic origin and social development of family life in Russia. New York, 1926; сочинение это, во-первых, хотя и начинается исследование с эпохи матриархата, совершенно не отвечает своему заглавию, во-вторых, не упоминает о большой семье.

³¹ И. Красноперов. Антошкина община. «Отечественные записки», 1882, 6; М. В. Довнар-Запольский. Очерки семейного обычного права крестьян Минской губернии. 30, 1897, 1—2; перепечатано в книге: М. В. Довнар-Запольский. Исследования и статьи, т. I. Киев, 1909.

XVIII в.³² Реликты большой семьи, сохранившиеся более отчетливым образом и в более позднее время в Закарпатской Украине, были описаны В. Охримовичем и М. Зубрицьким³³.

Одну из крупных заслуг М. М. Ковалевского составляет внимание, которое он уделил семейной общине у народов Кавказа³⁴. Беглые показания у больших семьях существовали и в старой кавказоведческой литературе, но Ковалевский во время своей этнографической работы на Кавказе в 80-х годах XIX в. впервые ввел местную семейную общину в круг научного исследования. Конкретные данные, собранные Ковалевским, далеко не полны, но наука обязана ему тем, что он в свое время вызвал к данной теме интерес и внимание ряда исследователей, преимущественно его учеников, которые дали более или менее основательные описания семейной общины у некоторых народов Кавказа. Таковы в особенности работы Н. Н. Харузина о чеченцах и ингушах, Н. Л. Абазадзе о грузинах-карталинцах и Б. В. Миллера о карачаевцах³⁵.

Собранные таким образом данные свидетельствовали, что семейная община была широко распространенным, развитым и отчетливо выраженным явлением у всех народов Кавказа, у одних исчезнув раньше, у других исключительно стойко сохранившись до позднего времени. Существовавший материал, даже в том объеме, в каком он был собран, представлял эту общину на различных стадиях ее истории и в различных ее проявлениях. Все же кавказская семейная община оставалась в дореволюционной литературе описанной и изученной в мере, гораздо

³² И. Лучицкий. Сябры и сябриное землевладение в Малороссии. «Северный вестник», 1889, 1—2; существуют французский и немецкий переводы.

³³ В. Охримович. Про останки первісного комунізму у бойків-верховинців. «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», 31/32, 1899; М. Зубрицький. Велика родина в Мшанці, Старосамбірського пов. Там же, 73, 1906, 5.

³⁴ См.: М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. 1—2. М., 1888.

³⁵ См.: Н. Харузин. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей. «Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее», 3, 1888; Н. Л. Абазадзе. Семейная община у грузин. ЭО, 1889, 3; Б. Миллер. Из области обычного права карачаевцев. ЭО, 1902, 1.

Существующая на данную тему литература на грузинском и армянском языках, к сожалению, нам недоступна.

меньшей, чем она того заслуживала и чем это было возможно. Не будь этого, Кавказ мог бы уже давно по праву прослыть такой же классической страной семейной общины, какими в литературе считаются югославянские страны.

Выдающееся развитие получила трактовка кавказской семейной общины в советской науке. Вслед за опубликованным нами в 1946 г. небольшим очерком на эту тему³⁶ она сделалась предметом внимания ряда авторов-кавказоведов: М. И. Атакишиевой, З. Н. Ванеева, С. Ш. Гаджиевой, Г. А. Гулиева, Ш. Д. Инал-Ипа, М. М. Ихилова, И. Х. Калмыкова, Б. А. Калоева, Э. Т. Карапетян, Э. Л. Коджесау, С. Д. Лисициана, З. А. Никольской, Я. С. Смирновой, Е. Н. Студенецкой, Р. Л. Харадзе и Т. Т. Шиковой. Работы всех этих авторов на тему о семейной общине явились в целом крупным вкладом в ее исследование.

Некоторый, весьма небольшой материал был собран русской этнографией о большой семье у других народов России³⁷. Между тем, среди отдельных из этих народов семейная община существовала еще сравнительно недавно. Нам лично во время непродолжительной экспедиционной поездки по Глазовскому району Удмуртской АССР довелось установить, что в некоторых местах большая семья сохранялась здесь еще в начале XX в.³⁸ Но и для современности наличие больших семей было констатировано советскими этнографами Средней Азии: Н. А. Кисляковым у горных таджиков, А. Н. Кондауровым у ягнобцев, С. М. Абрамзоном у некоторых кочевых народов Средней Азии и Л. Ф. Моногаровой у язгулемцев³⁹. На-

³⁶ См. наш очерк «Семейная община». В кн.: М. О. Косвен. Исследования и материалы по исторической этнографии и истории Кавказа. М., 1961. К указанной здесь литературе надлежит прибавить с того времени вновь вышедшие работы: С. Ш. Гаджиева. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961; Р. Л. Харадзе. Грузинская семейная община, т. 1—2. Тбилиси, 1961.

³⁷ См.: Е. И. Якушкин. Обычное право русских инородцев. Материалы для библиографии. М., 1899.

³⁸ Ср. М. О. Косвен. Распад родового строя у удмуртов. «Ученые записки Института народов советского Востока», вып. II. М., 1931.

³⁹ См.: Н. А. Кисляков. Патриархальная семья у таджиков долины Ванджа. В кн.: «Вопросы истории доклассового общества». М.—Л., 1936; его же. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло. М.—Л., 1936; А. Н. Кондауров. Патриар-

конец, судя по отзывам наших этнографов, возвращающихся из своих полевых экспедиций, большая семья продолжает существовать кое-где еще и в наши дни. Таким образом, возможности для полевого этнографического исследования семейной общины остаются еще и сейчас.

К тому времени, когда большая семья обратила на себя внимание, она могла сохраниться у более развитых народов Западной Европы только в качестве пережитка, да и то в виде исключения. Такие факты и были констатированы и описаны для некоторых районов Швейцарии, Испании, Франции и других стран. Специальному и более или менее основательному исследованию данная тема, насколько нам известно, не подвергалась.

Некоторые сведения о венгерской семейной общине дал в двух статьях уже упоминавшийся нами исследователь большой семьи Эмиль Сикар⁴⁰. Более значительное явление представляет собой монография венгерской исследовательницы Юдит Морвай о положении женщин в большой семье венгерского населения предгорья Матра во второй половине XIX в., где автор дает и разностороннюю общую характеристику данной семейной общины⁴¹.

Весьма интересные подробные сведения об албанской семейной общине впервые в литературе привел Селим Ислями в своей содержательной специальной работе⁴².

Отчасти еще в старой литературе, преимущественно же в литературе новой и новейшей, стали появляться сведения о семейной общине у некоторых неиндоевропейских народов, помимо Индии, давшей, как было упомянуто выше, уже давно один из образцов большой семьи.

хальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. М.—Л., 1940; С. М. Абрамзон. К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии. «Краткие сообщения Института этнографии», 28, 1957; Л. Ф. Моногарова. Материалы по этнографии язгулемцев. «Среднеазиатский этнографический сборник», II, 1959.

⁴⁰ Em. Sicard. La «nagycsalad» magyarare dans les lignes générales et ses apparances slaves. В кн.: Em. Sicard. Études de sociologie et de droit slaves, I. Paris, 1950; De l'importance de la Hongrie dans les recherches sociologiques sur la famille paysanne de l'Europe Centrale. Ibid.

⁴¹ Iudit Sz. Morvay. Asszonyok a nagycsaldban, Matraalji palocasszonyok élete a múlt század mosodic feleben. Budapest, 1956; рецензии на эту книгу: «Deutsches Jahrbuch für Volkskunde», III [Berlin], 1957, 2; «Demos» [Berlin], 1960, 2.

⁴² С. Ислями. Семейная община албанцев в период ее распада, СЭ, 1952, 3.

О большой семье у арабов, вслед за сведениями о патриархальной семье у древних евреев, отдельные литературные упоминания существовали уже давно⁴³. В новое время эта тема продолжает привлекать к себе некоторое внимание⁴⁴. Из относящейся к этому вопросу литературы характерна для сохраняющихся в современной зарубежной буржуазной науке реакционных течений обширная работа представителя католической социологической школы, патера И. Хеннингера, который признает лишь ограниченное существование большой семьи как у кочевых, так и у оседлых арабов и с неким торжеством заключает: «Большесемейного коммунизма не существует нигде в Аравии»⁴⁵.

Особое внимание в указанном отношении привлек Китай, где действительно до сего дня сохраняются в весьма интересных формах большие патриархальные семьи⁴⁶.

Общим местом старой этнографии было положение, по которому отсталым народам неукоснительно приписывалась малая, индивидуальная семья. Только такую семью видели и признавали у отсталых народов всех стран мира и всех времен многие поколения этнографов, начиная с древности и до наших дней⁴⁷. Все же некоторые наблюдатели отмечали порой и наличие больших семей. Таковы отдельные показания, относящиеся к се-

⁴³ См.: А. И. Першиц. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в. М., 1961, стр. 89.

⁴⁴ См., например: Kh. Daghestani. Etudes sociologiques sur la famille musulmane contemporaine en Syrie. Paris, 1932; A. I. Tannous. The arab village community in the Middle East. «Annual Report of the Board of Regents, Smithsonian institution for the year 1943». Washington, 1944.

⁴⁵ J. Henninger. Die Familie bei den heutigen Beduinen Arabiens und seiner Randgebiete. «Internationales Archiv für Ethnographie», 42 [Leiden], 1943.

⁴⁶ См., например: L. K. Tao. The family system in China. «Sociological review», 1913, 1; I. K. Leong and L. K. Tao. Village life in China. London, 1923; K. Biggerstaff. The chinese large family, its role and recent trends. В кн.: W. F. Ware (ed.). The culture approach to history. New York, 1940, p. 109—124; L. Vannicelli. La famiglia cinese. Studio etnologico. Milano, 1943 (эта книга осталась нам недоступной).

⁴⁷ Наглядной иллюстрацией этой позиции в отношении народов Африки может служить коллективная работа: A. R. Radcliffe-Brown and D. Forde (ed.). African systems of kinship and marriage. London, 1950; переиздания: 1953, 1956, 1958 и 1960; франц. пер.: Paris, 1953.

веро-востоку Северной Америки, в которых, хотя и не всегда отчетливо, семейная община фигурирует в качестве общественной единицы⁴⁸. Весьма интересные формы больших семей были отмечены в новой этнографической литературе по Центральной и Южной Америке⁴⁹.

Весь этот все накапливающийся этнографический материал о большой семье у отсталых народов ожидает своего собирателя и исследователя.

Вопросы большой семьи привлекли к себе внимание и медиэвистов, подвергших соответствующему исследованию памятники, в частности правовые, западноевропейского средневековья. Из советской литературы назовем две специальные работы: А. Я. Гуревича о большой семье в средневековой Норвегии и А. И. Неусыхина об эволюции семьи у алеманов⁵⁰.

Отметим наконец, что попытки установить следы большой семьи были сделаны историками древнего Востока и античного мира, однако за недостатком материала дали лишь ограниченные результаты.

Подытоживая вышеизложенное, можно все же сказать, что семейная община исчезла, не оставив достаточных следов в письменных памятниках прошлого и не получив удовлетворительного описания в этнографической литературе. При таких условиях наиболее осязаемыми и выразительными образцами большой семьи сделались и оставалась прежде всего югославянская задруга, ставшая классическим примером семейной общины, тем бо-

⁴⁸ См.: Ю. П. Аверкиев. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки. М., 1961; в частности стр. 214—215.

⁴⁹ См. Ch. Wisdom. The Chorti indians of Guatemala. Chicago, 1940; P. Fejos. Ethnography of the Sagua. New York, 1943; C. Nimuendaju. The Eastern Timbira. Berkeley, 1946.

⁵⁰ А. Я. Гуревич. Большая семья в северо-западной Норвегии в раннее средневековье (по судебнику Фростатинга). Сборник «Средние века», VIII, 1956; А. И. Неусыхин. К вопросу об эволюции форм семьи и земельного аллода у алеманов в VI—IX вв. (в связи с толкованием термина «генеалогия»). Там же.— Нам известна работа о семейной общине англосаксов: I. Braude. Die Familiengemeinschaften der Angelsachsen (Sächsische Forschungsinstitute in Leipzig, Forschungsinstitut für Rechtsgeschichte, «Rechtsgeschichtliche Abhandlungen», III). Leipzig, 1932; осталась нам недоступной работа: O. Klose. Die Familienverhältnisse auf Island vor der Bekehrung zum Christentum auf Grund der Islendingasögur («Nordische Studien», 10). Greifswald, 1929.

лее, что она и наиболее стойко сохранялась, за ней — русская большая семья и наконец — кавказская. Материал по этим формам в основном и фигурировал в соответствующей общей и специальной литературе. Следует подчеркнуть, что в настоящее время новым и ценным материалом по семейной общине являются данные, собранные в работах вышеназванных советских кавказоведов.

2

Большая семья послужила материалом и аргументом для некоторых исторических построений, вызвала опыты ее общественно-исторического истолкования и породила некоторые специальные теории.

Наиболее ранним из этих истолкований является взгляд, по которому большая семья составляет древнейшую и начальную форму общественного строя славян вообще, русских в частности.

И. Эверс в «Древнейшем праве русских в его историческом развитии» следующим образом, в интересующих нас отношениях, охарактеризовал социальное прошлое Руси: «В древности,— писал он,— страну населяло множество различных народов. Каждый народ слагался из многих племен, племена из родов и семейств, или как иначе угодно назвать эти небольшие общественные союзы». Возникающее затем государство представляет собой, по Эверсу, не что иное, как соединение отдельных, дотоле свободных родов, или «больших семейств», быт которых характеризуется общностью семейного имущества, отсутствием частной собственности и, в зависимости от этого, отсутствием наследования. Это свое положение Эверс относил и к историческому прошлому всех славян. Говоря о господстве охарактеризованного им быта в древней Руси, Эверс указал на аналогичные порядки — совместное владение детей доставшимся им наследственным имуществом и отсутствие разделов — в древней Чехии и, в качестве еще одной аналогии, на семейную общину словенцев и хорватов, сохранившуюся до настоящего времени, приведя сведения об этой общине по одному из самых ранних описаний задруги — сочинению И. Чапловича⁵¹.

⁵¹ I. Ewers. Das älteste Recht der Russen in seiner geschichtlichen Entwicklung. Dorpat — Hamburg, 1826; ср. I. Csaplovics. Slavonien und zum Theil Croatien. Pesth, 1819.

В русской историографии Эверс считается родоначальником так называемой теории родового быта, согласно которой начальной формой общественного строя Руси был род. Однако не трудно видеть, что представление об этой начальной форме не отличается у Эверса четкостью, что он прямо смешивает и отождествляет семейную общину и род и что его общий тезис можно с таким же, если не с большим основанием, отнести не к роду, а к большой семье.

Совершенно определенным образом это отождествление большой семьи с родом и проистекающая отсюда нечеткость позиции выражены у одного из последователей Эверса — А. Тюринга. Ссылаясь на Эверса, Тюринг писал, что семья и род назывались у славян одинаково родом, и, развивая этот тезис, продолжал: «Итак, в жизни их (славян.— М. К.) не было различия между семьей и родом, другими словами, союз семейный отдельно от союза родового был им неизвестен, и если он был так малочислен, что состоял из одних родителей и детей, то он был у славян не семьей, а также родом, но только начинавшимся»⁵².

Положение о большой семье как древнейшей общественной форме было выставлено вслед за Эверсом некоторыми представителями расцветшего в 30-х годах XIX в. славяноведения. Так, И. Хубе писал, что славяне жили отдельными семьями-родами, которые вели свое происхождение от общего предка. Коллективная собственность составляла основание прочно сохранявшегося единства этих общин. При этом Хубе указывал, что у некоторых славянских народов сохраняются живые примеры такого состояния, ссылаясь, вслед за Эверсом, на того же Чапловича⁵³. Аналогичные высказывания находим у В. А. Мацейковского в его «Сравнительной истории славянского права», тоже со ссылками на сохранение семейных общин у некоторых славянских народов⁵⁴. Еще один видный представитель славяноведения той же эпохи,

⁵² А. Тюринг. *Общественная жизнь и земские отношения в древней Руси*. СПб., 1850, стр. 71.

⁵³ I. H u b e. *Geschichtliche Darstellung der Erbfolgrechte der Slaven*, Deutsch von I. C. Zupanski. Posen, 1836; польский оригинал: Warszawa, 1832.

⁵⁴ W. A. Maciejowski. *Historia prawodawstw słowiańskich*, t. 1—4. Warszawa, 1832—1835; 2 wydanie, t. 1—6. Warszawa, 1856—1865.

Ф. Палацкий, говоря о начальном общественном строе чехов, в свою очередь указывал, что у них, как и вообще у всех славян в древности, семьи, разрастаясь, не разделялись, а сохраняли свое единство. Так возникли древнейшие чешские селения, обитатели которых первоначально составляли только одну семью, откуда патронимическая форма названий этих селений, с окончанием на *ичи* или *овичи*⁵⁵. Позже, в 60-х годах, те же общие положения выставил Герменегильд Иречек, еще раз ссылаясь на югославянскую семейную общину⁵⁶.

Отметим, что и у названных авторов сказывается смешение семьи с родом и одновременно с соседской общиной, во всяком случае семейная община дифференцируется ими далеко не четко.

Теория родового быта, основоположником которой, как сказано, считается Эверс, была вновь развита в России в 50-х годах прошлого века С. М. Соловьевым. Некоторые исследователи считают родоначальником этой теории именно Соловьева, а не Эверса. Выразив соответствующие взгляды в ранних работах, Соловьев развил их в особенности в ставшей знаменитой статье о нравах и обычаях восточных славян. Надо заметить, однако, что и Соловьев не чужд смешения семьи с родом: говоря в этой статье о родовом быте и описывая различные формы «родовых» отношений, в частности коллективную собственность на землю и движимое имущество, Соловьев говорит в сущности о формах и отношениях, свойственных именно большой семье⁵⁷. Те же черты обнаруживаются и у другого видного представителя родовой теории — К. Д. Кавелина, говорившего о «быте семейственном, родственном», «семейно-патриархальном быте» и пр.⁵⁸

⁵⁵ F. Palacky. Geschichte von Böhmen, B. I. Prag, 1836; позже на чешском языке: Dějiny národu českého v Cechách a v Morawě, I. Praha, 1848.

⁵⁶ H. Ireček. Slovanské právo v Czechách a v Morawě, I. Praha, 1848.

⁵⁷ С. М. Соловьев. Очерк нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных, во времена языческие. «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России», изд. М. Калачовым, вып. I, 1850; ср. его же. История России с древнейших времен, т. I. М., 1851.

⁵⁸ К. Д. Кавелин. Взгляд на юридический быт древней Руси. «Современник» 1, 1847; перепечатано: К. Д. Кавелин. Собр. соч., т. I. Монографии по русской истории. СПб., 1897.

Противником родовой теории и в свою очередь основоположником общинной теории выступил один из видных представителей славянофильского течения,— К. С. Аксаков. Наиболее сильную сторону его ставшей знаменитой статьи «О древнем быте славян» составляет резкая и, надо сказать, весьма основательная критика представителей родовой теории, которых Аксаков упрекает именно в том, что они смешивают семью и род. Однако, утверждая, что род и семья исключают друг друга и несовместимы, Аксаков сам, с одной стороны, смешивал семейную общину с соседской, а с другой,— в сущности исходил именно из семьи-общины, как основной формы социального строя славян, ссылаясь притом, правда бегло, на то, что большая семья сохраняется в русском крестьянском быту⁵⁹.

Любопытную страницу историографии семейной общины составляет идеализация русской большой семьи, наряду с идеализацией русской соседской общины, славянофильством в его реакционном направлении. Яркое выражение этих взглядов составляет махрово-патриотическая статья «Большак и большуха», посвященная преимущественно восхвалению начала абсолютной семейной власти. «Иметь одного старшего в доме и слушаться его во всем — это одна из отличительных черт характера русского народа», — говорится здесь. И далее: «Мило смотреть на это маленькое патриархальное управление. Вот где зародыш безусловного повиновения русского народа властям, от бога поставленным»⁶⁰.

Итак, при всем расхождении общих взглядов защитников родовой и общинной теорий, при всей остроте их пресловутого спора, те и другие, не имея отчетливого представления о той начальной общественной форме, о которой они говорили, смешивали род, семейную общину и соседскую общину, а в конечном счете почти сходились на том, что изображали эту начальную форму в виде семейной общины⁶¹. Это смешение понятий сохранялось

⁵⁹ К. С. Аксаков. О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности. «Московский сборник», 1, 1852; перепечатано в более полном виде в книге: К. С. Аксаков. Собр. соч., т. I. М., 1861.

⁶⁰ А. Л. Большак и большуха. «Самарские губернские ведомости», 1853, 20.

⁶¹ Еще одним свидетельством существовавшего в те времена в русской литературе смешения понятий может служить примечание

в русской литературе и в дальнейшем, сказываясь в позднейших спорах о происхождении, значении, судьбе соседской общины. Причиной отчасти было и неотчетливое употребление самого термина *община*. Говорили и спорили об «общинном быте», «общинной собственности», «общинном землевладении», не обозначая, да подчас и не представляя себе, о какой общине ведется речь.

Взгляд на семейную общину как начальную форму социального развития Руси получил затем энергичное выражение в виде так называемой задружной теории. Создателем ее явился Ф. И. Леонтович.

В 1867 г. Леонтович выступил с работой, в которой истолковал *вервь* Русской Правды как семейную общину, отождествляя ее одновременно с югославянской задругой. Здесь Леонтович указал между прочим на то, что «остатки задруг можно находить даже в современном быту простого народа Восточной и Юго-Западной России» и что «устройство теперешней великорусской семьи во многом напоминает сербскую задругу». С семейной общиной, или задругой, Леонтович в той же работе отождествил и *род* Начальной летописи: «роды Нестора, — писал он, — можно понимать именно в смысле задруг»⁶². Затем в новой работе Леонтович, повторяя свои отождествления, развил более широкое положение, по которому *вервь* или задруга представляла собой начальную форму общественного развития Древней Руси⁶³.

Выставленные Леонтовичем взгляды были приняты рядом русских историков (Н. Н. Бестужевым-Рюминым, частично И. Е. Забелиным, А. Я. Ефименко). Энергичную поддержку встретила задружная теория со стороны Г. Ф. Блюменфельда. В свою очередь, отождествляя *вервь* с задругой и принимая эту форму за начальную в общественном развитии России, Блюменфельд доказы-

редакции «Русской беседы» к напечатанному ею переводу статьи М. Миличевича о сербской задруге («Русская беседа», 1858, 3).

⁶² Ф. И. Леонтович. О значении *верви* по Русской Правде и Полицкому статуту сравнительно с задругой юго-западных славян. «Журнал Министерства народного просвещения», 1867, 4.

⁶³ Ф. И. Леонтович. Задружно-общинный характер политического быта древней России. Там же, 1874, 6—8; ср. его же. К вопросу о происхождении семьи вообще и ее организации по древнему русскому праву. Там же, 1900, 6—8.

вал, что семейная община не переставала существовать в России в XIV—XVI вв., причем дал пространную характеристику этой общины преимущественно, однако, по материалу о югославянской задруге. Пытаясь вместе с тем примирить родовую, общинную (вместе с так называемой общинно-волостной) и задружную теории, Блюменфельд указывал, что семейная община возникла все же из распада рода, а соседская произошла из размножившихся семейных общин⁶⁴. Работа Блюменфельда принесла известную пользу тем, что впервые довольно отчетливо разграничила различные виды общины и тем устраняла существовавшую в этом отношении, как мы видели, путаницу.

Задружная теория вызвала в свое время и весьма основательные возражения⁶⁵. В дальнейшем она не встречала поддержки и была оставлена, однако неожиданным образом в несколько измененном виде была возобновлена советским историком М. Н. Покровским⁶⁶.

Заметим здесь в заключение наших замечаний о задружной теории, что отождествление верви Русской Правды, как и верви Полицы, с семейной общиной (и точно также предложенное другими авторами и ныне ходячее понимание верви как соседской общины) мы считаем ошибочным и со своей стороны толкуем вервь как патронимию⁶⁷.

Между тем, большая семья привлекла к себе внимание общинной теории и на Западе. В течение долгих лет существования этой теории у западноевропейских ее представителей образцом и ранней формой общинной собственности служила соседская община, преимущественно германская марка (марковая теория). Ранними указаниями на семейную общину как на древнюю форму

⁶⁴ Г. Ф. Блюменфельд. К вопросу о землевладении в древней России. «Записки Новороссийского университета», 39, 1884. Критику этой работы см.: М. Владимирский-Буданов. О формах землевладения в древней России Г. Ф. Блюменфельда. Одесса, 1884. «Университетские известия» [Киев], 1884, 11.

⁶⁵ См. в частности: Д. Самоковцов. История русского права, т. I. Начала политического быта древнерусских славян, вып. I. Варшава, 1878.

⁶⁶ См. нашу статью: Ошибки М. Н. Покровского в вопросах первобытной истории и древнейшей истории восточных славян. «Историк-марксист», 1938, 5.

⁶⁷ См. об этом ниже, главу «Патронимия».

той же общинной собственности можно считать упомянутые выше высказывания Эверса, славистов 30-х годов и взгляды русских представителей как родовой, так и общинной теорий.

Семейную общину в качестве формы, воплотившей начало коллективной собственности, выставил бельгийский социолог-экономист Эмиль Лавелэ, уделив ей, наряду с соседской, значительное место. В работе о примитивных формах собственности, появившейся сперва в 1872 г. в виде журнальной статьи, а затем выросшей в большую, с переизданиями все расширявшуюся книгу, Лавелэ, в особенности в позднейших изданиях своего труда, дал и описание большой семьи у ряда различных народов, в частности, конечно, у южных славян⁶⁸.

В России положение о семейной общине как архаической форме коллективной собственности, в частности коллективного землевладения, выставила А. Я. Ефименко. Говоря, правда, только о русском Севере в эпоху его колонизации и полемизируя с исследователями, находившими здесь соседскую общину (П. А. Соколовским, П. Сергеевым и др.), Ефименко писала: «Первый фазис организации земельного владения на севере, в пределах достоверной истории, есть фазис коллективной собственности семейных коммун»⁶⁹.

Но семейная община стала у нас предметом внимания в период 50—80-х годов прошлого века в качестве не только исторической, но и современной, существующей и в ту пору формы русского крестьянского быта.

Это было вызвано постепенно накапливавшимися, хотя, как мы видели, все-таки скудными, конкретными сведениями о русской большой семье, но известную роль сыграло здесь появление в русской печати, тоже начиная с 50-х годов XIX в., описаний югославянской задруги в виде сообщений русских путешественников по югославянским странам, а также переводов и рефератов соответствующих иностранных работ. Это дало материал для

⁶⁸ E. Lavelaye. Les formes primitives de la propriété. «Revue des deux mondes», 1872, 1—2; его же. De la propriété et de ses formes primitives, 5-ème éd., revue. Paris, 1901; существует русский перевод.

⁶⁹ А. Ефименко. Крестьянское землевладение на Крайнем Севере. «Русская мысль», 1882, 4—5; перепечатано: А. Ефименко. Исследования народной жизни, вып. I. Обычное право. М., 1884.

довольно широко распространившихся сравнений и сопоставлений русской большой семьи с югославянской задругой.

Любопытной чертой этих сопоставлений является то, что одни авторы указывали на полное тождество обоих образцов семейной общины, другие настаивали на их радикальном различии, третьи утверждали, что семейная община присуща исключительно и специфически южным славянам и вовсе не свойственна русским, характерной формой которых является не семейная, а соседская община. В этих противоречиях в известной мере сказывалось то недоразумение, о котором мы говорили и которое все время сопровождало историю вопроса, а именно — неотчетливость представлений о различных видах общины, родовой, семейной и соседской, и неотчетливое употребление термина «община».

Это недоразумение находим мы и у некоторых западноевропейских авторов. Так, Г. С. Мэн в специальной статье, посвященной сравнению югославянской и индийской большой семьи, писал: «Не может быть сомнения в том, что домашняя община южных славян это то же, что римский *gens*, греческий *gepos*» и пр., и там же: «Северные славяне или русские имеют сельскую общину, домовая община составляет специальную принадлежность южных славян,... в Индии же соединенная семья и сельская община часто встречаются бок о бок»⁷⁰.

Любопытную иллюстрацию тех же заблуждений, существовавших в среде русских исследователей, приводит М. М. Ковалевский. «Лет десять тому назад, — рассказывал Ковалевский в 1889 г., — никто и не подозревал о существовании среди великорусских крестьян семейной общины, подобной сербской»⁷¹. Когда я сделал свой первый доклад об этом рода коммунизме, председатель Московского Юридического общества, известный славянофил Лешков, не мог удержаться, чтобы не заявить во всеуслышание, что никогда еще на заседании Общества не излагалась более нелепая гипотеза, так как всем известно, что семейная община характерна для быта

⁷⁰ H. S. Maine. South slavonians and rajpoots. «Nineteenth century», 1877, 12; русский перевод: Г. С. Мэн. О юридическом устройстве семьи у южных славян и раджпутов. М., 1882.

⁷¹ Утверждение, как мы можем видеть, все же преувеличенное.

южных славян, как община сельская — для крестьян Велikorossии»⁷².

Отметим еще и характерное для раннего этапа изучения семейной общины в России затруднение, которое вызвал вопрос о разграничении большой семьи и малой. Отсюда дискуссия, имевшая место в 1876—1877 гг. в отделе этнографии Русского географического общества, вызванная докладом П. А. Матвеева, составившим затем содержание вышеназванной его статьи. Спор шел здесь преимущественно о том, что считать большой и малой семьей, и удачны ли эти термины, которые предлагалось заменить терминами «родовая» и «отцовская» семья⁷³.

В истории трактовки русской семейной общины большое распространение получил взгляд, рассматривавший и характеризовавший большую семью скорее не как историческую родственную и общественную форму, а как форму хозяйственную, как «трудовую ассоциацию» или, наконец, как вид артели.

Уже Н. В. Калачов в вышеназванной статье указал, что в крестьянском быту семья «создается под формой хозяйства». Вслед затем Ф. А. Барыков, в работе об обычном праве наследования у крестьян, отметив, что главным фактором в крестьянском хозяйстве является личный труд, высказал, что по понятиям крестьян семья представляет собой не только личный союз родства, но и рабочий хозяйственный союз; это, говорил автор, «если можно так выразиться, — кровная артель»⁷⁴. Еще более определенным образом тот же взгляд формулировал в вышеназванной работе о семье архангельского крестьянина П. С. Ефименко. «Семья, — писал Ефименко, — в нашем

⁷² М. Ковалевский. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. Пер. с франц. С. П. Моравского, под ред., с предисл. и примеч. М. О. Косвена. М., 1939, стр. 68.

Ковалевский говорит здесь, вероятно, о своем докладе в Московском Юридическом обществе на тему «О современных формах общинного землевладения в Индии», читанном 13 февраля 1878 г. (остался ненапечатанным) и вызвавшем прения, перенесенные на 27-е того же месяца. См. протокол этого заседания («Юридический вестник», 1878, 4), где, однако, в передаче выступления В. Н. Лешкова выхода его, о которой говорит Ковалевский, не отражена.

⁷³ См.: «Известия Русского географического общества», 13, 1877.

⁷⁴ Ф. Барыков. Обычаи наследования у государственных крестьян (по сведениям, собранным Министерством государственных имуществ в 1848 и 1849 гг.). «Журнал Министерства государственных имуществ», 1862, 9—12; оттиск: СПб., 1862.

крестьянстве имеет преимущественно значение хозяйственное; это своего рода ассоциация, хотя и не отрешившаяся окончательно от патриархальных взглядов, тем не менее преследующая почти исключительно экономические цели — общее производство и общее потребление.

Этот взгляд на русскую семейную общину, получивший в литературе название «теории трудового начала», или «картельной теории», сильнее всего отразился как на ряде конкретных описаний русской большой семьи (Матвеев, Оршанский, А. Я. Ефименко, Тютрюмов, отчасти Довнар-Запольский), так и на общей трактовке семейной общины.

Теория эта сводилась у различных авторов к следующим основным положениям. Кровное родство и кровная связь не составляют существа семьи, а являются элементами второстепенными или даже случайными. Таким образом, большая семья не представляет собой по существу родственного союза, а прежде всего «хозяйственную ассоциацию». Основу такой «ассоциации» составляет общий труд, который является в свою очередь основанием общей собственности. Семейное имущество принадлежит, таким образом, всем членам семьи, как своего рода «дольщикам» в этом имуществе, а не единолично главе семьи, и соответствующие права членов семьи или «дольщиков» основываются не на родственных их отношениях, а на доле труда каждого. Наконец, власть главы семейной общины определяется опять-таки не родственными отношениями, не старшинством, а его ролью в качестве распорядителя хозяйства.

Теория трудового начала в русской крестьянской семье вызвала и некоторые возражения С. В. Пахмана и В. Ф. Мухина, подвергших ее критике с юридической точки зрения⁷⁵, М. М. Ковалевского, протестовавшего против игнорирования этой теорией родственного начала в семейной общине и пр., однако развернутой критики эта теория не получила.

Теория трудового начала правильно отмечала хозяйственную сущность семейной общины, роль в ней труда вообще и коллективного труда в частности, правильно вместе с тем отмечала и ряд складывавшихся на этой

⁷⁵ С. В. Пахман. Обычное гражданское право в России, т. II. Семейные права, наследство и опека. СПб., 1879; В. Ф. Мухин. Обычный порядок наследования у крестьян. СПб., 1888.

основе бытовых отношений и правовых представлений. Однако теория эта была раньше всего не свободна от довольно сильной идеализации в народническом духе этого трудового начала и его якобы уравнительного действия в русских больших семьях. С другой стороны, подходя к русской семейной общине скорее односторонне, только с точки зрения этих трудовых отношений, и усугубляя эту односторонность подхода преимущественно юридическим анализом этих отношений, рассматриваемая теория выпускала из поля зрения многие бытовые, этнографические, сугубо жизненные и крайне существенные для характеристики большой семьи черты ее внутренних и внешних отношений. Наконец, все это статическое, экономическое и юридическое рассмотрение семейной общины совершенно снимало необходимую историческую ее трактовку. Можно сказать, таким образом, что, оказав сильное влияние на конкретные описания русской большой семьи, сводя их в большой мере к схемам, теория трудового начала принесла больше вреда, чем пользы.

Сравнительно мало внимания привлекла к себе семейная община в широких общественно-исторических построениях. Достаточно сказать, что Л. Г. Морган совершенно не знает семейной общины. Другой крупный историк общественных форм и древнего права, Г. С. Мэн, еще не знавший большой семьи в своем первом труде «Древнее право» (1861 г.), обратил на нее внимание в следующем сочинении — «Ранняя история учреждений» (1875 г.), однако ограничился здесь лишь попыткой определить историческое место этой формы. Ссылаясь на югославянский и индийский образцы семейной общины, а равно на ее пережитки во Франции, Мэн в качестве ревностного выразителя патриархальной теории, во-первых, считал большую семью результатом размножения исконной малой семьи, во-вторых, поместил ее в качестве промежуточной формы между этой начальной малой семьей и соседской общиной⁷⁶.

Как было упомянуто в предшествующей главе, старая этнография представляла себе семью у отсталых народов по общему правилу не иначе как в качестве малой, индивидуальной семьи. Соответствующий тезис присущ был и

⁷⁶ H. S. Maine. Lectures on the early history of institutions. London, 1875; существует русский перевод.

буржуазным сводкам или обобщениям, основанным на этнографическом материале. Однако наличие у многих народов большой семьи, заставившее отдельных этнографов отметить этот факт, понудило и таких матерых защитников извечности малой семьи, как глав так называемой католической школы в этнологии В. Шмидта и В. Копперса, дать место большой семье в их своего рода историческом построении развития общественных форм. Начальной стадии истории общества присуща, согласно этому построению, конечно, малая моногамная семья, составляющая основу человеческого общества. Но в одном из последующих «культурных кругов» появляется большая семья, в такой мере характерная для данного «круга», что он даже получает название «отцовско-большесемейного». Большая семья возникает, конечно, из малой: женатые сыновья остаются жить с отцом и т. д.⁷⁷

Семейная община должна была бы найти себе законное и значительное место в специальных сочинениях по истории семьи. На деле этого нет, и если авторы этих сочинений останавливались на данной теме, то обычно бегло и притом весьма неудачно.

Так, Ю. Липперт, пытаясь охарактеризовать смену «старой», или «древней», как он выражается, семьи, под которой у него надо разумеать большую семью, «новой», или малой семьей, посвящает этой «старой» семье несколько страниц, однако дает довольно хаотическую ее характеристику, притом не то путает, не то отождествляет ее с родом⁷⁸. Лишь мимоходом несколько беглых и невразумительных замечаний уделяет семейной общине К. Старке⁷⁹. Еще один пример — Э. Гроссе, с его попыткой увязать историю семьи с историей хозяйства. Низшим формам хозяйственного быта — охоте, скотоводству и низшему земледелию свойственна, по Гроссе, малая семья; большая семья появляется только у высших земледельцев. Представление Гроссе об этой последней форме довольно, по его времени, отсталое. Большая

⁷⁷ W. Schmidt und W. Koppers. Gesellschaft und Wirtschaft der Völker. Regensburg, 1925, S. 201—205.

⁷⁸ I. Lippert. Geschichte der Familie. Stuttgart, 1875; существует русский перевод.

⁷⁹ К. Н. Старке. Первобытная семья, ее возникновение и развитие. Пер. с французского. СПб., 1901; датский оригинал: København, 1886.

семья, говорит он, отличается от малой «тремья чертами»: большой величиной, деспотической властью отца и полным порабощением жен и детей. В качестве наиболее выразительных образцов такой семьи автор берет римскую *familia* и семьи китайскую и японскую. О других образцах семейной общины, в частности о задруге, Гроссе, видимо, не имеет понятия⁸⁰.

Чтобы исчерпать наш обзор общей литературы о большой семье, назовем разносторонний, но крайне беглый очерк, относящийся к различным народам, сделанный швейцарским юристом Г. Коном⁸¹.

Единственным автором, не только уделившим семейной общине значительное внимание, но и сделавшим эту тему одной из основных в своих исследованиях по истории общественных форм и обычному праву, был выдающийся русский ученый М. М. Ковалевский.

Помимо своих кавказоведческих работ, помимо того, что Ковалевский особо останавливался на русской большой семье в различных частных работах, а также в своих курсах и лекциях, посвященных России⁸², он подверг большую семью общей широкой и пространной трактовке в «Очерке происхождения и развития семьи и собственности» и в «Родовом быте»⁸³, возвращаясь к той же теме в своих позднейших сочинениях по первобытной истории⁸⁴.

Описания, анализ и истолкование семейной общины, данные Ковалевским, составляют его крупную заслугу и являются важным вкладом не только в трактовку данного вопроса, но и в историю общественного развития.

⁸⁰ E. Grosse. *Die Formen der Familie und die Formen der Wirtschaft*. Leipzig, 1896; существует русский перевод.

⁸¹ G. Cohn. *Gemeinderschaft und Hausgenossenschaft*. «Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft», 1898.

⁸² См.: М. Ковалевский. *Études sur le droit coutumier russe*. «Nouvelle Revue historique de droit français et étranger», 1890, 3; его же. *Modern customs and ancient laws of Russia*. London, 1891; русский перевод первых двух глав: «Всемирный вестник», 1903; 1, 2; его же. *Le sort de la famille paysanne indivisée*. В кн.: М. Ковалевский. *La Russie sociale*. Paris, 1914.

⁸³ М. Ковалевский. *Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. Опыт из области сравнительной этнографии и истории права*. СПб., 1905.

⁸⁴ М. Ковалевский. *Социология*, вып. II. *Генетическая социология*, II, 1910; его же. *Происхождение семьи, рода, племени, государства и религии*. В кн.: «Итоги науки в теории и практике», т. X. М., 1914.

Отвергнув и опровергнув патриархальную теорию, Ковалевский впервые совершенно правильно определил историческое место патриархальной большой семьи как следующей за архаической материнской семьей и предшествующей малой семье, или, как он выразился, составляющей «второй этап общественной эволюции». Давая одновременно, в особенности в «Родовом быте», обширный обзор семейной общины у различных народов в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом, Ковалевский демонстрировал ее универсальное распространение.

Расширяя и обобщая положение, выставленное А. Я. Ефименко, Ковалевский доказывал, что семейная община была ранней формой общинного землевладения. Сопоставляя семейную общину с соседской и выступив против издавна проводимого общинной теорией взгляда, по которому ранней формой коллективной собственности была соседская община (марка), Ковалевский доказывал, что семейная община является формой более архаической, чем соседская, которая возникла значительно позднее и явилась, считал Ковалевский, преемницей первой. «Общее владение,— писал Ковалевский в «Очерке происхождения и развития семьи и собственности»,— характерное для семейной общины, где бы они ни существовали еще в наше время, мы находим и в предшествующие исторические эпохи... Такой вывод еще недавно вызвал бы множество возражений, так как древнейшей формой владения все считали сельскую общину». «Установлено,— говорил далее Ковалевский,— что земельная община с периодическим переделом земли, какой мы ее знаем в теперешней России, возникла относительно недавно, что в XVI в. ее еще не знали и что самой распространенной формой владения в ту эпоху было семейное общее владение». «Общий вывод из всего сказанного,— заключал Ковалевский,— сделать уже легко: древнейшей формой владения недвижимой собственностью было семейное владение»⁸⁵. Надо сказать, однако, что если правильно положение Ковалевского о том, что семейная община гораздо более архаична, чем соседская община, то утверждение его, что семейная община является древнейшей формой землевладения, игнорирует родовую общину и потому является неверным.

⁸⁵ Эти положения Ковалевский впервые выставил еще в «За-
коне и обычае на Кавказе» (1888).

Одновременно Ковалевский попытался разрешить и труднейший, немало дискутировавшийся и в зарубежной науке, и в России вопрос о возникновении соседской общины. «Новая теория», как он сам выразился, выставленная Ковалевским в «Очерке происхождения и развития семьи и собственности», состояла в том, что возникновение соседской общины было им отнесено ко времени разложения семейной общины и с этим разложением поставлено в связь: это «самопроизвольное возникновение соседской общины из семейной общины как следствие ее разложения» было, по Ковалевскому, результатом, с одной стороны, разделов больших семей на малые семьи, с другой стороны, отчуждения этими последними своих земельных наделов посторонним, неродственникам⁸⁶. В «Родовом быте» Ковалевский, видимо, отказался от этого своего взгляда, заявив, впрочем неопределенным образом, что «сельская община — преемница родовой, не устранившая собой необходимости дальнейшего существования семейной». Все же ряд существенных положений, связанных с семейной общиной, не получил у Ковалевского разъяснения, отдельные вопросы были решены ошибочно, а анализ и характеристика этой формы остались у него далеко не полными.

Довольно большое место отвел семейной общине Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства». Используя в своем переработанном (1891 г.) издании этого труда данные и выводы Ковалевского, Энгельс отметил, что Ковалевский доказал широкое, если не повсеместное, существование патриархальной семейной общины как промежуточной ступени между материнской семьей и современной индивидуальной семьей и поставил это в несомненную заслугу Ковалевскому. Энгельс уделил особое внимание югославянской задруге как наилучшему образцу семейной общины, дав краткую ее характеристику и сопоставив с другими ее историческими образцами. Именно благодаря Энгельсу югославянская задруга сделалась классическим примером семейной общины. Но с осторожностью отнесся Энгельс к другим положениям Ковалевского, касающимся семейной общины, а именно, что она является

⁸⁶ Эта «новая теория» Ковалевского была, как мы можем судить, в значительной мере повторением положения, выставленного в свое время Гакстаузенем.

ранней формой общинного землевладения и что из нее развилась соседская община, равно как и к некоторым частным его толкованиям⁸⁷.

Подытоживая, мы видим, что в трактовке семейной общины преимущественное внимание было уделено ее истолкованию как начальной ячейки общественного развития и определению ее места в смене общественных форм. Что касается происхождения большой семьи, то, согласно почти безраздельно господствовавшему взгляду, она считалась продуктом размножения изначальной малой семьи, причем сама представлялась в качестве совокупности малых семей. Новое и принципиально важное положение о происхождении семейной общины, использованное Энгельсом, выставил Ковалевский.

Но семейная община, являя собой форму историческую, и сама имеет свою историю. Беря эту форму преимущественно статически, ее исследователи не обращались к истории самой семейной общины, не пытались наметить этапы ее развития и в этом свете истолковать различные стороны ее внутренних отношений, различные элементы ее строя и быта.

Можно, таким образом, сказать, что как в отдельных ее проявлениях, так и в ее общеисторическом значении семейная община, эта важнейшая общественная форма, сыгравшая крупнейшую историческую роль в прошлом всех развитых народов, осталась недоисследованной.

Позволим себе отметить в заключение, что опубликование нами в свое время, в 1946—1948 гг., трех очерков, посвященных большой семье («Семейная община. К истории вопроса», «Семейная община. Опыт исторической характеристики» и «Семейная община» — в Очерках по этнографии Кавказа), вызвало некоторое оживление интереса к данной теме, что в особенности сказалось в советском этнографическом кавказоведении⁸⁸.

Как бы то ни было, данная тема остается актуальной при изучении истории общественных форм.

⁸⁷ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21. Изд. 2. М., 1961, стр. 61—62, 63, 134—135, 139—140; см. также: Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке. Изд. 4. М.—Л., 1931, стр. 12.

⁸⁸ Названные наши работы привлекли также особое внимание в югославянских странах, причем, помимо ряда ссылок, наш опыт исторической характеристики семейной общины вызвал две специальные рецензии: профессора Олега Мандича («Historijski Zbornik», IV, 1951) и доктора Миленко Филиповича («Гласник Етнографског института Српска Академија наука», I, 1952).

2. ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

1. Предшественница патриархальной семейной общины — материнская семья. Взгляд на большую семью как продукт размножения малой семьи. Взгляд на большую семью как «неразделенную» семью и как на соединение или «союз» малых семей. Домысел о большой семье как продукте феодально-крепостнической, в частности налоговой, политики. Отрицание родственного начала в большой семье. Домысел об этнической ограниченности семейной общины. Вопрос о степени сохранности семейной общины у разных народов.

2. Обозначения большой семьи у разных народов, выражающие ее хозяйственное, общественное, потребительское или родственное единство. Состав семейной общины. Управление семейной общины, семейный совет, глава семьи, его власть, функции и положение. Наследование его поста. Старшая женщина большой семьи. Черты внутренних отношений в большой семье, положение детей, отношения мужа и жены. Размножение и сегментация семейной общины.

3. Развитие и распад семейной общины. Особенности этого процесса. Югославская «раздвоица». Семейная община как замкнутое натуральное хозяйство. Втягивание семьи в товарный оборот. Расширение функций и усиление власти главы семьи. Разделение семейного имущества на «отчину» и «покупщину». Образование неделимого и неотчуждаемого наследственного семейного владения. Образование отдельной собственности. Положение женщин в большой семье на данном этапе ее истории. Вызревание малой, индивидуальной семьи. Отражение этого процесса на жилище. Конфликтное состояние большой семьи и учащение ее сегментации или разделов. Уменьшение размера семейной общины. «Индивидуализм» или «ссоры женщин» как мнимые факторы распада семейной общины.

Поклоленный принцип раздела семейного имущества. Доля главы семьи. Большая семья как ограниченный круг действия права родства и выражение этого в практике мести, композиции и наследования. Образование патронимии. Демократический тип семейной общины.

4. Особый путь развития большой семьи на основе развития частной собственности. Нарастание власти главы семьи. Изменение состава и характера большой семьи. «Отцовская» большая семья. Поздняя великорусская большая семья. Большак и большуха. Внутрисемейные отношения. Снохачество. Соперничество частнособственнических тенденций. Сохранение начала семейной собственности. Позиция русского законодательства, суда и юридической науки. Большесемейные разделы и выделы. Образование «братской семьи». Роль феодально-крепостнической власти в сохранении больших семей. Двойственная роль соседской общины и ее «мира» в судьбе семейной общины.

Заключение.

1

Наш предшествующий историографический обзор показывает, что восстановить историю семейной общины во всей полноте составляет задачу — за крайней недо-

статочностью конкретных данных — вряд ли достижимую. Мы решаемся все же сделать попытку охарактеризовать, в значительной мере беглым образом, основные этапы развития и распада патриархальной семейной общины, осветив вместе с тем некоторые наиболее важные с исторической точки зрения стороны ее внутренних и внешних отношений.

Для того, чтобы не слишком расширять поле нашего обозрения и вместе с тем чтобы ограничить это поле более или менее однородным этническим ареалом, мы в настоящем очерке основываемся преимущественно на описаниях былой великорусской большой семьи и югославянской задруги.

В обычном и распространенном представлении семейная община считается специфической принадлежностью патриархального родового строя. Это выражается, между прочим, в том, что она часто именуется «патриархальной семейной общиной» или «патриархальной большой семьей». На деле семейная община, или большая семья, свойственна также и эпохе развитого матриархата. Это — наблюдаемая и сейчас в сохраняющихся матриархальных обществах *материнская семья*, сравнительно большая родственная группа, состоящая из четырех-пяти поколений, потомков одной женщины. Материнская семья представляет собой единое хозяйство, единый производственный и потребительский коллектив и, в условиях полностью осуществленных начал первобытнообщинного строя, является совершенным воплощением этого строя.

Материнская семья изучена еще неизмеримо меньше, чем патриархальная семья. Существующий материал еще ожидает своего специального исследования¹. Поэтому к сказанному мы присоединим только следующие общие замечания.

Специфику материнской семьи и ее радикальное отличие от семьи патриархальной составляет прежде всего ее структура: тогда как в патриархальную семью входят

¹ Примеры материнской семьи см. в нашей работе: «Матриархат (Этнографические материалы)». «Ученые записки Московского государственного университета», вып. 61, «История», т. III. М., 1940 (существует словацкий перевод этой работы, вышедший в 1954 г.).

жены, происходящие из других родов, все члены материнской семьи принадлежат к одному материнскому роду. Мужья, в силу присущих матриархату форм брака и брачного поселения, в семью жен не входят. Другую особенность материнской семьи составляет то, что в ней, пока действуют матриархальные начала, не происходит, как это наблюдается в патриархальной семье, образования индивидуальных малых семей. В материнской семье имеет место некоторая индивидуализация замужних женщин с их детьми и их матриликальными мужьями, однако сколько-нибудь полного обособления такой семьи, в особенности ее превращения в отдельную хозяйственную и общественную единицу, а тем более ее выделения, не происходит. Материнская семья либо прекращает свое существование вместе с общим распадом материнского строя в данном обществе, либо, в процессе перехода данного общества от матриархата к патриархату, превращается в патриархальную большую семью. Развитие производительных сил, изменение производственных отношений, в частности и в особенности изменение общественно-производственной роли мужчины и женщины, изменение формы брака, переходящего от парного брака к моногамии и прочному патрилокальному поселению супругов,—таковы причины, непосредственно обуславливающие превращение материнской семьи в патриархальную. Именно это превращение основной ячейки развитого родового общества составляет центральное ядро всего процесса превращения матриархата в патриархат.

Обычное представление о патриархальной семейной общине, находящееся в плену так называемой патриархальной теории, состоит в том, что семейная община является соединением или совокупностью малых семей — откуда ее названия: «сложная», «соединенная», «неразделенная» семья,—и возникает в результате размножения исконной малой семьи, причем эта размножившаяся семья не разделяется, а сохраняет общее владение, единое хозяйство и пр. Распространенное мнение о возникновении семейной общины гласит, что после того, как семья и хозяйство были созданы неким отцом, сыновья его, сколько бы их ни было, женясь, остаются при отце и отцовском хозяйстве со своими женами и детьми. Умирает отец, сыновья не делятся, на место умершего главы

семьи становится самый старший или самый способный из сыновей, с его смертью заступает другой сын и т. д. Юристы, озабоченные обоснованием «юридической природы» большой семьи, особо подчеркивают роль в данном случае наследования, имеющего при таких условиях коллективный характер: после смерти отца (без этой смерти обойтись никак не могут!) имущество, составляющее частную собственность умершего, не делится, а становится общей собственностью всей семьи, обуславливая ее существование. Отсюда еще одно наименование большой семьи: «наследственная община» (Erbgemeinschaft немецких юристов).

Сюда присоединяется взгляд, что, так как основной, «органической» ячейкой человеческого общества является малая семья, такая, выросшая из малой семьи, большая семья существует только временно и должна рано или поздно разделиться на малые семьи. Это представление о большой семье как о только временно сохраняющейся неразделенной выразилось в ходячем в буржуазной литературе наименовании большой семьи *неразделенной* или *нераздельной* семьей (individed family в англо-американской литературе).

Еще один взгляд состоит в том, что тогда как индивидуальная семья является начальной и исконной формой, большие семьи возникают в результате соединения или «союза», по тем или иным соображениям, нескольких малых семей. Наконец, некоторое отступление от этих позиций составляет допущение, что архаически существовали одновременно и рядом как малые семьи, представляя собой проявление «естественного индивидуализма», так и большие семьи, причем малые семьи разрастались на некоторое время в большие, а последние затем дробились на малые.

В конечном счете все перечисленные взгляды сводятся все же к вящему утверждению древней патриархальной теории и в особенности к утверждению изначальноности существования частной собственности. Однако малая, индивидуальная семья как общественная форма не существовала при матриархате, равно и при начальном патриархате, ее не знал первобытнообщинный строй на всем протяжении своей истории, вплоть до начала его распада. Как будет показано, малая семья могла возникнуть и должна была возникнуть как результат распада

большой семьи, став выразительницей и воплощением новых общественно-производственных отношений.

Существует еще взгляд на происхождение большой семьи, по которому она была объявлена образованием искусственным, продуктом феодально-крепостнической, в частности фискальной, политики: поскольку, мол, семья была тягловой или податной единицей, малые семьи, разрастаясь, не делились, либо же соединялись в большие семьи, в целях облегчения для себя податного бремени. С другой стороны, сама феодально-помещичья власть была заинтересована в существовании больших, экономически сильных семей в качестве более надежных исполнителей или плательщиков повинностей. Все это говорилось применительно к югославянской задруге, со ссылкой на влияние византийской фискально-налоговой системы VIII—IX вв. и последующей, введенной на Балканах турками, системы распределения натуральных повинностей, равно как относительно русской большой семьи эпохи крепостного права. Изложенный взгляд, в таком общем и обязательном смысле решающий вопрос об историческом возникновении большой семьи, совершенно ошибочен. Феодальная и помещичья власть, действительно, играла не малую роль, однако не в создании, а в консервации семейной общины, притом уже в эпоху ее распада. К этому вопросу мы вернемся ниже.

Еще об одном ошибочном взгляде на семейную общину следует упомянуть. Некоторые толкователи «природы» большой семьи пытались отрицать ее родственный характер. Этот взгляд в известной мере свойствен был, как мы видели, представителям вышеупоминавшейся теории трудового начала или артельной теории. Сказался он, например, в таком определении задруги, какое находим в старом Энциклопедическом словаре: «маленькое общество, состоящее из нескольких семей, связанных не столько родством, сколько связями экономическими и территориальными»². В доказательство того, что семейная община — не чисто родственный коллектив, указывалось, в частности, на нахождение в ней чужих, принятых в семью людей: приемышей, усыновленных,

² Энциклопедический словарь, изд. Брокгауза и Ефрона, т. XII, 1894, статья «Задруга».

зятьев (русское приймачество, сербское домазетство), наконец — работников по найму. Но все эти и иные виды принятия в семью чужих — весьма поздние явления. Они становятся возможными только в условиях глубокого распада первобытнообщинного и большесемейного строя, когда создается дифференциация богатых и бедных семей и когда только появляются, с одной стороны, богатые семьи, нуждающиеся в рабочих руках, а с другой стороны, бедные семьи, отпускающие свои рабочие руки, появляются люди, готовые идти в чужую семью, либо даже бездомные одиночки.

Еще более поздняя форма — личный наем. Во всяком случае, все эти принятые в семью чужие составляют совершенно незначительный процент ее состава и никак не изменяют ее основной «природы»: семейная община была и оставалась и исторически, и в основе своей чисто родственной группой.

Как можно видеть из нашего историографического обзора, в течение долгого времени наличие семейной общины признавалось весьма ограниченным образом: она считалась присущей только некоторым народам и отрицалась для других. Вспомним, что еще в 80-х годах XIX в. отдельные русские ученые считали ее совершенно несвойственной России. В немецкой литературе конца XIX в. циркулировал домысел, особенно отчетливо выраженный впервые реакционным историком Августом Мейценом, будто семейная община составляла специфическую особенность славянских народов, что объясняется их склонностью к коммунизму, и совершенно не была присуща другим народам, в частности и в особенности германцам, в силу их якобы «индивидуализма»³. С течением времени, впрочем, взгляд этот был пред лицом очевидных фактов оставлен самой же реакционной немецкой наукой⁴.

Особый, не получивший достаточного разрешения, надо сказать, действительно весьма сложный и трудный вопрос состоит в следующем: почему у одних народов или в одних районах расселения данного народа семейная

³ A. Meitzen. Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slaven, B. II. Berlin, 1895, S. 214, ff.

⁴ См., например: A. Dopsch. Die ältere Sozial- und Wirtschaftsverfassung der Alpenslaven. Weimar, 1909, S. 149—150.

община сохранялась с бóльшей, иногда с исключительной стойкостью, между тем как у других народов или в отдельных местностях в пределах расселения тех же народов она распадалась и исчезала гораздо раньше. В этом плане довольно часто противопоставлялись великороссы и украинцы. «Великороссияне,— писал в середине XIX в. В. В. Тарановский,— живут большими семьями. В Малороссии, напротив, не только двоюродные, дальние родственники не сохраняют между собою хозяйственного единства, но даже женатый сын обыкновенно отделяется от отца, строит особую избу и заводит особое хозяйство. Два женатых брата почти никогда не уживаются вместе»⁵.

Описывая семейные отношения белорусов, М. В. Довнар-Запольский указывал, что в 90-х годах XIX в. в Минской губернии большая семья была еще преобладающей формой семьи, в особенности по сравнению с Великороссией, между тем в то же время в Полесье шли интенсивным образом разделы больших семей⁶.

Объяснение отсутствия или давнего исчезновения больших семей у украинцев пытались найти в якобы свойственном и им особом «индивидуализме». Однако эту черту никак нельзя приписать обитателю белорусского Полесья с его крайним консерватизмом и сохранностью многих архаических черт его быта. На деле объяснение указанных фактов лежит не в области личных черт того или иного народа, не в области «психологии» и не в области внутрисемейных отношений, а только в области условий общественно-исторического развития данного народа или данной его части.

Нет и не может быть сомнения, что большая семья представляет собой, вообще говоря, форму вымирающую, а во многих случаях исчезнувшую совершенно. Надо, однако, подчеркнуть, что имеется немало свидетельств крайней устойчивости данной формы. Замечательную иллюстрацию этого дает сербский этнограф Мирко Барияктарович в своем описании одной сербской задруги в Метохии. Это — семья Османай в с. Дурако-

⁵ В. В. Тарановский. О делимости семейств в Малороссии. В кн.: «Труды Комиссии при Университете св. Владимира для описания губерний Киевского учебного округа», т. II. Киев, 1853, стр. 3.

⁶ М. В. Довнар-Запольский. Указ. соч.

вац. В конце 20-х годов XX в. она состояла из 35 членов, 15 лет спустя ее численность достигла 56 человек, а в 1959 г. в ней было уже 84 человека⁷.

2

Представляя собой результат превращения материнской семьи, семейная община эпохи патриархата в начальной своей фазе полностью сохраняет свою унаследованную от матриархата первобытнообщинную сущность. Полностью сохраняется прежде всего начало коллективной собственности на землю и основные средства производства. Коллективной собственности соответствует и полное хозяйственное, производственное и потребительское единство. Этот характер семейной общины хорошо выражается ее разнообразными наименованиями у различных народов.

Один ряд таких наименований, составляя общее выражение *хозяйственного* единства большой семьи, сводится к понятию дома-жилища, или домохозяйства, или «двора» как отдельной усадьбы-хозяйства. Таковы: *куча*, или *куца* (дом), или *задружна куча*, распространенные у сербо-хорватов, *дом*, *двор*, *дворище*, *изба* — у восточных славян. Таковы же и латинские термины *domus*⁸ и *familia*⁹. Интересно сюда же относящееся фигуральное обозначение семьи в правовом кодексе пруссов-литовцев: «четыре столба»¹⁰.

⁷ М. Barjaktarović. О rodovskoj zadruzi Osmanaj iz sela Duračovca. «Sociologija» (Beograd), 1959, 2/3.

⁸ Именно в значении «большой семьи» употребляют термин *domus*, а тем более *universa domus* Тацит в «Германии» (XXI, XXV) и Цицерон: *una domus, omnia communia* (De offic., I, 17, 53).

⁹ Вопрос о значении термина *familia* составляет предмет давней и непрекращающейся дискуссии (ср., например: R. Henrion. Des origines du mot *familia*. «Antiquité classique», 10—11, 1941—1942). Мы считаем, что исходная связь этого термина с понятием «жилище» является наиболее вероятной и совершенно неправильно, вернее, устарело, восходящее к Фесту (Festus, v. *famuli... unde et familia vocata*) объяснение *familia* из *famulus* (раб), хотя бы потому, что большая семья существовала, а следовательно, имела свое наименование совершенно независимо от существования рабства. Гораздо вероятнее обратное: происхождение слова *famulus* из *familia*, точно так же, как русское *челядин* — из *челядь*.

¹⁰ В. Т. Пащенко. Помезания. «Помезанская правда» как исторический источник изучения общественного и политического строя Помезании XIII—XIV вв. М., 1955 (статья 87).

Наряду с хозяйственным, и общественное единство большой семьи выражают термины южных славян: *купщина*, или *скупчина*, *дружина*, или *дружество* (*друштво*)¹¹. Аналогичен обозначающий большую семью термин *дружина* Русской Правды, имеющий одновременно значение семейного имущества. Соответствующие термины чехов — *ředitel* и *spolek*.

Другой ряд терминов, вместе с понятием хозяйственного единства, характерным образом выражает и *потребительское единство*. Таковы: *дым*, *камин* — у южных славян, *огнище* и *печище* — на севере России, *дым* и то же *печище* — в литовско-русских актах. Сюда же относится такое обозначение членов семейной общины, как санскритское *ekaratena vasatam*, «совместно готовящие пищу», термин пруссов-литовцев «братья, живущие вместе на одном хлебе», на *jednom chlebe* или *pri ednom stole* словаков, «у одного дыма грелись» у сербов Метохской области, «на том же хлебе, в одном дыму» литовско-русских актов или — «в едином хлебе» украинских актов XVIII в.; аналогичны термины *chlebeti* чехов, *chlebojedzcy* поляков.

Наконец, ряд терминов, обозначая вообще *родственное начало* и применяясь также к другим, более широким родственным группам, употребляются в качестве обозначения семейной общины. Таковы: *род* или *рода* у болгар, *родина* или *велика родина* у словаков и в Западной Украине, *задружна породица* или *породична задруга* у черногорцев, *жуна* — у хорватов и черногорцев, *колено*, *братство*, *племе* — у разных югославянских народов, также в литовско-русских актах. Таков же, видимо, т. е. обозначает в основе своей родственное начало, славянский

¹¹ Получивший широкое распространение в литературе в качестве обозначения югославянской семейной общины термин *задруга* на деле, как это в свое время разъяснил Богитшич, не известен народному языку южных славян в виде существительного, а употребляется лишь в форме прилагательного в выражении *задружна куча*, обозначая более многочисленную семейную общину, в отличие от менее численной, обозначаемой как *инокосна куча* или *инокоштина*; см.: Б. Богитшич. О несложной сельской семье у сербов и хорватов. «Журнал Министерства народного просвещения», 1885, 2. Аналогичны выражения *гольма* (большая) *куца*, *гольма купщина* или *кучна дружина* у болгар. О современном употреблении термина *задруга* и его аналогов в Черногории см.: В. Чубрилович. Терминология племенского друштва у Црној гори. Београд, 1959, стр. 17—18.

термин *челядь* (у болгар *голѣмата* и *малката челядь* — многочисленная и малочисленная семья), хотя этимологическое объяснение этого термина остается весьма спорным.

Подчеркнем еще раз, что некоторые из приведенных сейчас терминов, в частности *печище*, *род*, *жуна*, *братство*, *племя* употребляются для обозначения родственной группы более широкой, чем семейная община, а именно — патронимии. К этому вопросу мы еще вернемся.

Семейная община эпохи патриархата состоит из четырех-пяти, иногда и больше, поколений ближайших родственников по отцовской линии, потомков одного предка, с женами мужчин данной группы. Старшее поколение такой патриархальной семьи состоит из нескольких братьев с их женами, иногда только из одного оставшегося в живых представителя этого поколения, следующее поколение — из сыновей с их женами и т. д. Это, если принять хотя бы среднюю норму плодовитости, составляет довольно многочисленную группу. У некоторых народов большая семейная община иногда занимала отдельный поселок¹². Показания о числе членов семейной общины относятся к сравнительно недавнему прошлому и все же соответствующие числа довольно велики. Так, у словенцев, например, численность задруги доходила до 200—300 человек, у болгар — до 250 человек или 80 работников.

Общее управление всей хозяйственной деятельностью патриархальной семьи принадлежит семейному совету. В значительной мере семейный совет регулирует и личную жизнь членов семьи. Так, вопросы о браке молодых членов семьи нередко не только обсуждаются, но и решаются всей семьей. В семейном совете имеют равный голос все взрослые члены семьи как мужчины, так и женщины, каждый — в меру его личного авторитета. Совет представляет собой орган, не имеющий, конечно, формального характера, но влияние его, влияние общего мнения семьи, не менее действительно. Если, таким образом, семейный совет является тем, что можно назвать высшей властью в семье, то ее исполнительным главой,

¹² Так у сербов Метохской области; см.: В. Николић. Српска породична задруга у метохиским селима. «Гласник Етнографског института, Српска Академија наука», 7, 1958.

в соответствии с патриархальным началом, является «старший» мужчина. Это обычно — действительно старший по возрасту, однако не обязательно. В случае дряхлости или неспособности этого старшего семью возглавляет другой из ее взрослых мужчин. Это — *домачин* или *домакин*, *дядо*, *баща*, *господарь*, *кештовник*, *главатарь* и пр. — у южных славян, *большак*, *набольшой*, *старшый* — у русских.

Объем авторитета и власти главы семьи в значительной мере зависит от его личных качеств и может быть более или менее широким. Его основную функцию составляет управление хозяйственной деятельностью семьи. Это означает и распоряжение трудом всех взрослых ее членов. Хотя распределение хозяйственных функций между отдельными членами семьи производится в основном семейным советом, конкретное распределение труда принадлежит «старшему»: он наряжает как мужчин, так и женщин, — последних, поскольку они участвуют в выполнении основных хозяйственных работ, — на каждодневные задания. Но, распоряжаясь трудом членов семьи, руководя и наблюдая за их работой, «старший» сам является первым в семье работником, подает пример другим. Чтобы быть главой семьи, пользоваться авторитетом, «старший» должен быть сам образцовым работником. Какова бы ни была власть главы семьи, власть эта далеко не неограниченна: он всегда самым реальным образом считается с мнением семьи, во всех серьезных случаях советуется со старшими ее членами, причем наиболее важные вопросы решаются не им, а семейным советом. Глава семьи обладает и некоторой, в свою очередь ограниченной, дисциплинарной властью. Он может налагать на членов семьи как младших, так и взрослых, как мужчин, так и женщин, легкие взыскания, даже физические. Однако в серьезных случаях, — так, например, практиковалось в Болгарии, — домачин должен был обращаться к суду всей семьи и являлся тогда только исполнителем принятого решения. В функции главы семьи входит, между прочим, и наблюдение за нравственностью молодых ее членов. Он является и главой семейного культа. Положение главы семьи, пользующегося большим уважением и почетом, обставлено и внешними знаками этого почета. В общем жилище семьи он занимает центральное или лучшее помещение,

за общим столом сидит на почетном месте и возглавляет трапезу, иногда имеет свое особое место для сидения и т. д. При всем том положение главы патриархальной семейной общины полностью определяется известной формулой: *primus inter pares*.

В случае смерти главы семьи этот пост замещается одним из его братьев, иногда и не ближайшим по возрасту, а наиболее способным; может случиться, что «старшим» становится в таком случае один из мужчин следующего поколения. Решается данный вопрос общим мнением семьи, в известном смысле — выборами, хотя и не формальными. В Сербии в редких случаях домашин иногда избирался жребием. В Хорватии и Славонии глава семьи избирался часто только на один год или на иное короткое время и если оказывался на месте — оставался надолго. Не редкостью было в Сербии, что когда домашин старел, он передавал свой пост, опять-таки с согласия семьи, одному из своих сыновей, наиболее способному, но не обязательно старшему, или же брату, либо племяннику. Точно так же в старину в Архангельской губернии, если глава семьи пользовался авторитетом, то, умирая, сам «благословлял на хозяйство» либо своего брата, либо сына, но всегда — лучшего работника и пользующегося уважением семьи. В иных случаях пост «старшего» замещался избранием.

Наряду со старшим мужчиной, семейную общину возглавляет и старшая женщина: *домачица* или *домакиня* — у южных славян, *господарица* — у словенцев, *большуха* или *старшья* — у русских. Область ведения этой «старшей» составляет домашнее в узком смысле, или «женское» хозяйство. Являясь здесь полной распорядительницей как предметов и продуктов этого хозяйства, так и труда женщин по дому, домачица имеет в сфере своей деятельности значительный авторитет, причем по отношению к женщинам власть не только в области хозяйства и труда, но в известной мере и в области личной жизни. Обладая в своей хозяйственной сфере всей полнотой власти, старшая женщина стоит в этой своей сфере выше мужского главы семьи, который без ее согласия не может ничем распорядиться из женского хозяйства. В свою очередь «старшая» пользуется большим почетом. Иногда в положении «старшей» сказываются несомненные пережитки матриархата: она обладает широким

авторитетом в области всей жизни семейной общины, иногда фактически является подлинной главой семьи. В Болгарии в качестве очевидного пережитка матриархата большая семья иногда называлась по имени старшей женщины. Пост «старшей» занимает обычно старшая по возрасту, однако это далеко не обязательно. Нередко, например, у южных славян, домачица бывает выборной, причем таковой может быть и не старшая по возрасту. В некоторых местах в Сербии домачица избиралась одними женщинами. Бывает часто, что «старшей» является жена мужского главы семьи, однако и это не обязательно. Бывают случаи, что «старшей» избирается незамужняя девушка. Иногда «старшая» замещает мужского главу в случаях его временного отсутствия. Бывает, что со смертью «старшего» старшая женщина остается единоличной главой семьи, даже при взрослых женатых сыновьях. Женщина — глава задруги была не редкостью, в особенности в Болгарии. В Архангельской губернии, при смене вследствие смерти большака, занимавшая до того пост большуха оставалась на своем месте, причем сохраняла значительный авторитет и пользовалась влиянием и над новым большаком.

Пост главы семейной общины как мужчины, так и женщины считается и является по общему правилу принципиально пожизненным. Однако в случае дряхлости или иной неспособности, а в особенности в случае дурного хозяйствования или превышения власти, «старший» решением семейного совета сменяется.

В общем можно сказать, что как бы авторитетны ни были главы большой семьи, какой бы властью они ни обладали, эта власть на данном этапе истории патриархальной семейной общины не превышает того, что составляет, так сказать, норму первобытнообщинных отношений. Основы существования и весь строй семейной общины таковы, что эта семейная власть не может приобрести более выраженный характер. Власть в семье сохраняет в соответствии со всем строем семейных отношений первобытно-демократический характер.

Суммируя представленную нами характеристику архаической патриархальной семейной общины, мы можем сказать: труд каждого по его способностям, удовлетворение потребностей каждого по возможности, общее согласие, мир, порядок, дисциплина, первобытный демокра-

тизм внутренних отношений и управления — таковы начала, принципиально и в действительности господствующие в семейной общине на данном, раннем этапе ее истории.

Отметим еще следующие особые черты внутренних отношений в большой патриархальной семье охарактеризованного типа.

Дети семьи, как девочки, так и мальчики, в их малолетстве, находятся в исключительном ведении своих матерей и других женщин семьи. С известным возрастом мальчики переходят в ведение и распоряжение главы семьи и участвуют в общем труде соответственно их возрасту, девушки таким же порядком поступают в распоряжение старшей женщины. У южных славян, в тех случаях, когда уже обозначается власть отца, она, если он не домачин, распространяется только на его маленьких детей, тогда как над взрослыми мальчиками власть имеет домачин. Другую особую черту внутренних отношений семейной общины на данном этапе составляет отсутствие власти мужа над женой, что объясняется и пережитком матриархальных порядков, в частности начальной непрочностью моногамного брака. Даже в более позднем своем состоянии, в тех случаях, когда семейная община удерживала свои основные начала, стойко сохранялась и эта черта супружеских отношений. В югославянской задруге, в белорусской большой семье отношения мужа к жене оставались лишенными элементов какой-либо власти, а жестокое обращение было явлением неслыханным или по крайней мере исключительным.

Общие основания этих двух особенностей быта семейной общины составляет отсутствие в ней индивидуальной семьи. Пока эта ячейка еще не дифференцировалась, не существует специфической власти мужа над своей женой и отца над своими детьми. Это отсутствие власти мужа-отца составляет один из элементов и одно из выражений первобытной сущности патриархальной семейной общины и ее демократизма.

Если уровень развития производительных сил обуславливает на данном этапе необходимость существования большой семьи как общественно-производственной группы, то это же обстоятельство не допускает и чрезмерного ее расширения. Естественное размножение

приводит поэтому к *сегментации* семейной общины, разделению большой семьи на части-сегменты, представляющие собой в свою очередь такие же семейные общины, но первоначально численно меньшие. Семейная община делится в одном из старших поколений так, что, например, из числа нескольких братьев этого поколения двое-трое со своими нисходящими выделяются в одну общину, остальные — в другую или другие общины. Это строго действующее на данном этапе начало выражается общераспространенной и известной многим народам формулой: «дети без отцов не делятся». Таким образом, по силе этого правила семейная община может распасться на семьи, состоящие по меньшей мере из трех поколений, причем эта последняя норма является уже нормой распадающей. Надо еще раз вспомнить, что на данном этапе индивидуальной, малой семьи не существует, а следовательно, выдел такой семьи и не может иметь места.

Вновь возникшие путем такой сегментации семейные общины с течением времени разрастаются и таким же порядком сегментируются. В более позднее время, под влиянием различных условий, размножение семьи идет медленнее, и ее размеры остаются скорей стабильными. Во всяком случае семейная община обладает, очевидно, замечательной устойчивостью: в Далмации была известна задруга, которая не делилась на протяжении 300 лет, в Болгарии были известны задруги, не делившиеся 150—200 лет.

Изложенное представляет собой попытку реконструировать на весьма недостаточном и весьма условном материале патриархальную семейную общину в ее отдаленном историческом прошлом, на начальном этапе ее развития. Представленная выше характеристика не может поэтому не быть отвлеченной и условной.

3

Развитие и распад первобытнообщинного строя естественно сказываются и на семейной общине. Однако течение и самый характер этого процесса в недрах семейной общины обладают значительными особенностями. Наряду со своеобразием самого распада большой семьи, особенность данного процесса составляет то, что распад первобытнообщинных начал идет в большой семье неиз-

меримо медленнее, чем вне ее, в общественно-экономических отношениях данного общества в целом, и большая семья оказывается ячейкой, в которой первобытнообщинные отношения сохраняются особо устойчиво. Причины этого явления, этой, как может казаться и как это многократно квалифицировалось, «консервативности» семейной общины заключаются в следующем: состояние производительных сил данного общества на данном этапе таково, что существование большой семьи как общественно-производственной формы остается еще исторической необходимостью, ее существование еще по-прежнему остается экономически обусловленным.

Наряду с тем распад первобытнообщинных отношений, происходящий вне семьи, в среде данного общества в целом, оказывает неизбежное влияние на эту семью, неумолимо вторгаясь в ее внутреннюю жизнь: семейная община вовлекается в общий поток социально-экономического развития. В силу своей сущности и своего предназначения семейная община сопротивляется тому процессу распада, который идет как вне ее, так и внутри ее, причем в разных обществах, в различных исторических условиях это сопротивление оказывается в большей или меньшей мере стойким и длительным. Так семейная община оказывается консервативной общественной формой, которая иногда надолго, иногда в условиях даже развитого классового строя сохраняет и воплощает в себе пережиточные первобытнообщинные начала.

Сербский этнограф М. С. Филипович описал под названием «раздвоицы» или «предвбвенной (разделенной) задруги» довольно широко, по словам автора, распространенную в Югославии весьма интересную форму, которая ярко иллюстрирует стойкость семейной общины в условиях высокоразвитого экономического окружения. Форма «раздвоицы» состоит в том, что отдельные члены задруги живут и хозяйствуют раздельно, в разных местах, каковое обстоятельство вызвано иногда малоземельем и покупкой задругой участка земли в другой местности, иногда условиями, вытекающими из соединения скотоводческого и земледельческого хозяйства, и пр. Не имея, таким образом, территориального единства, «раздвоица» тем не менее сохраняет полное экономическое единство: все имущество, сельскохозяйственный инвентарь остаются общими, все продукты труда распределя-

ются на коллективных основаниях, задруга возглавляется одним домачином, который периодически посещает ее отдельные части, распределяет работу, проверяет ее исполнение и т. д.¹³

С какой бы стойкостью и в каких бы формах семейная община ни сохранялась, она все же распадается. Проникновение в нее классовых начал, их коллизия с началами первобытнообщинными, конечная победа начал первых и конечный распад семейной общины — таково содержание ее дальнейшей истории. Усилия семейной общины остаться в стороне и изолироваться от совершающегося вне ее нарастания новых начал, ее стремление к самосохранению, во-первых, и внутренняя, в недрах самой общины протекающая борьба между началом коллективным и началом частнособственническим, во-вторых, — таковы две линии, по которым развивается история семейной общины на ее новом этапе.

Соппротивление семейной общины развивающимся вокруг нее новым экономическим отношениям, в частности товарному обороту, выражается в стремлении к натурально-хозяйственной замкнутости и изолированности. Семья старается ничего не покупать и ничего не продавать. Но как бы она ни изолировалась, общий ход экономического развития все-таки вовлекает ее в свой оборот, и, когда эта изоляция семьи нарушается, продажа основного имущества семьи: земли, недвижимости вообще, скота, основных орудий производства — все же не допускается. У сербов, например, продажа задругой земли считалась совершенно недопустимой: на самую возможность такого факта в сербской задруге в старину смотрели с ужасом. В Болгарии продажа задругой не только ее основного имущества, но и хозяйственных орудий считалась «грехом и срамотой». И до недавнего сравнительно времени в некоторых местностях Югославии крайне неохотно продавался скот. Во всяком случае, имущество задруги в югославянских странах продавалось в прошлом только при самых тяжелых обстоятельствах. Точно так же в Архангельской губернии в старину семейная собственность редко отчуждалась без крайней нужды.

¹³ М. С. Филиповић, Несродничка и предвојена задруга. Београд, 1945; рецензию на эту книгу см.: И. А. Прокопович, СЗ, 1947, 3.

С другой стороны, и семья начинает производить на рынок и продавать продукты своего труда, вовлекаемая самим развитием товарного производства. Развивающийся оборот захватывает и отдельных членов семейной общины, давая возможность сторонних заработков и приобретений, а также личного найма. Однако в силу строго действующего закона большой семьи, все такие заработки и приобретения поступают в общую собственность, общую кассу семьи. В югославянских странах местами сохранялись задруги, в которых этот закон действовал со всей строгостью даже в позднейшее время. И. Е. Гешов описал одну болгарскую задругу, состоявшую из семи братьев с их женами и детьми, всего из 35 человек. Из этих семи братьев один возглавлял задругу, другой был священником, третий — землепашем, четвертый — пастухом, пятый — мельником, шестой — корчмарем и седьмой — портным. Все имущество этих братьев, за исключением одежды, было общее, все работали на задругу. Даже и священник все свои доходы от совершения треб, крещения, венчания и похорон должен был вносить в общую кассу задруги. Домакия этой задруги готовила на всю семью, и все 35 человек кормились из одного котла ¹⁴.

Значительное явление данного этапа истории семейной общины составляет расширение и усиление функций и власти главы семьи как руководителя и распорядителя семейным хозяйством, причем с его стороны обнаруживается тенденция стать полным распорядителем как хозяйства, так и имущества семьи. Функции и права главы семьи остаются по-прежнему все-таки ограниченными, а указанная тенденция встречает прямое сопротивление со стороны семьи. Все же это развитие власти главы семьи достигает иногда довольно значительного выражения. Существенным образом изменяется положение главы семьи в особенности в связи с развитием товарного оборота: именно ему принадлежит функция покупки и продажи. Однако действует он при этом ни в коем случае

¹⁴ И. Е. Гешовъ. Задругата въ Западна България. «Периодическо списание на Българско книжовно дружество в Сръдецъ», 21/22, 1887; перепечатано в книге: И. Е. Гешовъ. Думи и дела. София, 1899; реферат этой статьи: П. Драганов. Задруги в Западной Болгарии. «Известия СПб. Славянского благотворительного общества», 1888, 8.

не произвольно, а лишь как представитель семьи и в принципе только с ее согласия. В старой болгарской задруге домачин мог без предварительного совещания с семьей производить покупки для удовлетворения только каких-либо мелких потребностей всей задруги, но без ведома и согласия семьи не мог ничего продать. И впоследствии в семейных общинах держится правило, по которому глава ее может без предварительного согласия семьи покупать, но не продавать. Согласие семьи сохраняется и в дальнейшем в качестве необходимого условия для продажи вообще и уже совершенно обязательно для продажи основного имущества. Наряду с тем, относительно имущества благоприобретенного глава семьи получает все расширяющиеся права распоряжения. Расширяются функции и власть главы семьи и в области распоряжения трудом ее членов: ему преимущественно принадлежит решение вопроса об уходе членов семьи на заработки или их личном найме. Впоследствии, когда с углублением распада первобытнообщинного уклада, отходничество в случае обеднения семьи оказывается необходимым, глава прямо посылает того или иного члена семьи на заработки.

В результате в составе семейного имущества появляется имущество благоприобретенное, которое резко ограничивается от собственного имущества. Имущество семьи распадается на две категории: 1) имущество, перешедшее от предков: *дедина* или *дедовина*, *баштина*, *стока* — у южных славян, *отчина* — русских, куда входит раньше всего земля, затем прочее перешедшее от предков имущество; сюда присоединяется имущество, созданное своим семейным трудом; 2) имущество, благоприобретенное всей семьей или отдельными ее членами: *покупщина* и *добыток*. Первое неотчуждаемо, второе — может быть продано. С течением времени это начало нарушается и в категорию отчуждаемого имущества входят некоторые продукты труда семьи. Наконец, впоследствии становится возможной продажа и части имущества первой категории, однако только в самом крайнем случае. *Дедина* или *отчина* дает начало весьма важному имущественно-правовому институту: образованию неделимого и неотчуждаемого наследственного владения — *вотчины*, *майората* или *минората*. Это владение считается как бы общесемейным.

Наиболее знаменательное явление, характеризующее историю семейной общины на данном этапе, составляет образование отдельной собственности взрослых членов семьи — мужчин, а наряду с тем — вызревание в ее недрах индивидуальной, малой семьи. То и другое в основе своей является отражением общего процесса социально-экономического развития, в особенности зарождения частной собственности.

Наряду с охарактеризованными сейчас расширением и усилением функций главы семьи в качестве распорядителя всего семейного имущества и труда ее членов, в семейной общине возникает и остро развивается тенденция взрослых женатых мужчин создать свое обособленное хозяйство и имущество. Расширение власти главы семьи не обходится, конечно, без протеста со стороны ее членов, и указанная тенденция взрослых мужчин является известной формой реакции — вместе с тем — формой борьбы и утверждения своей независимости. Источник образования этого отдельного имущества составляют возможные на данном этапе личные заработки и приобретения. В нарушение в основном действующего порядка, по которому все заработки обращаются в общую собственность-казну, часть их удерживается. Личная собственность первоначально весьма невелика и незначительна. Это — предметы личного потребления, одежда, обувь, небольшие суммы — результат случайных заработков и пр. С течением времени круг и объем такой собственности увеличивается. Так возникает отдельная собственность взрослых мужчин семейной общины — *особина*, *свойщина* или *своина*, *osebuek* или *osebunjak* (хорватск.).

Значительные сдвиги происходят и в положении женской главы большой семьи. Ею становится не, как прежде, по праву — старшая по возрасту или наиболее достойная, а преимущественно жена мужского главы семьи, причем отмирает и выборность. Правда, женская половина семьи с этим активно борется: в некоторых местностях Сербии стойко сохранялась выборность, причем нарочито выбиралась именно не жена домачина. Со смертью мужского главы семьи и переходом этого поста к сыну, пост женской главы переходит к жене нового главы — сына. С другой стороны, власть женской главы семьи на данном этапе в известной мере уменьшается

и ограничивается в итоге расширения власти мужского главы.

В процессе образования в недрах большой семьи отдельной собственности некоторая роль принадлежит и женщинам семьи, в особенности замужним. На эту роль и значение здесь отдельного имущества женщины, в частности ее приданого, неоднократно и настойчиво указывалось, однако, во-первых, эта отдельная собственность ошибочно отождествлялась с частной собственностью, во-вторых, значение этого обстоятельства изображалось неправильно и преувеличивалось в такой мере, что именно женщинам приписывались и инициатива, и фактически самое создание в большой семье частной собственности. Близкий к этому взгляд находим мы, например, у Н. С. Державина, который, указав на недавнее появление в болгарской задруге «частной собственности», пишет, что она «образуется чаще всего из свадебных подарков, которые вместе с собой приносит в новую семью невестка»¹⁵.

Женщина, в особенности замужняя, действительно с течением времени создает свою личную, отдельную собственность, которая составляется из ее приданого, из подарков мужа, имущества, полученного ею по наследству, и некоторых личных заработков. Однако все эти источники появляются лишь с глубоким распадом как первобытнообщинного строя вообще, так и коллективного начала в семье. Так, в частности приданое, имея свою сложную историю, возникает в истории брака (в подлинном своем виде) весьма поздно. Приданое, как некий выдел из имущества семьи, противоречит основному началу семейной общины — коллективности и неделимости ее имущества. В Болгарии, например, в прошлом выходящая замуж девушка не получала ровно ничего из задружного имущества. С другой стороны, приданое, когда оно возникает, состоит преимущественно из предметов личного пользования. Подарки мужа, когда он сам обладает возможностью их делать, имеют весьма малое значение, наследование замужней в имуществе родной семьи — явление, предполагающее не только глубокий распад семейной общины, но и существование уже частной собственности, наконец, личные

¹⁵ Н. С. Державин. Славяне в древности. М., 1945, стр. 63.

заработки, каковы бы они ни были, всегда остаются незначительными. В итоге, образование отдельного имущества женщины в большой семье — явление позднее, это имущество состоит главным образом из предметов личного потребления, его экономическое значение весьма невелико и, наконец, не существует условий для того, чтобы это имущество существенно умножалось и увеличивало свое влияние. Таким образом, женщина не является «инициатором» и «создательницей собственности», «единственной собственницей в большой семье» и пр., о чем так много говорилось, и ее имущество представляет собой только личную, а не частную собственность. Надо сказать, что встречаются местами факты, когда начало коллективной собственности держится в семейной общине еще неизбежно в отношении мужчин, так что все их заработки поступают в общую казну, между тем женщины, действительно, имеют свое отдельное имущество и личные доходы от своего скота, огорода, рукоделья, имеют такие доходы даже девушки. Это, однако, опять-таки, явление нового времени и все же не имеющее существенного экономического значения в общей экономике семьи.

Наряду с возникновением отдельной собственности, идет вызревание и дифференциация в составе большой семьи новой, не известной первобытному строю общественной формы — малой семьи. В основе этого — общий процесс экономического развития, в том числе возникновение частнособственнического начала, которое малая семья призвана воплотить в своем окончательном оформлении. Прямым подкреплением в процессе образования малой семьи служит образующееся отдельное имущество — *особина*. Известную роль в создании малой семьи играют замужние женщины. Перейдя в семейную общину мужа, замужняя женщина в сущности всегда, даже с полным укреплением моногамии, остается здесь все-таки чужой, никогда не порывает связи со своей родной семьей и своим родом, никогда не сливается полностью с новой, чужой ей семьей и вместе со своими малолетними детьми остается в той или иной мере изолированной. Обособление малой семьи идет первоначально только по линии потребления, тогда как в отношении производства она еще целиком остается растворенной в общем, остающемся неизменно коллективным, труде большой

семьи. Однако и потребление индивидуализируется первоначально далеко не полностью. Приготовление основной пищи и основная трапеза остаются коллективными: обедает, например, вся община вместе, а завтракают или ужинают малые семьи отдельно. Процесс индивидуализации малой семьи все же продолжается и принимает достаточно выраженные формы. Например, в югославянской задруге женатый мужчина получал иногда в отдельное пользование на год небольшой участок земли, продукты которой составляли его собственность. Малая семья имеет иногда свой отдельный скот, самостоятельно продает продукты своего домашнего производства и пр.

Дифференциация малой семьи сопровождается вызреванием власти мужа-отца. Его власть остается еще подчиненной власти главы всей общины, однако в известных отношениях ослабляет и ограничивает эту последнюю: глава общины считается с властью отца-мужа и в ряде случаев действует уже не непосредственно, а через него, например, поручает ему наказать свою жену или своих детей. Глава общины пользуется, например у белорусов, дисциплинарной властью только над собственными детьми, но не над детьми других членов общины.

Дифференциация малой семьи сопровождается ее локальным выделением в общесемейном жилище. Малая семья получает либо отдельное помещение в общем доме, что составляет более архаическую форму, либо более изолированное помещение в виде пристройки к основному жилищу, либо, наконец, отдельное строение на общесемейной усадьбе. У южных славян бытовали все эти три формы, преимущественно же две последние: общим основным помещением задруги служил дом, в котором жил домачин со своей индивидуальной семьей, и к этому дому по числу женатых мужчин делались маленькие пристройки, причем лишь основной дом имел очаг, пристройки же своего огня не имели, либо же малые семьи получали отдельные домики на общей усадьбе. В Болгарии небольшая задруга помещалась в одном доме — длинной *кеште*, более численные задруги размещались так, что в одной большой кеште жили домакин со своей индивидуальной семьей и холостые члены задруги, женатые же имели несколько меньших кешниц, расположенных вокруг основной кешты на одной общей усадьбе.

В старину многочисленные болгарские задруги имели по несколько десятков кешиц на одном дворе. При этом вся задруга ела в большой кеште за общим столом, здесь же происходили все собрания или совещания задруги, здесь же устраивались общие развлечения и пр. У сербов, хорватов и словенцев основное жилище задруги именовалось *куча* или *кайжа*, *изба*, *хижа* или *ижа*, а отдельные в общем доме помещения малых семей — *соба*, *клеть*, *комора*. Характерно, что тем же наименованием *клеть* или *комора* обозначался и отдельный домик индивидуальной семьи. В Боснии и Герцеговине еще в 20—30-х годах XX в. сохранялись задруги, состоявшие из 30—50 человек, которые жили отдельными усадьбами, насчитывавшими до 20 строений, жилых и хозяйственных, в числе которых был один большой дом и по несколько малых хижин — помещений индивидуальных семей. Ели все вместе в общем большом доме¹⁶.

В старину у великоруссов к основному жилищу семьи — *клети* — делались пристройки в виде новых клеток, причем только основное жилище имело обслуживавшую всю семью печь (откуда: *истоба*, *истопка*, *истьба*, *изба*), новые же клетки не имели печей и оставались холодными. Общие обширные жилые помещения одной семьи особо стойко удерживались в северных районах России. «До сих пор на Севере, — писала в 1892 г. А. Я. Ефименко, — держатся громадные избы, настоящие дворцы сравнительно, например, хотя бы с южнорусскими хатами»¹⁷. В таких больших домах в зажиточных семьях каждая малая семья получала отдельную комнату, что именовалось *отделом* (в отличие от *раздела*, как полного выдела и выхода малой семьи из общины). У белорусов Минской губернии, сообщал М. В. Довнар-Запольский, «отец строит сыновьям у себя на дворе отдельные хаты, в которых помещается каждая новая семья, но земля, скот,

¹⁶ См. хорошие описания, с интересными иллюстрациями: М. Карановић. Неколике велике породичне задруге у Босни и Херцеговини. «Гласник Земалског музеја у Босни и Херцеговини», 41—42, II свеска (за историју и етнографију), [Сарајево], 1929—1930; D. Švob, F. Petrić. Zadruga Domladovać. «Zbornik za narodni život i običaje južnih slovena», 27, 1 [Zagreb], 1930.

¹⁷ А. Я. Ефименко. Дворянское землевладение в Южной Руси. «Русская мысль», 1892, 4—5; перепечатано в книге: А. Я. Ефименко. Южная Русь, т. I. СПб., 1905.

орудия — все находится в общем владении, едят вместе, вместе и работают. Каждая семья имеет в отдельном владении лишь платье и другие мелкие вещи, деньги, лично ею заработанные, и пр.»¹⁸.

Затронутая нами тема о связи истории большесемейного жилища с дифференциацией малой семьи заслуживала бы более основательного исследования. Мы могли однако осветить ее здесь только бегло. Тема эта должна бы составить предмет внимания специалистов — исследователей жилища, между тем обычно игнорируется совершенно или почти совершенно¹⁹.

Обособление малой семьи встречается, естественно, противодействие и сопротивление со стороны всей семейной общины, как воплощающей и хранящей коллективное начало, и со стороны ее главы, который противится умалению его функций, прав и власти, связанному с образованием в недрах семьи отдельного имущества и возникновением власти старших мужчин. Борьба идет в особенности в связи с требованием как главы семьи, так и известной части ее старших членов, все сторонние доходы, весь личный заработок сдавать в общую кассу.

Результатом создавшейся таким образом в большой семье конфликтной ситуации является учашение сегментации семьи. При этом все же сохраняется начало, по которому семья делится на такие же в принципе большие семьи, действует то же правило: «дети без отцов не делятся». В Болгарии случаи раздела задруги при жизни отца были крайне редки, наибольшая же часть разделов происходила при жизни деда, иначе говоря,

¹⁸ М. В. Довнар-Запольский. Указ. соч.

¹⁹ Этим пороком страдают даже весьма обстоятельные и подробные в архитектурном отношении описания восточнославянского жилища. Приходится, к сожалению, отметить этот недочет и в превосходном труде покойной Е. Э. Бломквист. См.: Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев и белоруссов (Поселения, жилища и хозяйственные строения). «Восточнославянский этнографический сборник». М., 1956. Особенно досадно находить такой пробел в подробнейших описаниях крестьянского жилища севера России, где старинные громадные избы являются, как было отмечено, яркими выражениями большесемейных помещений. Ср., например: М. Б. Едемский. Крестьянские постройки на Севере. «Живая старина», 1913, 1/2; Д. П. Осипов. Крестьянская изба на севере России, Тотемский край (Доклады Научного общества по изучению местного края при Тотемском музее им. А. В. Луначарского, вып. 1). Тотма, 1924.

выделялись отцы с сыновьями, т. е. не малая семья, а все же большая семья. Однако сегменты, на которые теперь распадается семейная община, естественно, менее численны: семья не успевает размножиться, как наступает ее сегментация. При таких условиях существующие в данную эпоху семейные общины оказываются значительно меньшими. Трудно, конечно, вывести из имеющихся показаний определенную среднюю цифру, но повторяющиеся довольно постоянным образом указания числа членов в 70—60—50—40 человек являются, видимо, характерными для семейной общины на этом этапе. При этом, наряду с такими показаниями, нередко указывается, что в прежние времена семьи были более многочисленными, состоя из 100 и более человек, т. е. того числа, которое, видимо, характерно для семьи в ее более ранней фазе, когда сегментация происходила реже.

На данной стадии своей истории семейная община охарактеризованного нами типа может испытать двоякую судьбу: либо она консервативно сохраняется в условиях классового окружения в описанном сейчас состоянии — только в таком виде, заметим, она и сделалась предметом наблюдения, — либо же начало частной собственности одерживает верх, и семейная община прекращает свое существование, распавшись на малые семьи. В последнем случае дело опять-таки не обходится без сильнейшего противодействия и сопротивления как со стороны семейной общины в целом, так и со стороны ее главы. Поэтому, например у южных славян, полный распад и раздел задруги на малые семьи случался преимущественно тогда, когда задруга уже была ослаблена, являясь продуктом усиленной сегментации, существовала в виде семьи, состоящей из отца с сыновьями и их индивидуальными семьями, и распадалась все же только со смертью отца.

Бесконечное число раз причиной как стремления членов семейной общины к созданию своего отдельного имущества, так и разделов, объявлялся «индивидуализм». Такое психологическое объяснение не научно и просто поверхностно. В данном случае «индивидуализм», или то, что под ним надлежит разуместь, представляет собой не какое-то отвлеченное психологическое явление, а является в основе своей не чем иным, как прямым выражением начала частной собственности. Это относится

не только к отдельному имуществу, но и к отдельной, индивидуальной семье.

Не менее распространенное мнение приписывает «вину» в распаде и разделах семейной общины опять-таки женщинам с их «частной собственностью», ссорам женщин, их «сварливости» и т. д. Это, конечно, наивные и поверхностные оценки. Как мы видели, о «частной собственности» женщины в семейной общине не приходится говорить, а что касается ссор, то, теоретически говоря, они могли иметь место всегда, однако ж разделы наступают только на определенном этапе и на определенной стадии развития семейной общины, при определенных условиях. Женщины семьи являются здесь лишь выразительницами общей создавшейся ситуации, и ссоры их, если и бывают, — отражением того конфликтного состояния, которое создается в общине. Можно отметить, что одной из сил, сдерживающих распад большой семьи и ее сохраняющих, бывает нередко как раз женщина — «старшая», которая после смерти главы семьи удерживает семью от раздела, становясь ее единоличной главой.

К сожалению, бытовые условия, при которых происходит окончательный раздел семейной общины на малые семьи, как и условия, при которых происходит сегментация, очерчиваются нашими источниками весьма недостаточно. Соответствующие данные создают общее впечатление, что, с одной стороны, условия эти в том и другом случае, видимо, одинаковы, с другой стороны, разделы эти носят преимущественно вполне мирный характер. В спорных случаях семья обращается к третьей стороне, к посредничеству кого-либо из родственников или соседей, либо к представителю общественной власти, или, наконец, к духовному лицу.

Особая, довольно распространенная форма распада семейной общины состоит в том, что сын, женившись, не отделяется, а остается жить с родителями несколько лет, накапливая отдельное имущество, получая также и некоторый выдел из общесемейного имущества, и затем просит у главы семьи разрешения выделиться, что и происходит совершенно мирно, сопровождаемая торжественной церемонией²⁰.

²⁰ См., например: Н. Поповъ. Юридически обичаи въ Варненско. «Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина», 20, 1904.

Материальная сторона раздела семейной общины составляет особый, не лишенный сложности вопрос, вызвавший к себе специальное внимание юристов, но не входящий в границы нашей темы. Однако одна черта этой стороны дела имеет для нас существенный интерес. Это — принцип *поколенного* разделения имущества, великорусское «по отцам», лат. — *per stirpes*. Сущность этого принципа состоит в том, что общесемейное имущество делится не из расчета наличного числа людей в семье или хотя бы числа работников, а по числу людей старшего поколения. Например, если семья состоит из трех живущих отцов, причем, скажем, у одного отца имеется пятеро сыновей, у другого — четверо, у третьего — один сын, притом эти сыновья в свою очередь уже имеют взрослых сыновей, то все имущество делится на три доли, каждую из которых получает каждый из отцов старшего поколения со всеми своими нисходящими. Если этих трех отцов уже нет в живых, то имущество делится все же на три доли указанным образом. Этот принцип поколенного раздела переходит затем в область наследственного права.

Указанный порядок принадлежит к числу широко распространенных, известных многим народам, он многократно описывался и упоминался, однако должного объяснения, насколько мы знаем, не получил. Между тем, он представляет собой не что иное, как прямое выражение описанного выше принципа поколенной сегментации семейной общины по формуле: «дети без отцов не делятся», и еще раз подтверждает существование архаического порядка, по которому семейная община, если делилась, то на такие же в принципе большие, состоящие не менее, чем из трех поколений, семьи. В истории семейной общины прослеживается последующая смена порядка поколенного раздела на раздел сначала по числу женатых мужчин, затем по числу мужчин вообще и наконец — подушно. Соотношение старого и нового начала выражается, например, в том, что земля делится по братьям, а движимое имущество — по душам²¹.

Особую черту раздела имущества данного типа семейной общины составляет то, что ее глава — старший,

²¹ Ср. М. Р. Барјактаровић. Подјела заједничке земље и кућевне својине. «Гласник Етнографског музеја у Београду», 21, 1958.

вместе со своими нисходящими, получают принципиально такую же долю, как и прочие члены общины, по которым делится все имущество. Только главный дом остается в распоряжении старшего, причем если он очень стар, то вместе с ним в его доме живет самый младший член семьи. Как увидим ниже, эта черта раздела общесемейного имущества, выражающая демократическое начало семейной общины, существенным образом изменяется в более позднем типе большой семьи.

Распад большой семьи, наряду с действием начала семейной собственности, приводит к образованию особой историко-юридической категории — определенно-го, ограниченного круга действия права родства. Этот круг и составляют в пережиточном виде члены большой семьи.

При неограниченном действии кровной мести, мстить могли все родичи пострадавшего всем без различия родичам преступника. С ограничением мести, в ее пережиточном существовании, активный и пассивный круг ее действия ограничивается кругом членов большой семьи. Таково известное постановление Русской Правды (ст. 1), содержащее перечисление дозволенных, легальных мстителей и одновременно тех родичей преступника, на которых может пасть месть: брат, сын, отец, племянник — сын брата и сын сестры (по Акад. списку).

То же начало отражает история уголовных выкупов, композиции. Ее плательщиками, как и получателями, были первоначально родственники более широкого круга, затем — большая семья в целом, а с ее распадом пеню уплачивал и получал каждый взрослый мужчина из круга семьи, в определенной доле²².

Круг большой семьи играет важнейшую роль в области наследования, составляя на определенном этапе первый, в первую очередь наследующий, разряд наследников по закону. Таковы, например, *sui heredes*, «свои наследники» древнеримского кодекса XII таблиц, куда входят жена, дети и внуки от ранее умерших детей.

²² Этот последний порядок хорошо выражен в норвежском судебнике Фростатинга; см.: А. Я. Гуревич. Большая семья в северо-западной Норвегии в раннее средневековье (по судебнику Фростатинга). Сборник «Средние века», VIII, 1956.

Как сегментация семейной общины охарактеризованного типа, так и ее раздел на малые семьи, сопровождаются явлением, имеющим крупное историко-общественное значение. При сегментации отдельные сегменты общины — большие семьи сохраняют в различных отношениях хозяйственную, общественную и идеологическую связь, образуя особую родственную группу, которую мы называли *патронимией*. Точно так же и при разделе большой семьи на малые семьи действующая еще на данном этапе экономическая обусловленность коллективного начала получает выражение в том, что раздел остается все же неполным, разделившиеся малые семьи в свою очередь сохраняют в некоторых отношениях и формах общность и связь, общее владение и пользование некоторыми видами земли и другим имуществом, элементы производственного коллективизма, в особенности в случаях, требующих кооперации больших сил, т. е. тогда, когда силы одной семьи не достаточны для выполнения какой-либо работы, наконец, и разные формы общественно-идеологической связи. Так, при разделе сербской задруги делится иногда только скот, утварь и пр., но земля остается нераздельной и обрабатывается сообща. Выделившиеся малые семьи поселяются отдельно, но обычно, если только это возможно, — смежно. У сербов и хорватов при полном разделе задруги отчий дом остается центром единства разделившихся семей: в этом доме семьи собираются для решения общих семейных дел, по случаю праздников и т. д. Отчий дом сохраняет название *кучи*, тогда как отдельные дома выделившихся малых семей продолжают по старой памяти называться *клетями*, как в нераздельной задруге назывались помещения индивидуальных семей в общем доме. Наконец, глава старшей семьи остается в известных отношениях главой всех разделившихся семей, имея в этом качестве различные функции и права²³.

Каковы бы ни были те, как видим, глубокие сдвиги и изменения, которые происходят в семейной общине, семья, историю которой мы прослеживали, все же сохраняет, пока существует, свои первобытнообщинные основы: прочно сохраняются общие начала коллективной собственности и коллективного производства, в основном

²³ См. ниже главу, посвященную патронимии.

также и коллективного потребления, равно как и демократизма ее внутренних отношений и управления. Все это дает нам основание данный тип семейной общины назвать *демократическим*.

4

История семейной общины знает иной путь развития, приведший к особому типу большой семьи. В известном смысле можно сказать, что развитие семейной общины идет здесь дальше. Это — сугубо патриархальное и вместе с тем обусловленное развитием классовых отношений перерождение первобытной семейной общины, которая в таких условиях и сама приобретает классовые черты.

Сущность этого типа семейной общины определяется развитием в ней начала частной собственности. Начало это развивается по двум линиям: с одной стороны, уже сказавшаяся ранее тенденция главы семьи стать полным распорядителем всего семейного имущества перерастает в тенденцию превратить это имущество в свою частную собственность; с другой стороны, взрослые члены семьи — мужчины — в свою очередь обнаруживают тенденцию не только вместе с образованием своей индивидуальной семьи создать и расширить свое отдельное имущество, но создать из него свою частную собственность. Обе эти тенденции, противореча основному началу коллективизма семейной общины, сами антиномичны. Состязание и борьба всех этих начал, победа в конечном счете начала частной собственности, окончательное выживание малой семьи и полный распад семейной общины — таково содержание дальнейшей истории большой семьи данного типа.

В процессе развития семьи этого типа глава ее действительно становится почти полным распорядителем хозяйства и всего общесемейного имущества, распространяя свое право не только на «покупщину», но и на «отчину». Это право все же в той или иной мере ограничивается сопротивлением со стороны семьи и необходимо считаться с ее мнением: отчудить в особенности что-либо из «отчины», либо вообще из основного имущества, глава семьи может только с ее согласия. Значительно увеличивается и его право распоряжаться трудом членов семьи как дома, так и вне его: он по своему усмот-

рению посылает членов семьи на заработки, отдает в личный наем, заработанное отбирает под личной общинного начала в общую собственность, на деле — в свое личное распоряжение, тогда как раньше труд распределялся по способностям. В семье данного типа не малую роль играет, например, личное усмотрение, пристрастие главы семьи. В то время, как в семье демократического типа глава ее — такой же работник, как и другие, сейчас он преимущественно распорядитель хозяйства и труда. На данном этапе и в данных условиях семейная община все больше вовлекается в общехозяйственный оборот и внешние сношения, торговые, общественные, административные. Это усиливает, усложняет и расширяет функции представительства, которые целиком и единолично принадлежат главе семьи. Все это вместе взятое приводит к новому и весьма значительному усилению его власти как в области чисто хозяйственной, так и в области личных отношений в семье.

Такое нарастание власти главы семьи не обходится, конечно, и в данном случае без противодействия со стороны семьи в целом и отдельных малых семей в частности, а создающееся конфликтное положение приводит к еще более усиленной сегментации и к новому уменьшению численности семьи.

Имеющиеся материалы позволяют и здесь выделить как относящиеся именно к данному типу семьи довольно константно повторяющиеся цифры состава семьи: от 40 до 15 человек, в среднем — 30—25 человек, против, если вспомним, среднего 60—50 предшествующей фазы. Таким образом, если мы возьмем данные о численности семейной общины на всем протяжении ее истории,— насколько все это нам известно,— то получим непрерывное уменьшение от 300 до 15 человек. Численность семьи зависит, конечно, от разных условий, но в обнаруженном нами явлении ее неуклонного уменьшения нельзя не видеть определенной закономерности. Уменьшение это составляет прежде всего прямое отражение общеэкономического развития: семейная община как сравнительно крупная родственная и хозяйственная единица перестает быть обусловленной экономической необходимостью и изживает себя, причем развитие производительных сил дает место и позволяет существовать группе меньшей численности. С другой стороны, эти внешние по отношению

к семье общезкономические условия оказывают, конечно, самое действенное влияние и на внутренние отношения в семье, содействуя ее сегментации.

Более существенное, чем сокращение численности, явление данного этапа составляет изменение состава и самого характера семьи. Создается новый тип большой семьи, состоящий обычно и преимущественно из пяти, четырех или трех поколений, но *прямых* нисходящих, т. е. прадеда, деда или отца с их сыновьями, женами и детьми. Главой этой семьи является, естественно, прадед, дед или отец; выборности не существует. К тому основанию власти главы семьи, которое исходит из его роли как главы хозяйства, присоединяется его власть как деда или отца и тем еще более усиливается. Еще один элемент падения демократизма и усиления власти главы семьи составляет возникновение наследственности этого поста — переход его от отца к сыну. На этом этапе истории семьи характерным образом умалется власть мужа — отца малой семьи, которая сейчас вновь подавляется возросшей властью главы всей семьи.

Так былой демократизм семейной общины сводится в данном ее типе почти совершенно на нет, создается новый, особый тип большой семьи, резко отличающийся от вышеописанного. По тому признаку, что во главе семьи стоит чаще всего отец со своими прямыми нисходящими, данный тип можно назвать *отцовской* большой семьей.

Классическим образцом отцовской семьи является древнеримская familia с ее всевластным pater familias и принадлежавшим ему jus vitae ac pecis (правом жизни и смерти) над всеми членами семьи. Но замечательным образом исследование древнеримского семейного права, равно как некоторых общих институтов древнеримского гражданского права, обнаруживает процесс классового превращения существовавшего, очевидно, в Древнем Риме демократического типа семьи²⁴.

Широкую известность в качестве еще одного образца отцовской семейной общины приобрела великорусская

²⁴ См.: C. W. Westrup. Introduction to early roman law, Comparative sociological studies, The patriarchal joint family, 1—3 vls. Copenhagen — London, 1934—1944; его же. A near kin within the kin, A comparative study. København, 1952; см. также: Ф. Шенниц. Власть римского домовладыки. Варшава — Москва, 1914.

большая семья. К сожалению, в литературе не сохранилось определенных данных о существовавших, очевидно, в прошлом и в Великороссии семейных общинах архаического демократического типа. Трудно вместе с тем, за тем же отсутствием данных, что-либо сказать о том, в какую эпоху здесь начался и в каких условиях шел распад этой архаической семейной общины. Неосвещенность этих вопросов мы склонны объяснить невниманием к ним, да и вообще к вопросу о семейной общине, русских историков. Так же обстоят затронутые нами сейчас вопросы и по отношению к Украине. Мы нашли лишь у И. В. Лучицкого указание на то, что еще в середине XVIII в. в Полтавщине и Черниговщине были не редкостью дворы, на которых насчитывалось по три, четыре, пять, шесть, семь и более семей, состоящих не только из родных братьев, но и из двоюродных, племянников и пр. Большинство таких семей не представляли собой обособленные единицы, лишь живущие на одном дворе. Если существовали и такие, то это было новым явлением. В большинстве же случаев, напротив, эти семьи составляли одно неразрывное целое, они сообща, нераздельно владели всей им в совокупности принадлежавшей землей, вели сообща хозяйство, имели нередко и общий скот ²⁵.

В результате указанного обстоятельства существующей литературой был зафиксирован в Великороссии преимущественно лишь тип отцовской большой семьи с ее всевластным большаком, сохранявшийся в некоторых местностях России еще в XIX в. К сожалению, и об этом типе семьи в литературе в той или иной связи скорее лишь упоминалось, достаточного же его описания почти не существует. Упомянув об одной большой семье Тульской губернии, состоявшей из деда, сыновей, внуков и правнуков, всего около 40 человек, А. Т. Болотов писал в начале XIX в., что глава этого семейства «держал оное в должном подобострастии»; на вопрос Болотова, не бывает ли у них при таком многолюдстве несогласий и раздоров, дед «показал свой нарочито толстый посошок и сказал только: «а это что?»» ²⁶.

²⁵ И. Лучицкий. Сябры и сябринное землевладение в Малороссии. «Северный вестник», 1889, 1—2.

²⁶ А. Болотов. Жизнь и приключения, т. IV. СПб., 1878, стр. 963.

Единственное в своем роде, замечательное описание быта больших семей того же типа, сохранявшихся среди уральских староверов, дал С. М. Пономарев²⁷. Такого же типа большие семьи сохранялись и в русской мещанской и купеческой среде. Г. Н. Потанин вспоминал о купеческой семье в Ярославской губернии, состоявшей из 30 взрослых и 30 малолетних; возглавлял ее 120-летний дед; вся семья помещалась в одном доме; сыновья занимались торговлей под строгим контролем главы семьи; сын не смел купить своей жене даже пряника, он докладывал о своем желании отцу, который покупал разом для всех снох ситцу или платков непременно одинаковой цены²⁸.

Характернейшее явление данной фазы истории семейной общины составляет перерождение, наряду с мужским главой семьи, и ее женской главы. Выборности ее здесь совершенно нет места: это обычно жена большака. Усиление власти последнего ограничивает ее хозяйственную роль и авторитет, причем она и в качестве патриархальной жены своего мужа оказывается иногда его совершенно безгласной рабой. Но, проникаясь новым духом семьи, она сама становится деспотической и всевластной большухой по отношению к женской части семьи, по отношению в особенности к своим снохам, являя образ жестокой и свирепой свекрови. Когда она, как это нередко бывает и на данном этапе, остается после смерти большака единоличной главой семьи, она выступает в свою очередь в качестве всевластной главы семьи, полной распорядительницы ее имущества и хозяйственной деятельности, труда и личной жизни ее членов как женщин, так и мужчин. Мрачный образ такой деспотической большухи нарисовал в вышеназванной статье С. М. Пономарев. Характерные черты положения большухи отмечает одно описание быта русского сельского населения Тетюшского уезда Казанской губернии: после

²⁷ С. Пономарев. Семейная община на Урале. «Северный вестник», 1887, 1.

Автор этой замечательной статьи, Семен Михайлович Пономарев (1865—1889), уроженец г. Оренбурга, не окончив гимназии из-за недостатка средств, занялся журналистикой, сотрудничал в ряде журналов и газет; проявил себя как талантливый самородок этнограф и фольклорист; умер, не дожив до 24 лет.

²⁸ Гр. Потанин. Никольский уезд и его жители. «Древняя и новая Россия», 1876, 10.

смерти мужа жена его остается до своей смерти полной хозяйкой большой семьи — в ее руках находится все имущество, все деньги, заработанные сыновьями, дочерьми и снохами, она обладает всей полнотой власти в области хозяйственной; она вольна в браке своих дочерей и сыновей, руководясь здесь исключительно хозяйственными соображениями²⁹.

Под властью и гнетом этих деспотических глав семейной общины трудовое и личное положение членов семьи оказывается чрезвычайно тяжелым. Особо и порой исключительно тяжело положение в такой семье женщин-снох. Находясь в распоряжении своей свекрови, они одновременно в значительной мере подчинены и большаку, и это тем более, что ему подчинены их мужья: и муж по приказу большака или большухи тиранит свою жену. Специфическое явление большесемейного быта развитого патриархального и классового строя составляет многократно отмечавшееся литературой снохачество, которое было, по-видимому, весьма распространенным явлением в великорусской семье, как и в семьях того же типа других народов. «Снохачество — это бабья повинность в патриархальной семье», — формулировал Пономарев³⁰. Хотя иногда, — надо сказать, исключительно редко³¹, о снохачестве упоминается и по отношению к югославянским странам, однако здесь это явление крайнего распада задружно-семейного быта и во всяком случае — явление никак не сравнимое с тем почти открытым снохачеством, которое существовало в отцовской семье.

Между прочим, по довольно распространенному мнению, снохачество объявлялось одним из пережитков группового брака. Это — ошибка. Пережитком, вообще говоря, может стать такое явление, которое в прошлом не только существовало, но и было закономерным порядком. Между тем, архаически, при матрилинейной филиации и дуальной экзогамии отец и жена его сына, свекор и сноха принадлежали к одному и тому же роду или

²⁹ «Очерки народного юридического быта». «Казанские губернские ведомости», 1889, 9.

³⁰ Острый художественный очерк создавшейся в связи со снохачеством семейной драмы дал А. Ф. Писемский в написанном в 1861 г. рассказе «Батка»; см.: А. Ф. Писемский. Избранные произведения. Л.—М., 1932.

³¹ См.: Ф. Кондратович. Экономические заметки о Болгарии. «Русская мысль», 1884, 2, 4, 5.

одной и той же фратрии, почему возможность брачных отношений между ними в какой бы то ни было форме была исключена. Этому не было места и вследствие матрилокальности брачного поселения. Снохачество, повторяем,— сугубо специфическое явление патриархально-дееспотического семейного быта, к тому же особо благоприятствуемое специальными условиями классового строя — солдатчиной, отходничеством и пр.

Как было сказано, история семейной общины на данном этапе характеризуется тенденцией главы семьи обратить общесемейное имущество в свою частную собственность, а наряду с тем такой же тенденцией и взрослых мужчин семьи образовать, вместе с созданием своей индивидуальной семьи, свое собственное имущество.

Тенденции эти, однако, тенденциями и остаются, доколе существует большая семья.

Прежде всего, глава семьи встречает в своей тенденции активное противодействие со стороны членов семьи, а взрослые мужчины — как со стороны всей семьи, так и со стороны ее главы. Выражая диалектику данного этапа развития как собственности, так и семьи, обе стороны — и глава семьи, и ее члены — выступают одновременно защитниками от имени семьи коллективного начала и представителями от своего личного имени — начала частнособственнического. Но частная собственность противоречит самой сущности большой семьи, как формы выражения и воплощения коллективного начала вообще, коллективной собственности в частности. Частная собственность в семейной общине есть некое *contradictio in adjecto*.

Как бы большая семья ни перерождалась и ни вырождалась, она все же остается *общинной*, все же хранит и воплощает общинное начало, доколе сама существует. Поэтому частная собственность остается в большой семье лишь тенденцией как ее главы, так и ее членов, тенденцией, получающей то или иное реальное выражение, но никогда не получающей своего осуществления и действительно реализующейся лишь в форме распада большой семьи на малые семьи: распад семейной общины и есть победа частной собственности.

Таким образом, как бы широки ни были права большака, до каких бы пределов ни доходило его самовла-

ствие, что бы ни говорилось о том, что он является единоличным и полным распорядителем всего семейного имущества, в действительности — и не только с точки зрения правовой, но и фактической — он никогда не достигает неограниченного, основанного на частной собственности права распоряжаться этим имуществом.

Правосознание русского крестьянина, русское обычное право, доколе в России существовала большая семья, никогда не признавало частной собственности в этой семье. Право главы семьи распоряжаться общесемейным имуществом, как бы далеко это право ни шло, всегда было ограничено требованием общего согласия или хотя бы началом пользы для семьи; семейное имущество продолжало признаваться *семейной собственностью*. На этой позиции стояли как сама семья, так и «мир», так и практика волостного суда.

Эту позицию заняло и русское законодательство, выразив ее в «Положениях», регулировавших крестьянскую реформу 1861 г. Однако судебная практика неизбежно стала отражать создавшуюся коллизию начал общинного и частнособственнического. Замечательным образом, на данном этапе защитником общинного начала, — конечно, с позиций помещичье-крепостнических, — выступил правительствующий сенат, выразивший это в ряде своих руководящих решений. Приведем одно из наиболее выразительных. В решении по Гражданскому кассационному департаменту за № 67 1884 г., сенат писал: «Следует принять во внимание, что в крестьянском быту издревле сохранилось семейное начало: семья составляет единицу политическую и экономическую; еще до издания Положения о крестьянах 19 февраля 1861 г. сельские общества составлялись из отдельных семейств..., дети мужского пола составляли нераздельную часть семьи отца, хозяйство семьи составляло нераздельную принадлежность всего семейства. В каждой семье старший член был распорядителем хозяйства, представителем» и т. д. «С изданием Положения 19 февраля 1861 г., — продолжал сенат, — законодательство не ввело никаких изменений во внутреннюю жизнь крестьянского сословия, исторически сложившуюся»... Вслед за этой исторической справкой сенат резюмировал: «Обзор указанных начал приводит к заключению, что выражениями *двор*, *дом* выражается по-

нятие о семействе, что домохозяин называется таковым не потому собственно, что он имеет дом, усадьбную оседлость, а как старший член семьи, имеющий в своем владении и землю, и хозяйство, как распорядитель, хозяин, представитель семьи». Так любопытнейшим образом вышедший судебный орган царской России, исходя из вышеуказанных интересов, выступил защитником коллективной собственности против частной собственности.

Коллизия указанных двух исторических начал получила отражение и в русской юридической литературе, в частности в разыгравшемся в конце XIX в., продолжавшемся в первом десятилетии XX в., усиленном обсуждении вопросов о «юридической природе» крестьянского двора, о семейной собственности, правах главы большой семьи и пр. Еще С. В. Пахман указывал, что глава семьи только «считается» собственником общесемейного имущества, однако его право распоряжения этим имуществом ограничено и т. д.³² В защиту той же точки зрения с разнообразными аргументами выступил затем почти совершенно единодушно ряд других русских юристов³³.

³² С. В. Пахман. Указ. соч., т. II. СПб., 1879, стр. 4.

³³ См.: И. Тютрюмов. Крестьянская семья. «Русская речь», 1879, 4, 7, 10; А. К. Рихтер. О необходимом наследовании. СПб., 1893; А. М. Гуляев. Крестьянский двор. «Журнал Министерства юстиции», 1899, 4; С. П. Никонов. Домохозяин и его семья. «Право», 1899, 29; А. И. Лыкошин. О семейной собственности у крестьян. «Журнал Министерства юстиции», 1900, 5—6; А. Ф. Мейендорф. Крестьянский двор в системе русского законодательства и общинного права и затруднительность его упорядочения. СПб., 1909; см. также: А. А. Леонтьев. Крестьянское право. Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. Изд. 2, пересмотренное и дополненное. СПб., 1914. Защитником противоположной точки зрения выступил в нескольких статьях М. А. Лозино-Лозинский (Крестьянское право. «Вестник права», 1899, 2; Крестьянский двор. Там же, 1899, 3, 5; Нечто о законодательной практике и крестьянском дворе. «Право», 1899, 46), вызвав ряд возражений. Резкий протест против распространившегося взгляда и судебной практики, в частности против позиции сената, Лозинский аргументировал тем, что если когда-то крестьянский двор и существовал в качестве формы коллективной собственности, то теперь это давно изжито и ныне не соответствует принципу правового государства. «В правовом государстве,— писал Лозинский,— нет места для института крестьянского двора как собственника надельной земли». Впрочем, Лозинский и по отношению к прошлому называл крестьянский двор «фискальной фикцией».

Обсуждение вопросов о крестьянском дворе, семейной собственности и пр. в русской юридической печати было вызвано в свое время предполагавшимся пересмотром X тома Свода законов, причем имелось в виду включить в него никогда в царской России не кодифицировавшиеся положения о гражданском праве крестьян. Обсуждение это исходило в основном из формального толкования различных узаконений и сенатских решений, а равно чисто юридических, отвлеченных положений. Историческая сущность той коллизии двух начал, которая лежала в основе всего этого вопроса, ее закономерность, — оставались вне понимания авторов этих рассуждений. Так или иначе, как приведенное руководящее разъяснение сената, так и господствующее мнение русских юристов, одинаково оказались защитниками коллективной собственности в русской крестьянской семье, причем эта позиция живо и стойко держалась в русской дореволюционной цивилистике до самого последнего времени. Причин этого любопытного явления мы коснемся ниже. Таким образом, не только в бытовой и обычно-правовой действительности, но и в воззрениях закона и юридической теории русская большая семья оставалась формой коллективной собственности, а глава семьи — лишь ее ограниченным распорядителем и представителем. Частная собственность, с этой точки зрения, возникала только с распадом большой семьи на малые.

Если победа частной собственности и распад семейной общины на индивидуальные семьи происходили не без борьбы в семье демократической, то тем более коллизия двух начал и победа частной собственности должны были протекать в отцовской семье в длительной и напряженной борьбе. К распаду пришли в конечном счете семьи обоих типов — и демократическая, и отцовская, — однако, как борьба, так и победа индивидуального начала, протекали в них в совершенно различных условиях и формах. Тогда как для семьи демократического типа ее распад является чем-то в роде «естественной смерти» отжившей общественной формы, распад и раздел семьи отцовской протекает в условиях острой борьбы, насыщен драматизмом и нередко имеет трагический характер.

Вопросы о причинах, обстановке, формах и условиях большесемейных разделов вызвали, в особенности в

России, обширную литературу, трактовавшую эту тему с точки зрения преимущественно юридической³⁴. Не останавливаясь на этих вопросах, отметим лишь те черты данного явления, которые имеют историко-общественное значение.

Широко распространенным фактом, многократно отмечавшимся, было то, что раздел обычно и преимущественно происходил только со смертью главы семьи — деда или отца, причем именно эта смерть оказывалась поводом к разделу. Это действительно так, ибо в отцовской семье власть большака была главной, а подчас единственной сдерживающей силой, противившейся разделу, силой, благодаря которой семья только и держалась. Можно еще раз отметить радикальное различие между сегментацией семейной общины и ее разделом: тогда как там «дети без отцов не делятся», положение здесь можно выразить формулой: «дети при отце не делятся». Энергичную поддержку встречал большак в своем сопротивлении разделу со стороны «мира» и волостного суда. Русское обычное право в сущности не признавало права детей требовать раздела. «Мир» и волостной суд даже наказывали истца, требовавшего раздела, вменяя ему в вину семейный раздор. Столь же активно поддерживал большака и помещик. Лишь в отдельных случаях, когда большак явно разбазаривал семейное имущество, «мир» или волостной суд выносил решение о разделе.

Частичным разрешением создавшегося в семье положения был выдел — выход из семьи с выделом известной доли имущества одной малой семьи. Эта форма, хотя и имевшая место нередко, являлась все же эпизодической, тем более, что выдел мог произойти только с согласия семьи, в особенности — ее главы, причем и выдел имущества в том или ином размере зависел преимущественно от его воли. Таким образом, общим и ведущим порядком был полный раздел.

Говоря о разделе семейной общины демократическо-

³⁴ См. в частности: Н. Б р ж с к и й. Очерки юридического быта крестьян. СПб., 1902, стр. 103—185; Н. Добротворский. Крестьянские юридические обычаи в восточной части Владимирской губернии. Ст. II, Семья, семейные разделы и право наследования. «Юридический вестник», 1889, 6/7; Н. Т е с л е н к о. О семейных делах по обычному праву белорусов. ЭО, 1891, 1.

го типа, мы отметили, что ее глава получает принципиально равную долю подлежащего дележу общесемейного имущества, причем эта черта является известного рода выражением демократизма данного типа семьи. Совершенно иначе обстоит дело при разделе отцовской семьи. Отец в таком случае получает преобладающую долю имущества, взрослые мужские члены семьи — только меньшие, иногда весьма незначительные, подчас всецело зависящие от воли старшего, выделы.

Как уже говорилось, раздел семьи демократического типа знает неполную форму, при которой разделившиеся семьи сохраняют известную долю хозяйственной общности, образуя, в частности, патронимию. Характерную черту раздела семьи того типа, который мы сейчас описываем, семьи отцовской, составляет то, что этот раздел означает полное падение общинного начала и приводит к образованию малых семей, уже совершенно изолированных в хозяйственном отношении: полная на данном этапе победа частной собственности не оставляет места для какой-либо формы родственно-общинных отношений, кроме случаев бытовой родственной взаимопомощи, элементарных родственных отношений и пр.

Множество раз говорилось о вине женщин, их ссорах и пр. как о причинах разделов большой семьи вообще, семьи отцовского типа в особенности. Если известная доля правды содержится здесь в том смысле, в каком это было изъяснено выше относительно разделов семьи первого типа, то тем более это относится к семье второго типа. Испытывая на себе немалую долю деспотического гнета семьи, женщина тем более выступает здесь за индивидуализацию семьи и частную собственность³⁵. Довольно близко к истине подошел в данном вопросе Н. В. Калачов. «Одним из видимых к тому поводов,— писал он, говоря о разделах,— бывает почти всегда несогласие между невестками, ...но мы думаем, что настоящая

³⁵ Другой вопрос, выиграла ли женщина в условиях классового строя после распада большой семьи и стало ли ее положение в малой семье легче или еще тяжелее. См. по этому поводу спорную статью: И. Харламов. Женщина в русской семье. «Русское богатство», 1880, 3—4, где автор, впадая в изрядную идеализацию большой семьи, утверждает, что положение женщины здесь было более благоприятным, в частности благодаря ее отдельному имуществу, чем в малой семье.

тому причина есть тайное желание каждого семьянина быть самостоятельным, иметь свою отдельную собственность, почему они охотно берут сторону своих жен»³⁶. Менее удачно, отражая так называемую трудовую теорию собственности, подошел к той же мысли М. М. Ковалевский, объясняя ссоры и «сварливость» невесток как «порождение вполне понятного стремления каждой малой семьи удерживать в личном обладании продукты собственного труда»³⁷. Пожалуй, более правильно, с присущей народной мудрости меткостью, осветил это положение ответ одного русского крестьянина: «Семьи на волости все переделались: согласия нет, более из-за баб..., да, впрочем, нельзя на баб сваливать, и мы виноваты: сами пьем, а баб-то бьем»³⁸.

Итак, не «ссоры женщин», не «индивидуализм», как это тоже часто говорилось и относительно русской большой семьи, а общий процесс экономического развития и победа частной собственности лежат в основе как разделов, так и окончательного распада семейной общины как исторической формы.

В прямой связи с тем же основным положением находится неоднократно отмечавшееся, но не получившее правильного объяснения, явление, по которому при сосуществовании больших и малых семей первые оказываются зажиточными, вторые — бедными. Это обстоятельство отражено и народным представлением: «задружна куча тече имуча» — задружная, многочисленная семья богатеет, тогда как «инокоштина — сыромаштина» — малочисленность — бедность, говорилось в Сербии. Этот факт имеет простое объяснение. Там и тогда, когда общеэкономические условия, с одной стороны, еще не уничтожили необходимости в больших семьях, а с другой стороны, еще не создали прочной базы для индивидуального хозяйства, удерживающая свои позиции большая семья вполне может оказаться зажиточной, тогда как вновь возникающая малая семья оказывается маломощной, легче подвергается влиянию неблагоприятных условий, слу-

³⁶ Н. В. Калачов. Указ. соч.

³⁷ М. Ковалевский. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении, т. I. М., 1888, стр. 103—104.

³⁸ «Труды Комиссии по преобразованию волостных судов», т. III. СПб., 1873, стр. 320.

чайностей и пр. Это все же частное явление переходного характера. Основная причина лежит здесь, конечно, в общем процессе обеднения крестьянского хозяйства в условиях классового строя.

Как уже было сказано, смерть большака была сплошь и рядом поводом к разделу семьи. Но случалось далеко не редко, что с этой смертью большая семья все же не распадалась, сыновья не делились и продолжали совместное хозяйство. Большая семья сохранялась, однако на новых, особых началах.

Возглавляет такую семью старший брат, либо наиболее достойный из других братьев. Вдова умершего, старуха-мать, может остаться главой женского хозяйства, либо же она лишь сохраняет известный авторитет, почетное положение, фактической же «старшой» становится жена нового главы семьи. Со смертью части братьев семья может состоять из дядей или дяди и племянников. Характерную черту составляет то, что со смертью брата-главы пост этот переходит не к его сыну, а к другому брату. Таким образом эта «братская семья» ни в коем случае не превращается в «отцовскую». «Братская семья», как можно называть семью этого особого типа, не только сохраняет общность имущества и иные начала семейного коллективизма, но и укрепляет их, причем все же сохраняется создавшаяся уже дифференцированность малых семей с их «особиной». Но наиболее характерную и значительную черту этой семьи составляет возврат к демократизму, в частности — совершенно иной характер власти главы семьи.

Как самый факт образования семьи данного типа после смерти главы отцовской семьи, так и происходящее при этом изменение характера большой семьи, неоднократно отмечались. «Надо различать,— писал П. М. Богаевский,— большака брата и отца, так как на практике власть того и другого различна»³⁹. Одновременно возрождается и выборность главы семьи. Немыслимая в отцовской семье выборность наблюдалась в великорусских больших семьях, когда они сохранялись в описываемой форме после смерти большака, и очень наблюдательно отмечал С. М. Пономарев, что «право

³⁹ П. М. Богаевский. Заметки о юридическом быте крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии. М., 1889, стр. 9.

выбора большака, не существующее еще на Урале, столь распространенное в сердцевине России,— недавнее право»⁴⁰.

Еще одну характерную черту данного вида семьи составляет поколенный раздел имущества. Так, если раздел производился между дядей и племянниками — детьми его покойного брата, то имущество делилось пополам таким образом, что на долю всех племянников доставалась половина, т. е. часть их отца.

Образование «братской семьи» объясняется тем, что на данном этапе распад большой семьи как формы, экономически обусловленной, оказывается еще преждевременным, и она таким образом обнаруживает стремление к самосохранению. Будучи однако формой как-никак отживающей, она сохраняется со смертью ее главы, сдерживавшего ее своей деспотической властью, только при условии возврата к былому демократизму.

«Братская семья» существовала у многих народов. Она была распространена в Древнем Риме, как можно судить в особенности по «Институциям» Гая⁴¹, где она обозначалась выражениями *consortium inter fratres* или *societas fratrum*. О том же говорят выражения: чеш.— *nedilni bratři* и польск.— *bracia niedzielni* или *bracia nieoddzielni*.

К изложенной характеристике «братской семьи» присоединяем редкостное в литературе конкретное описание одной такой общины, сохранявшейся в начале 80-х годов XIX в. в Белоруссии, в глуши Смоленщины.

Семья эта состояла из 40 человек. Она сохранилась неразделенной после смерти ее главы, известного в округе под именем Антошки. Во главе семьи стал старший, 60-летний, из братьев старшего поколения. Он управлял хозяйством с общего согласия других братьев, но ни в коем случае не неограниченно. Особым уважением пользовалась 80-летняя старуха, которую все члены семьи называли «маткой». Все имущество семьи составляло нераздельную собственность. Взрослые члены семьи имели право отпраиваться в определенное время на сторонние заработки, но с тем, что по возвращении домой они отдавали старшему отчет в заработанных деньгах и

⁴⁰ С. Пономарев. Указ. соч.

⁴¹ Gaius, III, 154 b; вновь найденные в 1934 г. отрывки.

во всех своих во время отсутствия издержках. Все заработанные деньги отдавались старшему и поступали в хранившуюся им общую казну. Если, однако, молодежь по исполнению всех обязательных по хозяйству работ зарабатывала кое-что поденщиной, ловлей рыбы и пр., то этот заработок оставался в ее распоряжении.

Вся семья размещалась в девяти хатах, которые вместе с соответствующими хозяйственными постройками составляли отдельный поселок. Вся семья, всегда в своем полном, без исключений, составе, обедала и ужинала в одной из хат, за одним общим столом. Семья эта обладала изрядным достатком: она имела 26 лошадей, 52 коровы, 30 свиней, 48 овец, 100 гусей и т. д.

Автор данного описания упоминает еще о трех в его время уже распавшихся больших семьях, состоявших из 60, 38 и 35 человек, также образовывавших отдельные поселки и тоже обедавших за одним общим столом⁴².

Особый характер семьи описанного вида бросался в глаза исследователям, однако и ее историческое место и указанная ее сущность ускользали от их понимания. В результате, подходя к этой семье лишь с формально-юридической точки зрения, С. В. Пахман отказался признать ее семьей. «Что же касается,— писал он,— того союза родственников, который образуется уже после смерти естественного главы семьи, то его никак нельзя приравнивать к семье в собственном смысле... Союз родственников, живущих после смерти отца семьи совместно общим хозяйством и при нераздельности имущества, есть не более как одна из форм «общего владения», при которой, до раздела, хозяйство состоит в ведении одного из родственников, но не на праве отца, а лишь в качестве уполномоченного распорядителя общего хозяйства и имущества. Следовательно, эта форма хозяйственного сожительства, носящая и некоторые черты артели, никак не может быть рассматриваема как союз семейный в собственном смысле слова и потому не имеет ничего общего с теми союзами, о которых идет речь в настоящей главе»⁴³.

⁴² И. Красноперов. Антошкина община. «Отечественные записки», 1882, 6.

⁴³ С. В. Пахман. Указ. соч., т. II, стр. 138—139. В главе, из которой взята приведенная нами цитата, идет речь о семье, в частности большой семье.

В свою очередь выделяя рассматриваемую нами частную историческую форму семьи, М. В. Довнар-Запольский предложил семью, «в которой живут родители с женатыми и замужними детьми», называть большой семьей, а «форму семьи, когда живут нераздельно братья или дяди с племянниками» и пр., именовать семейной общиной⁴⁴, — предложение, могущее только внести путаницу и в терминологию, и так уже достаточно неустойчивую, и в понимание семейной общины как единого исторического явления. Отмеченная выше, наблюдаемая на многих примерах перемена во внутреннем строе семьи, в частности появление выборности, привели к существенному недоразумению: высказывался взгляд, по которому архаическим типом семейной общины была семья деспотическая, которая с течением времени, в ходе общественного «прогресса», приобретает демократический характер, — положение явно ошибочное.

В связи с вопросом о разделах большой семьи стоит вопрос, которого мы коснулись в начале настоящего очерка, — о роли в разделах, вернее в недопущении разделов и консервации большой семьи, феодально-крепостнической власти. Отчетливый ответ на этот вопрос мы извлекаем из истории семейной общины в России. Русская крестьянская семья сделалась в XVIII в. основной тягловой и податной единицей, вследствие чего и помещики и государственная власть естественно ориентировались на «крепкую», зажиточную, впоследствии — кулацкую, семью. Отсюда — прямая заинтересованность в сохранении больших семей как более надежных исполнителей повинностей и недопущение разделов.

В середине XVIII в. известный екатерининский вельможа, один из крупнейших в России землевладельцев, граф Роман Воронцов наставлял: «Всевозможно удерживать поселян от вредных для них (точнее было бы: «для нас». — М. К.) разделов, а больше всего, чтобы земля между ими не делить...»⁴⁵ Впоследствии, рассказывая, как Николай Ростов, женившись на богатой Марии Болконской, превратился из лихого кавалериста в ретивого хозяина-помещика, Л. Н. Толстой отмечал: «Се-

⁴⁴ М. В. Довнар-Запольский. Указ. соч., стр. 3.

⁴⁵ Р. Воронцов. О способах к исправлению сельского домостроительства. «Труды Вольного Экономического общества», 5, 1767, стр. 8.

мы крестьян он поддерживал в самых больших размерах, не позволяя делиться»⁴⁶.

Обо всем этом неоднократно и без обиняков говорилось в исторической литературе. О ряде мер, которые принимались в XVIII в. к недопущению разделов среди помещичьих, государственных и дворцовых крестьян, рассказывал В. И. Семевский⁴⁷. «В России,— писал М. М. Ковалевский, сближая в этом отношении Россию с Францией XIX в.,— как и во Франции, семейная община жила под покровом крепостничества и стала исчезать вместе с его падением. С другой стороны, и государство видело в нераздельной семейной собственности средство к вынуждению податной исправности»⁴⁸. «Столь распространенная во времена крепостного права жизнь большими семьями,— указывал А. И. Лыкошин,—...вызывалась прежде всего («прежде всего» — это, конечно, ошибка.— М. К.) хозяйственными соображениями помещиков, находивших крупные дворы для себя выгодными и не допускавших раздела многотягольных семейств»⁴⁹.

Таким образом, и то решение сената, и те рассуждения русских юристов, которые мы выше приводили, где и царский сенат, и юристы защищали «семейную собственность», а тем самым сохранность большой семьи, определялись, конечно, не какими-либо общими социальными идеями,—если даже в выступлениях отдельных авторов и сказывались отзвуки народнической идеологии,—а прямо отражали указанную феодально-крепостническую ориентацию. Роль феодально-помещичьей власти в консервировании большой семьи наглядно обнаруживается и в том неоднократно отмечавшемся явлении, что как раз с падением в России крепостного права особо усиленным темпом пошли разделы сохранявшихся в то время больших семей.

Русская большая семья и ее «большак» находили себе энергичную поддержку и защиту со стороны «мира». Этим началом было глубоко проникнуто все русское

⁴⁶ «Война и мир», Эпилог. ч. 1, гл. VII.

⁴⁷ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. I. Изд. 2. СПб., 1903; см. также: П. Е. [Ефименко]. К истории семейных разделов. «Киевская старина», 1886, 3.

⁴⁸ М. Ковалевский. Первобытное право, вып. I. М., 1886, стр. 40—41.

⁴⁹ А. И. Лыкошин. Указ. соч.

обычное право и судебная практика крестьянского суда. «Самое хозяйство крестьян, все их имущество и трудовые силы имеют для сельской общины,— говорил С. В. Пахман,— весьма важное значение как источник и гарантия хозяйственных интересов, и потому она считает себя в праве вмешиваться в сферу частных хозяйств и семейных отношений, не только наблюдая, чтобы хозяйства не расстраивались, но и препятствуя всяким распоряжениям, которые могли бы повести к такому расстройству, сменяя иногда самих домохозяев и даже не допуская семейных разделов, если от них может ожидать упадок в крестьянском хозяйстве»⁵⁰. Замечания в общем правильные, но недостаточно четкие и весьма односторонние. Дело здесь значительно сложнее. Сельская община оставалась сама представительницей переживающегося первобытнообщинного уклада, но одновременно отражала и ведущие классовые, частнособственнические начала. Отсюда явная и характерная двойственность отношения «мира» к большой семье, а главное — к большаку: «мир», с одной стороны, действительно охранял большую семью, но не только как «источник и гарантию хозяйственных интересов», но и как близкую ему общинную форму, с другой же стороны, весьма активно и энергично поддерживал и защищал большака как представителя близкой ему по составу нарастающей классовой прослойки.

* * *

Главным положением нашего опыта исторической характеристики семейной общины является различие двух основных ее исторических типов: демократического и отцовского. Последний тип большой семьи представляется отнюдь не обязательным и универсальным, как это нередко изображалось, отнюдь не воплощается в его якобы архаическом прототипе — пресловутой циклопической семье Гомера, а составляет результат классового перерождения данной формы в особых, классовых условиях, следовательно, тип, с точки зрения общественно-исторической,— далеко не первобытный, а позднейший.

Недостаток материалов обусловил, мы должны признать, некоторую схематичность и отвлеченность пред-

⁵⁰ С. В. Пахман. Указ. соч., т. II, стр. 3.

ложенного нами обобщения. Наличие бóльшего числа конкретных описаний различных образцов семейной общины дало бы возможность более дифференцированного к ней подхода: и исследования, и обобщения, равно как и более детальной, дифференцированной же характеристики его внутреннего быта и внешних отношений. Необходимость таких конкретных описаний нам хотелось бы подчеркнуть, имея в виду что, как ни запоздала наука с изучением семейной общины, возможности ее конкретного исследования все еще сохраняются. Это, в частности, относится к югославянской задруге.

Во всяком случае и независимо от предложенного нами различения двух указанных типов семейной общины, отличие в общем характере и строе внутренних отношений ее разных образцов столь очевидно, что распространенные, в особенности в старой литературе, общие и обезличенные ее характеристики надо признать совершенно несостоятельными. Несостоятельны и те предлагавшиеся отдельными авторами, ориентировавшимися на различные образцы семейной общины, ее характеристики, которые изображали ее иногда диаметрально противоположным образом: у одних авторов — в качестве почти идеального воплощения первобытнообщинного строя, притом застывшего и лишнего движения, у других — в виде деспотической абсолютистской семьи. Столь же неверным оказывается и основанное на том же недифференцированном представлении, распространенное в старой русской литературе сближение и отождествление югославянской задруги и великорусской большой семьи, в чем повинны, в частности, А. Я. Ефименко, Г. Ф. Блюменфельд и отчасти М. М. Ковалевский. Конечно, как это должно явствовать из нашего изложения, общие архаические основы: принципы коллективной собственности, коллективного производства и потребления здесь те же, но — как радикально различны условия и формы выражения этих принципов! Столь яркие фигуры великорусского отца-большака или большухи-свекрови совершенно немыслимы в югославянской задруге.

Неразличением указанных нами двух основных типов большой семьи объясняются и некоторые иные неправильные оценки. Таково, в частности, многократно высказывавшееся мнение о подавлении личности в большой семье. «Задруга, — писала, например, А. Я. Ефименко, —

страшным гнетом лежит на личности своих членов. Ни малейшего проявления индивидуальности не допускает она...» и т. д.⁵¹ На деле и в этом отношении между демократической и отцовской семьей существует радикальное различие: тогда как первая, в частности по общему правилу, но не без местных отличий, югославянская задруга, дает поприще для значительной свободы личности, во всяком случае не только не унижает, но обеспечивает личное достоинство, совершенно иное представляет собой в смысле положения личности семья отцовская. И в этом вопросе мы поневоле должны ограничиться, в особенности по отношению к югославянской задруге, такой общей оценкой. Привлечение большего конкретного материала и более детальное исследование именно этой темы должно эту оценку проверить и уточнить.

⁵¹ А. Ефименко. Указ. соч.

II

ПАТРОНИМИЯ

1 К истории вопроса. Палацкий. Патронимия у удмуртов и юго-осетин. Наши работы 1931—1961 гг. на тему о патронимии. Выявление и изучение патронимии у различных народов рядом исследователей. Содержание и цель настоящего очерка.

2. Определение патронимии. Фазы истории патронимии. Археологические свидетельства. Термины. Возникновение патронимии. Структура. Разрастание и дробление. Патронимии первого и второго порядка. Патронимии и формы поселений. Патронимические кварталы. Патронимии у кочевых народов. Патронимии и топонимии.

3. Хозяйственное единство патронимии. Коллективное владение землей. Эволюция форм эксплуатации земли. Другие виды коллективного патронимического владения. Взаимопомощь. Возникновение частной собственности. Общественное единство. Управление. Экзогамия. Гостеприимство. Классовое расслоение. Права предпочтительной покупки и родового выкупа. Идеологическое единство. Патронимическое имя. Бытовые отношения. Религиозная и культовая общность.

4. Патронимия и другие архаические общественные формы. Патронимия и большая семья. Патронимия и род. Патронимия и соседская община. Роль патронимии в процессах колонизации. Сохранность патронимии. Пережитки патронимии. Патронимический родственный круг как юридическая категория. Действие этого круга в практике мести, композиции и наследования. Право соседства.

1

Чешский историк Франтишек Палацкий (1798—1876) был первым, если мы не ошибаемся, кто в своей «Истории чешского народа» (1836) обратил внимание на особую форму названий чешских селений с окончанием на *ичи* или *овичи*. Назвав эту форму «патронимической»,

Палацкий следующим образом ее объяснил: в древней Чехии, как и вообще у всех славян в древности, семьи, разрастаясь, не делились, а сохраняли свое единство. Так возникали древние чешские селения, обитатели которых первоначально составляли одну семью. Отсюда и соответствующая форма названий этих селений¹.

Вслед затем термин *патронимия* (от лат. *pater* — «отец» и *попеп* — «имя», т. е. «наименование по отцу») распространяется и входит в литературный оборот, причем употребляется в двух смыслах: для обозначения данной формы *названия* населенного места и для обозначения *наименования* или *имени* группы родственников, населяющих такое селение. Иначе говоря, патронимией называлось, например, «Васильковичи» — название селения и имя (фамилия) насельников этого селения, родственников между собой.

Если существовали или существуют такие общие наименования населенного места или его обитателей, то естественно должна была существовать или существует как некое целое самая группа этих обитателей, представляющая собой, судя по ее патронимическому обозначению, определенный совместно живший или живущий родственный и вместе с тем общественный коллектив. Такой коллектив действительно существовал и существует у многих народов. Более того, его существование множество раз отмечалось или упоминалось, правда, всегда бегло и неотчетливо, в исторической и современной литературе. Эти упоминания не обращали на себя должного внимания, не связывались, не анализировались и не обобщались.

В 1931 г., во время экспедиционной поездки в б. Глазовский уезд, и в 1932 г., во время такой же поездки в б. Ижевский уезд, два района нынешней Удмуртской АССР, мы обратили внимание на сохранявшуюся в среде удмуртского крестьянства особую общественную форму, представляющую собой группу родственников семей, сохраняющих элементы хозяйственной, общественной и идеологической общности. Внешним признаком этой группы является ее общее патронимическое название, образованное из собственного имени ее прародителя, с оконча-

¹ См.: F. Palacký. Geschichte von Böhmen, B. I, 2 Aufl. Prag, 1844, S. 169, Nota 143.

нием *ни* или, во мн. числе, *ни-ӕс* (*ни* — «дети», «потомство», *ӕс* — суффикс мн. числа).

Обратив внимание на эту группу и приступив к ее изучению, мы тогда же предложили выделить ее в качестве особой общественно-исторической формы, применив для обозначения самой этой формы термин *патронимия*².

Вслед затем, во время экспедиционной поездки в том же 1932 г. в Юго-Осетию, мы смогли констатировать, что патронимия, аналогичная удмуртской, сохраняется и среди юго-осетин, у которых эта группа обозначается выражением *фыды-фырта* — «отца дети», а все ее члены носят общее патронимическое наименование, в котором к собственному имени прародителя присоединено слово *фырта*, либо в сокращенном виде — *та*, в обоих случаях со значением «сыновья» или «дети»³.

В последующие годы мы несколько раз возвращались к этой теме, иллюстрируя ее на различном материале и связывая с общими вопросами истории архаических общественных форм⁴.

Наши описания патронимии у удмуртов и юго-осетин, равно как и наше предложение выделить эту форму в качестве особой общественно-исторической формы, а

² См.: М. О. Косвен. Распад родового строя у удмуртов. «Ученые записки научно-исследовательского Института народов Советского Востока», вып. II. М., 1931.

³ См.: М. О. Косвен. Из истории родового строя в Юго-Осетии. СЭ, 1936, 2; его же. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961.

⁴ См.: М. О. Косвен. Патронимия. БСЭ, т. 44, 1936; доклад «Семейная община и патронимия», прочитанный в мае 1946 г. на сессии Отделения истории и философии АН СССР (рефераты этого доклада: «Вестник Академии наук СССР», 1946, 7, и «Вопросы истории», 1946, 10); его же. Очерки по этнографии Кавказа. СЭ, 1946, 2; доклад «Патронимия и проблема структуры рода», прочитанный в ноябре 1949 г. на Кавказской этнографической сессии в Тбилиси (краткое изложение этого доклада: сборник «Вопросы этнографии Кавказа», Тбилиси, 1952); его же. Патронимия у древних германцев. «Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии», т. VI, 1946; его же. Северорусское пещище, украинские сябры и белорусское дворище. СЭ, 1950, 2; его же. Программа для собирания сведений о патронимии и структуре рода («Краткие сообщения Института этнографии», 13, 1951); его же. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953; изд. 2, исправленное и дополненное. М., 1957; его же. Патронимия. В кн.: М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы.

затем наши опыты общей и частной трактовки данного вопроса, привлекли к себе внимание многих исследователей, этнографов и историков. В результате эта тема получила отражение в сравнительно большом числе работ, в частности в ряде специальных описаний патронимии у различных народов.

Патронимию выявили и отчасти исследовали С. М. Абрамзон у киргизов, Аминэ Авдал у курдов, Ю. П. Аверкиева у индейцев северо-запада Северной Америки, С. С. Агаширинова у лезгин, В. В. Бардавелидзе у хевсур, В. А. Бдоян у армян, В. Н. Белицер у коми, Е. Э. Бломквист у восточных славян, Ю. В. Бромлей в средневековой Хорватии, П. П. Бырня у молдаван, З. Н. Ванеев у юго-осетин, Г. П. Ватильева у туркменнохурли, М. В. Витов в прошлом русского населения Севера, С. Ш. Гаджиева у кумыков, Г. А. Гулиев у азербайджанцев и у татов, А. Я. Гуревич в раннесредневековой Норвегии, Л. В. Данилова в прошлом Новгородской земли, Т. А. Жданко у каракалпаков, Казимера Завистович-Адамска (Польша) в некоторых местностях Польши, Ш. Д. Инал-ипа у абхазов, М. М. Ихлов у горских евреев в Дагестане, Б. А. Калоев у северных осетин и у агулов в Дагестане, И. А. Калоева у южных славян, Э. Т. Карапетян у армян, Э. Л. Коджесау у адыгов, К. И. Козлова у марийцев, Л. Н. Кужелева у ногайцев, Шпиро Кулишич (Югославия) в Черногории и Герцеговине, М. А. Кургузова у лезгин, Л. И. Лавров у абазин и у лакцев, М. О. Макитов у балкарцев, Л. Ф. Моногорова у язгулемцев Западного Памира, З. А. Никольская у аварцев, А. И. Першиц у кабардинцев и у арабов, Райна Пешева (Болгария) у болгар, И. М. Саидов у чеченцев и ингушей, М. Я. Салманович у молдаван, Ю. А. Сем у нанайцев (гольдов), И. Ф. Симоненко у украинцев Закарпатской области, Г. Ю. Стельмах у западных украинцев, М. М. Фрейденберг в средневековой Хорватии, Р. Л. Харадзе у грузин, Х.-М. Хашаев у ряда народов Дагестана и К. В. Чистов у русского населения Севера⁵.

⁵ См.: С. М. Абрамзон. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии. В кн.: «Родовое общество. Этнографические материалы и исследования», М., 1951; его же. К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии. «Краткие сообщения Института этнографии», 28, 1957; А. Авдал. Патронимия у курдов Армении в XIX в. СЭ, 1959, 6; Ю. П. Аверкиев а. Разло-

Настоящий очерк имеет целью суммировать и обобщить в самом кратком виде основные черты патронимии у различных народов прошлого и настоящего, содержащиеся в разнообразных исторических и литературных

жение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки. М., 1961; С. С. Агаширинова. Очерки материальной культуры лезгин конца XIX — начала XX в. (диссертация, рукопись хранится в архиве Института этнографии АН СССР). М., 1957; В. В. Бардавелидзе. Хевсурская патронимия и ее древнейшая форма землевладения (доклад на сессии Отделения исторических наук АН СССР в марте-апреле 1962 г. в Москве); В. А. Бдоян. Кровнородственный «казг» и родственные отношения у армян. СЭ, 1952, 1; В. Н. Белицер. Очерки этнографии народов коми. М., 1958; Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев и белоруссов (Поселения, жилище и хозяйственные строения). «Восточнославянский этнографический сборник». М., 1956; Ю. В. Бромлей. Исследования по аграрной истории Хорватии (рукопись монографии, предоставленная нам для ознакомления автором); П. П. Бырня. Кут — древний тип сельского поселения на территории Молдавии. «Известия Молдавского филиала АН СССР», 5(83), 1961; З. Н. Ванеев. Из истории родового быта в Юго-Осетии. Тбилиси, 1955; Г. П. Васильева. Туркмены-нохурли. «Среднеазиатский этнографический сборник», I, 1954; М. В. Витов. Гнездовой тип расселения на русском Севере и его происхождение. СЭ, 1955, 2; его же. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. М., 1962; С. III. Гаджиева. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961; Г. А. Гулиев. Полевые записки, сообщенные нам автором; А. Я. Гуревич. Большая семья в северо-западной Норвегии в раннее средневековье (по судебнику Фро-статинга). «Средние века», VIII, 1956; Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955; Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков. М.—Л., 1950; K. Zawistowicz-Adam ska. Pomoć wzajemna i współdziałanie w kulturach ludowych. «Polskie Towarzystwo ludoznawcze, Prace i materiały», VIII—XI. Łódź—Lublin, 1950—1951; III. Д. Инал-ипа. Абхазы. Историко-этнографические очерки (диссертация, рукопись, представленная в Институт этнографии АН СССР). Сухуми, 1961; М. М. Ихилов. Большая семья и патронимия у горских евреев. СЭ, 1950, 1; Б. А. Калоев. Моздокские осетины (диссертация, рукопись хранится в архиве Института этнографии АН СССР). М., 1951; его же. Агулы. Сборник «Народы Дагестана». М., 1955; И. А. Калоева. Пережитки родового строя у южных славян (диссертация, рукопись хранится в архиве Института этнографии АН СССР). М., 1950; Э. Т. Карапетян. Некоторые пережитки родовых отношений у армян (доклад на сессии Отделения исторических наук АН СССР в марте-апреле 1962 г. в Москве); Э. Л. Коджесау. Патронимия у адыгов. СЭ, 1962, 2; К. И. Козлова. Пережитки родового строя у мари в XIX в. (диссертация, рукопись хранится в Архиве кафедры этнографии исторического факультета МГУ). М., 1950; Л. Н. Кужелева.

источниках. Такое обобщение мы сделали особо для Кавказа в нижеследующей главе «Патронимия у народов Кавказа». Отдельные черты патронимии отмечены и охарактеризованы также в трех других нижепомещенных главах, относящихся к древним германцам, древней Руси и древней Хорватии, а также к прошлому восточных славян. Поэтому в настоящем очерке, посвященном патронимии, мы избегаем ссылок на конкретный материал, который можно найти в перечисленных главах и который может служить иллюстрацией к общим положениям.

Полевые записки, сообщенные нам автором; S. Kušić. Arhaično bratstvo u Crnoj Gori i Herzegovini. «Гласник Земальског музеја у Сарајеву, Историја и етнографија», Нова серија, XII, 1957; его же О postanku i karakteru naseg bratstva. «Pregled» [Sarajevo], 1957, 2/3; М. А. Кургузова. Пережитки родовых отношений у лезгин (дипломная работа, рукопись хранится в архиве кафедры этнографии исторического факультета МГУ). М., 1949; Л. И. Лавров. Абазины. «Кавказский этнографический сборник», I, 1955; его же. Лакцы. Сборник «Народы Дагестана». М., 1955; М. О. Макитов. Полевые записки, сообщенные нам автором; Л. Ф. Моногарова. Материалы по этнографии язгулемцев. «Среднеазиатский этнографический сборник», II, 1959; З. А. Никольская. Родовые формы и отношения у аварцев в XIX в. (диссертация, рукопись хранится в архиве Института этнографии АН СССР). М., 1948; А. И. Першиц. Фамилия — лъэпкъ у кабардинцев в XIX в. СЭ, 1951, 1; его же. Патронимия у арабов. «Краткие сообщения Института этнографии», 13, 1951; его же. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой четверти XX в. М., 1961; Р. Пещева. Семейство и семейно-родственные отношения в Средна Западна България. В кн.: «Комплексни научни експедиции в Западна България. Доклады и материалы». София, 1961; И. М. Саидов. Полевые записки, сообщенные нам автором; М. Я. Салманович. Эволюция молдавского жилища. «Краткие сообщения Института этнографии», 23, 1960; Ю. А. Сем. Родовая организация нанайцев (XVII — начало XX в.) (автореферат диссертации). Л., 1959; И. Ф. Симоненко. Пережитки патронимии и брачные отношения у украинцев Закарпатской области. СЭ, 1947, 1; Г. Ю. Стельмах. Дорадянські типи сільських поселень на території Української РСР. «Наукові записки Інституту мистецтвознавства, фольклору та етнографії АН УРСР», 3, 1954; М. М. Фрейденберг. «Верь» в Средневековой Хорватии. «Великолуцкий государственный педагогический институт. Ученые записки», 15, 1961; его же. Новоградский сборник как источник по социально-экономической истории Хорватии. «Славянский архив», 1962; Р. Харадзе. Грузинская семейная община, т. II. Тбилиси, 1961; Х.-М. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961; К. В. Чистов. Народная поэсса И. А. Федосова. Очерк жизни и творчества. Петрозаводск, 1955.

Материал о патронимии оказывается, вообще говоря, чрезвычайно обильным. Хотя это должно быть само собой разумеющимся, заметим все же, что на достаточно широкое обозрение этого материала, разбросанного в многочисленных и многообразных источниках, нам претендовать не приходится, ибо это потребовало бы громадной, весьма кропотливой работы.

Хотя весьма значительные и примечательные результаты дали уже в сравнительно короткий срок сборы материала о патронимии, произведенные последовавшими за нами вышеуказанными авторами, историками и этнографами, результаты эти еще далеки от существующих возможностей, в особенности этнографических. Включаемая в настоящую книгу «Программа для собирания сведений о патронимии» имеет целью помочь в этом направлении исследователям. Заметим кстати, что подробное всестороннее монографическое описание одной патронимии было бы, где это возможно по состоянию объекта, наилучшей, наиболее ценной в научном отношении формой фиксации и систематизации соответствующего материала.

Помимо вышеуказанной цели суммирования и обобщения основных черт патронимии, мы в настоящем очерке постараемся хотя бы бегло осветить и некоторые стороны исторической трансформации патронимии, а равно вопросы ее соотношения с иными архаическими общественными формами.

2

Патронимия — историческая общественная форма, свойственная патриархально-родовому строю. Она представляет собой группу семей, больших или малых, образовавшихся в результате разрастания и сегментации одной патриархальной семейной общины, сохраняющих в той или иной мере и форме хозяйственное, общественное и идеологическое единство и носящих общее патронимическое, т. е. образованное от собственного имени главы разделившейся семьи, наименование.

Патронимия, возникая и складываясь в условиях патриархально-родового строя и сохраняясь в последующих формациях, имеет сама свою историю и претерпевает вместе с развитием всего общества весьма значительные

и глубокие изменения — от ее архаической формы, выражающей ее первобытнообщинную, коллективистическую сущность, до ее распадного и пережиточного состояния. Это представление об историчности патрионимии составляет важнейшее условие ее общего понимания, как и правильного толкования ее отдельных проявлений.

Патронимия — явление универсальное в той мере, в какой для значительного большинства человечества может считаться универсально-историческим патриархальный родовой строй как выражение определенного уровня развития и состояния производительных сил. Поэтому мы находим патрионимию у весьма многих народов либо в их историческом прошлом, либо в их сравнительно недавней этнографической действительности.

Имея, как сказано, свою историю, патрионимия проходит определенные фазы своего развития. Мы еще лишены возможности по состоянию соответствующего материала наметить, хотя бы в общих чертах, но достаточно отчетливо, историю патрионимии. Мы поэтому можем лишь условно и только ориентировочным образом предложить различать три фазы в развитии патрионимии.

Первая фаза составляет начальную ее форму, относящуюся к начальной стадии истории патриархально-родового строя, к стадии, которая сохраняет еще основные первобытнообщинные черты. Патрионимии в этой фазе мы не знаем в каком-либо конкретном ее выражении ни по историческим источникам, ни по этнографическим данным, и таким образом, можно сказать, ее только гипотетически реконструируем или даже лишь угадываем. Вторая фаза рисует нам патрионимию уже всегда в ее в большей или меньшей степени распадном состоянии и представляется нам в существующем весьма обширном, хотя, как уже сказано, очень недостаточно анализированном, историческом и этнографическом материале. Наконец, третьей фазой истории патрионимии можно считать рисуемые тем же материалом ее различные, отдельные, иногда, впрочем, связанные в некие комплексы, пережитки.

Сейчас охарактеризованное нами представление об историчности патрионимии и последовательных фазах ее развития необходимо строго иметь в виду при том или ином рассмотрении данной формы, при оценке тех или

иных ее проявлений и при изучении и толковании соответствующих источников.

По нашему мнению, вполне определенное свидетельство наличия патронимии дают некоторые археологические памятники, относящиеся к восточным славянам, в частности, например, городища Боршевское на Среднем Дону, Монастырище на р. Ромны, Березняки близ г. Рыбинска и др.

Ни один из археологов, исследовавших эти памятники, не дал такого их описания или определения, которое бы прямо говорило о патронимии, тем более не назвал этого термина, а характеризовал их довольно неопределенно как поселение некой общины, либо «родовой патриархальной общины», либо «общинно-родового хозяйственного гнезда», либо большой семьи, либо «ряда семей», либо «отдельных семей, связи которых между собой ослабевали» и пр. Уже из этих определений, за исключением одного, которое говорит о семье, вытекает, что речь идет как раз не о семье, малой или большой, а о поселении ряда семей. Надо думать, имея в виду время, к которому данные памятники относятся, что эти совместно жившие семьи были родственными. В таком случае это были какие-то родовые группы, и остается только более определенно сказать, какие именно.

Мы не можем взять на себя исследования и истолкования того археологического материала, который в названных, равно как и в некоторых других памятниках, говорит, на наш взгляд, о патронимии. Позволяем себе все же указать на следующие черты.

Общий вид городища, или комплекс сооружений, занимающий довольно большую площадь, нередко в несколько десятков гектаров; определенная отграниченность или отгороженность этой территории, в частности — валом; довольно большая отдаленность такой территории от других существующих в той же местности аналогичных городищ (3—5 км), т. е. известная изолированность данной территории; на одном городище ряд жилых помещений, в частности землянок, с постройками хозяйственного назначения; жилые помещения довольно большой для первобытной эпохи площади, в 15—20 кв. м; среди этих жилых помещений — одно центральное, большей площади, с очагом посередине; примыкающие к этому жилью особые хозяйственные сооружения;

крытые переходы между отдельными жилищами; связанные с данным городищем группы курганов, т. е. места захоронения людей этого городища; предполагаемая численность обитателей такого городища, по оценке, например, П. П. Ефименко, в «не одну сотню человек»⁶.

Перечисленные элементы подобного рода обширного жилого комплекса говорят, что мы имеем перед собой никак не место обитания одной семьи, хотя бы и большой, и что авторы, видящие здесь поселение ряда семей, совершенно правильно оценивают эти памятники. И мы со своей стороны видим здесь поселение группы родственных семей, больших или малых, связанных между собой хозяйственной, социальной и идеологической общностью, выраженной, в частности, наличием общих хозяйственных помещений, переходов от одного жилья к другому, общего дома старшей семьи и, наконец, общего места захоронения,— иначе говоря, поселок группы, которую мы называем *патронимией*.

У всех народов, где она выявлена, патронимия обозначается особым наименованием или особым выражением иногда на местном языке, иногда заимствованным из другого языка. Такие наименования крайне разнообразны. Нередко они выражают в форме существительного единство происхождения или родственную близость. Таковы слав. *братство* или *племя*, иран. *тохум* (*тухум*) — «семья», монгольск. *себк* — «кость», тюркск. *кыбк* (*кубк*) — «корень», «основа», арабск. *насыл* (*нэсл, несил, эсил*) от *наслун* — «поколение», «потомство», арабск. *жинс* (*джинс*) — «род», «порода», иран. *арха* — «хребет», «спина» и др.; тот же характер имеет выражение *карын-даш* — «единоутробные» у балкарцев или *гарындаш* у туркмен-нохурли, сходное *тууган* от *ту* — «рожать» у киргиз.

Обозначение патронимии имеет часто описательный характер, указывая либо в свою очередь на единство происхождения, либо на происхождение от одной семьи или одного хозяйства. Таковы болг. *одна кръв* или *един корен*,

⁶ См.: П. П. Ефименко. Раннеславянские поселения на Среднем Дону. «Сообщения ГАИМК», 1931, 3; Н. Н. Воронин. Поселение. В кн.: «История культуры древней Руси. Домонгольский период, I. Материальная культура». М.—Л., 1948; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена накануне образования Киевского государства. «Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии», 1945, 3.

киргиз. *бир атанын балдары* — «дети одного отца», туркм. *бир ата* — «один отец», адыг. — «братья одного дома», хевсурск. — «из одного огня вышедшие» или осетин. — «от одного огня разошедшиеся»; сюда же относятся монгольск. *утха* — от архаического, вышедшего из употребления слова *ут* — «огонь», означающего «происходящие от одного огня» (или очага) ⁷.

Иногда термин, означающий у данного народа патронимию, является одновременно обозначением либо большой семьи, либо более широкой, чем патронимия, родственной группы. Таковы восточнославянские — *печище*, *дворище*, общеславянские — *род*, *племе*.

Некоторые обозначения патронимии узко специфичны, будучи терминами, обозначающими только данную форму. Таковы *азг* у армян, *бър* у курдов.

Большой интерес представляет монгольский термин *аул*. В своем основном значении он, по-видимому, выражает родственное начало и служит обозначением родственной группы. У ряда народов — у ногайцев, кумыков, даргинцев и аварцев на Кавказе, у казахов — он в прошлом обозначал именно патронимию. Впоследствии слово это стало распространенным на Кавказе и частично в Средней Азии общим обозначением населенного места.

Хотя это должно остаться весьма спорным, мы склонны производить от *аул* русск. *улица*, что во всяком случае нам кажется предпочтительнее предлагаемой этимологии — от греч. *αὐλή* — «двор», «дом», «жилище». Напомним, что отдельные части русских сел, заселенные как раз патронимиями, носили название *концов* или *улиц*. Судя по Срезневскому, *улица* в древнерусском языке — не обязательно улица в современном смысле, или проход между рядами домов, а площадь, деление города или часть его. Кстати сказать, в дореволюционной русской деревне улицы в современном смысле часто и не бывало.

Замечательную аналогию находим у таджиков. Согласно личному сообщению Е. М. Пещеровой, отдельные части таджикского селения, занятые родственниками, образующие нечто вроде улицы, называются *куча*, и в

⁷ См. Г. Цыбиков. Культ огня у восточных бурят-монголов. «Бурятоведческий сборник», 3/4, 1927.

современном таджикском городе улица — *куча*; но *куч* по-таджикски — «семья».

Патронимия возникает из разделения одной семейной общины. Как было описано выше в «Опыте исторической характеристики» семейной общины, большая семья, имея предел своего естественного размножения, разделяется на части — сегменты. В своем начальном состоянии большие семьи делились, видимо, по их самому старшему поколению, т. е. по братьям — сыновьям главы семьи. Позже раздел мог происходить по братьям младших поколений. Однако всегда действовало правило, выраженное формулой: «дети без отцов не делятся». Иначе говоря, большая семья делилась на семьи, состоящие не меньше, как из трех поколений, нисходящих и боковых, т. е. принципиально большие, а не малые семьи. Такие выделившиеся семьи, конечно, рано или поздно также разрастались.

Раздел большой семьи мог произойти и, вероятно, архаически происходил именно так: не по отдельным братьям, а по их группам, т. е. по сегментам семьи. Например, если семья состояла в делящемся поколении из шести братьев, то они делились так, что отдельные части составлялись из трех, либо из двух братьев и пр. В более поздние времена из семьи мог выделиться один брат со своими нисходящими. Наконец, в распадном состоянии семейной общины из нее выделялись малые семьи, которые, однако, на данной стадии могли своим чередом разрастаться в большие семьи.

Все происшедшие от раздела одной семьи дочерние семьи сохраняли между собой связь и образовывали патронимию.

Таким образом, патронимия архаически состоит из меньшего или большего числа семейных общин. Впоследствии, с распадом родового строя и с распадом больших семей на малые, патронимия может состоять из больших и одновременно малых семей, а далее — только из малых семей. Число семей в патронимии может быть весьма неодинаково: от нескольких до сотен.

Поскольку размножение и разрастание семейной общины составляет процесс органический, каждая большая семья может давать начало патронимии. Отсюда — внутри каждой патронимии могут возникать новые, дочерние патронимии, а патронимия вообще может быть

меньшей или большей, сложной, состоящей сама из патронимий. С другой стороны, патронимия, разросшись, может также делиться на части, сегментироваться таким порядком, что патронимия, состоящая, например, из десяти больших семей, может разделиться на две патронимии по пять семей, либо — одну из трех семей, другую — из семи семей и пр.

В результате, патронимический строй может образовывать довольно сложную структуру. Видимо, естественная убыль людей, с одной стороны, и какие-то организующие силы, с другой — ставят пределы и вводят некую систему в образование патронимической сетки.

Четкую картину представляет племенная структура динарских сербов, как ее описывает Иован Ердельянович. Наименьшую ячейку составляет семейная община, именуемая различно: *породица*, *дом*, *фамилия*, *огнище*, *дым*, *верига*. Меньшее или большее число этих больших семей, родственных между собой, образуют группу, именуемую *род*, *куча* или *близика*. Меньшее или большее число таких группировок составляет *братство*. Наконец, некоторое число братств составляет *племя*⁸.

Обращают на себя внимание следующие особенности приведенных терминов: здесь, во-первых, одна и та же форма, в частности задруга, обозначается разными терминами, во-вторых, один и тот же термин может обозначать разные родственные коллективы. Таковы, например, «куча», «фамилия», «братство», даже «племя».

Следующая общественная структура выявляется у арабов-кочевников. Она состоит из ряда звеньев, обозначаемых у разных племен различными терминами. Вслед за семей, большой или малой, идут: 1) патронимия, обозначаемая *байт*, *ахль*, *айла* и др. терминами; 2) более широкая родственная группа — *ашира*, *хамула*, *ахль*, *ааль*, *фахд*, *самия*; 3) еще более широкая группа — *ашира*; 4) группа, которую можно назвать племенем — *била*, *ашира*, *джамаа*, *бадида*⁹. И здесь обращают на себя внимание те же черты терминологии.

Аналогичная довольно четкая такого же порядка структура обнаруживается, согласно исследованиям

⁸ И. Ердельянович. Неке прте формирању племена код динарских срба. «Гласник Географског друштва», 5 [Београд], 1921.

⁹ А. И. Першиц. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в. М., 1961, стр. 69—71.

К. И. Козловой, в прошлом мари. Патронимия именуется у них *урмат* (от *урлык* — «семья»), *кюмуж*, либо *насыл* (арабск.); иногда употребляется также распространенный иранский термин *тохум*. Более широкий патронимический круг, охватывающий до пяти родственных сел, составляет *дик*, еще больший круг, включающий до двадцати сел — *тэве*.

Сложная патронимическая структура, примеры которой мы привели, остается все же по существу неисследованной. Мы лишь условно предлагаем обозначать меньшие и большие, сложные патронимии как патронимии первого и второго порядка.

Патронимия была на всем протяжении своего существования, вплоть до ее глубокого распада, естественным и необходимым образом связана с определенной территорией и представляла собой, следовательно, в известном смысле территориальную общину.

Патронимия в архаическом прошлом, по-видимому, всегда составляла отдельное поселение, какого бы размера оно ни было. Древние постоянные поселения были, таким образом, поселениями чисто родственными по своему составу. Такой тип поселения был, так сказать, естественным для патриархально-родового строя на данном этапе его развития, при данном уровне его производительных сил, причем размер патронимической группы, ее численность, были достаточными или вполне соответствовали существующим условиям хозяйствования.

Патронимические поселки составляли в прошлом в некоторых странах и местностях — в недавнем прошлом, широко распространенную форму поселения. Иногда мы их встречаем даже в настоящем. Такие патронимические поселки были широко распространены в различных местностях древней Руси в виде поселков, состоявших из весьма небольшого числа дворов.

Выше, в очерке истории исследования семейной общины, мы коснулись вопроса о так называемых «однودворных деревнях», т. е. поселках, состоявших из одной семьи, и мы еще раз останавливаемся на этом вопросе ниже, в главе «Северорусское печище, украинские сябры и белорусское дворище». Отметим и здесь, что мы не исключаем возможности и действительного существования таких односемейных хуторов, однако как явления специфического и во всяком случае позднего. Между про-

чим, такие односемейные хутора встречались до недавнего времени в некоторых странах, встречаются и до наших дней, например в Болгарии. Но в преобладающем своем большинстве все извлекаемые из русских источников примеры «однودворок» на самом деле говорят о поселках, состоящих не из одного, а из нескольких дворов, и представляют собой, по нашему мнению, патронимии.

Наряду с компактными патронимическими поселениями мог существовать и существовал в качестве результата расширения и разветвления патронимий тип сельского поселения, состоящего из нескольких патронимических и вместе с тем родственных между собой поселков, представляя собой таким образом поселение большой патронимии.

Такой именно тип поселения нашел М. В. Витов, исследуя данные о старинных, восходящих к XVI—XVIII вв. сельских поселениях на русском Севере¹⁰. «Северные деревни,— пишет М. В. Витов,— в том числе и однودворные деревни («дворы-деревни»), редко стоят в одиночку. Обычно по соседству с ними расположено еще несколько таких же деревень. Все вместе они образуют группу, гнездо». Обратившись к изучению относящихся к данному явлению исторических источников, автор нашел, что такие группы деревень имели общие названия, часто с патронимическими окончаниями, и по целому ряду иных показателей представляли собой, как пишет М. В. Витов, патронимии.

Совершенно аналогична этой северорусской форме поселения форма, существовавшая в Центральной России. Говоря о типе сельских поселений, существовавших в Замосковском крае в XVII в., и отметив, что здесь в виде исключения встречается термин *печище*, Ю. В. Готье писал: «В Ржевском уезде был, по-видимому, распространен тип селений, разбросанных по частям, но составлявших почему-то (почему — мы теперь знаем! — М. К.) одно целое и сохранявших связь между отдельными своими частями: деревня «стоит на двое»; селцо Старое «стоит на семеро», иначе, имеет 7 выставок или выселков; в одном месте находим такое объяснение

¹⁰ М. В. Витов. Гнездовой тип расселения на русском Севере и его происхождение. СЭ, 1955, 1; см.: его же. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII веков. Из истории сельских поселений. М., 1962, стр. 165—171.

занимающего нас термина (т. е. *печища*.— М. К.): «за Фомою за Осипом Корочинским старое его поместье пустошь Жарья Лука у озера у Сабра стояла на трое на одном печище»¹¹.

Итак, наряду с формой поселения, состоящего из одного компактного патронимического поселка, существовало поселение, состоявшее из нескольких родственных между собой патронимических поселков, которые имели общие интересы, были связаны хозяйственной и иной общностью, но все же оставались территориально так или иначе раздельными.

Более сложный и, видимо, более поздний тип представляет собой поселение, единое и довольно компактное, однако отчетливым образом делящееся на отдельные части. Такие селения могли образоваться путем *сближения и соединения* отдельных патронимических поселков, родственных между собой, а впоследствии — и не родственных. Причины такого соединения и образования единого поселения могли быть различными. Во всяком случае существуют живые, относящиеся к сравнительно недавнему прошлому свидетельства образования такого поселения из сблизившихся и соединившихся поселков.

В результате, данный тип поселения представляет собой соединение меньшего или большего числа отдельных частей, поселков, «куч», «гнезд», «кварталов» и пр. Сюда относится так называемый кучевой, или гнездовой, тип поселения. В ряде случаев эти патронимические «кучи», или «кварталы» и пр., не однородны, а состоят в свою очередь из мелких, тоже патронимических, групп, иначе говоря, данный квартал представляет собой большую, сложную патронимию.

Примеров описанного типа поселений можно привести немало.

Довольно широко распространен данный тип сельских поселений в некоторых местностях Болгарии. Селение состоит здесь из отдельных поселков, числом начиная от двух-трех и доходя до 60 и больше. Эти поселки — *махали* (от арабск. *махалля* — «стойбище, «поселение») состоят из некоторого числа *куц* — «домов»

¹¹ Ю. В. Готье. Замосковский край в XVII в. Изд. 2. М., 1937, стр. 53—54.

или домохозяйств, большей частью — от трех до 12. И в одних местах весьма нередко, в других — реже, эти махали состоят из родственных семей и носят чисто патронимические названия, представляя собой не что иное как патронимии в том или ином своем состоянии. Патронимические названия отдельных махали имеют иногда особо характерную форму: «Дедо Иовчова махала», «Дедо Стоянови махала», «Дедо Митрева махала» и т. д.¹²

Весьма выразительный пример того же типа болгарских селений дает местность Вакарел, находящаяся в 40 км от Софии. Она состоит из 20 сел и поселков, жители которых все в целом еще недавно называли себя *вакарелцы* и образовывали единую общину. Все вакарельские селения делились на родственные группы, состоявшие из двух — семи, редко больше, домов, причем обитатели этих домов носили общее патронимическое имя, с окончанием на *овци*, *ийци*, *анци* и пр. Местные жители обозначают эти группы словом *род*, либо турецким (тюркским) словом *кьѳк* («корень»), или же словом *котма* (вероятно, тоже тюркское, в основном значении «жилище»)¹³.

Наряду с указанием на родственные поселки в литературе общим образом отмечалось наличие в Болгарии группировок, состоящих из некоторого числа связанных между собой родственных семей. Недавно на такие группировки обратила внимание болгарский этнограф Райна Пешева¹⁴. Эти группы родственных семей образуют отдельные *махали* и обозначаются выражениями:

¹² См., например: И. Захариев. Каменица. Географско-этнографско изучване. «Сборник за народни умотворения и народопис», 40 [София], 1935, стр. 266, 267, 273, 295, 337, 338 и др.; в другой аналогичной работе того же исследователя — «Пиянец». Там же, 45, 1949 — указания на чисто родственный состав махали встречаются гораздо реже, как и гораздо меньше примеров патронимических названий: очевидно, для этой местности описываемое нами явление не характерно.

¹³ Г. С. Гунчевъ. Вакарелъ. Антропогеографиски проучвания («Годишникъ на Софийския университетъ. Историко-филологически факултетъ», XXIX, 8). София, 1933, стр. 102—109.

¹⁴ Р. Пешева. Семейството и семейно-родственните отношения в Средна Западна България. В кн.: «Комплексни научни експедиции в Западна България. Доклади и материали». София, 1961, стр. 526 и сл.

«ние сме от една къща», «една кръв» или «един корен», в некоторых местностях — термином *братство*. Сославшись на наши работы, Р. Пешева правильно отождествила данную группировку с патронимией.

Аналогичные вышеописанным формы поселений наблюдаются у сербов и хорватов. В некоторых местностях Югославии до сего времени села распадаются на несколько частей, представляющих собой нечто вроде отдельных поселков или хуторов, которые носят имя старейшей семьи данного поселка. Такие части села иногда, в особенности в горных, скотоводческих районах страны, называются как у сербов, так и у хорватов, *катун*¹⁵. Тот же термин в том же употреблении встречается и у болгар.

Совершенно аналогичным образом средневековые сельские поселения в Молдавии состояли из частей, представлявших собой, как это установил молдавский ученый П. П. Бырня, патронимии. Такая часть селения называлась в Молдавии *кут*, иногда — *катун*¹⁶. П. П. Бырня нашел также следы весьма интересного деления молдавских сел на части по старикам или предкам, так называемым *батырям*, причем этими частями владели сородичи — потомки данных батырьнов¹⁷.

С течением времени эти патронимические части селения утрачивают свою обособленность, притом в такой мере, что различие их требует специального исследования. Отсюда неопределенность и неуверенность некоторых сюда относящихся описаний. Такова, например, следующая характеристика татарских поселков у Н. И. Воробьева. Эти поселки, пишет автор, — «представляли собой несколько куч усадеб, которые между собой были связаны очень тесно, а с другими такими же кучами значительно слабее. Получались отдельные концы, на которые распадался поселок... Нередко при таком распадении на концы замечалась большая близость хозяйств одного конца, чем между хозяйствами отдельных

¹⁵ См., например: N. F. Pavković. Selo i zadruga. В кн.: «Etnološka i folkloristička ispitivanja v Livanjskom polju», с предисловием Шпиро Кулишича — «Glasnik Zemaljskog muzeja u Sarajevu, Etnologija», Nova serija, XV—XVII, 1960—1961.

¹⁶ П. П. Бырня. Кут — древний тип сельского поселения на территории Молдавии. «Известия Молдавского филиала Академии наук СССР», 5 (83), 1961.

¹⁷ Личное сообщение П. П. Бырня.

групп, и каждый конец до известной степени жил как бы отдельно... По-видимому, здесь мы наблюдаем пережиток той эпохи, когда у татар еще не совсем был утерян родовой строй и наблюдалось совместное поселение родственных семей»¹⁸. Несколько более определенно пишет о тех же казанских татарах В. Е. Егерев: «Отдельные гнезда по-видимому составлялись и заселялись членами одного рода; по крайней мере по дворовым спискам можно проследить, что большинство хозяев построек одного и того же гнезда часто носят одинаковую фамилию»¹⁹.

Существует одна особенность вышеописанного разделения селений на кварталы, а именно то, что число таких кварталов часто бывает четным: два или четыре. Данное явление довольно хорошо представлено на Кавказе, в особенности в Дагестане. Оно описано нами в нижеследующем очерке «Патронимия на Кавказе». Весьма любопытным образом указанное явление, по-видимому, проступает в материалах, приводимых П. П. Бырня в его исследовании средневековых поселений Молдавии. Мы находим здесь повторяющиеся при упоминании о том или ином селе выражения: «оба кута» и «четвертая часть села». Встречаются, правда, и указания на село, состоящее, видимо, из трех кутов («уси три кута»), но особая оговорка в одном случае: «третий кут, где были греки из Дэрмэнешть», показывает, что этот третий кут состоял, очевидно, из чужого, пришлого, населения²⁰.

Указанное явление еще ожидает своего освещения новым материалом и своего исследования.

Патронимия существует или существовала естественным образом не только у оседлых, но и у кочевых и полукочевых народов, представляя собой здесь группу родственных семей, имеющих общие места кочевания и совместно кочующих.

Типические кочевые патронимии представляют собой, например, монгольские *улусы*, как их характеризует М. В. Певцов. «Их подвижные поселения,— писал Певцов,— состоящие из нескольких войлочных юрт, называются *улусами*. На всем длинном пути по Монголии

¹⁸ Н. И. Воробьев. Казанские татары. Этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода. Казань, 1953, стр. 140.

¹⁹ В. Е. Егерев. Самобытное расселение народностей Казанского края. «Вестник Научного общества татароведения», 1928, 8.

²⁰ П. П. Бырня. Указ. соч.

(около 5.000 верст) мы нигде не встречали больших улусов: величина их колеблется от 5 до 8 юрт и редко от 8 до 12... Малолюдность монгольских улусов объясняется отчасти недостатком обширных, привольных пастбищ, отчасти родственными отношениями, лежащими в основе общежития монголов, поселения которых составляются преимущественно из юрт близких родственников. Привыкнув кочевать рассеянно, монголы и на тучных пастбищах, встречающихся изредка в их стране и способных питать многочисленные стада, не селятся сплошь большими улусами, а разбиваются на незначительные группы (из 4—8 юрт), отстоящие иногда в полуверсте одна от другой»²¹.

Не что иное, как осевший улус представляет следующее описание бурят. Их основной общественной ячейкой был *улус*, состоявший из нескольких жилых юрт с общими для всех хозяйственными постройками. Одну из юрт занимал старший — старик со своей женой, иногда с какими-нибудь сиротами-родственниками. В стоявших рядом других юртах жили сыновья старика с женами и детьми. Каждый женатый сын имел свою юрту. Буряты часто строили юрты своим сыновьям, когда тем было еще только 12 или даже 6 лет. Все юрты были окружены общей загородью. Весь этот родственный улус имел общие пашни, сенокосы, общий скот. Все члены улуса работали сообща. Иногда даже они и обедали вместе. Вообще, как пишет автор этого показания, при всякой «жаренине», т. е. когда жарилась мясная туша, при всяком сборе гостей, собирался весь улус. В сравнительной близости, в другой подобной загороди, жили ближайшие родственники главы первого улуса, например, его братья со своими индивидуальными семьями, представляя собой такую же группу юрт, так же расположенную, с теми же внутренними отношениями. В более отдаленных загородах жили более отдаленные родственники, которые назывались уже соседями. Все вместе такие улусы составляли, как пишет тот же автор, *род*, а несколько, например пять, родов составляли некую «федерацию»²².

²¹ М. В. Певцов. Путешествие по Китаю и Монголии. М., 1951, стр. 109—110.

²² А. Шапов. Бурятская улусная родовая община. «Известия Сибирского отдела Русского географического общества», V, 3, 1875; перепечатано в книге: А. Шапов. Собр. соч., дополнительный том. Иркутск, 1937, стр. 199.

Как бы недостаточны и несовершенны, с нашей точки зрения, ни были вышеприведенные данные о бурятах, мы без колебаний можем констатировать и здесь неоспоримые указания на патронимию.

Как было упомянуто, патронимия имеет свое наименование, или имя, представляющее собой производное от собственного имени ее предка. Такие патронимические наименования свойственны многим языкам. В славянских языках это имена с окончаниями на *ичи*, *овичи* и др. (Уветичи, Обреновичи, Васильковичи и пр.), таковы же имена с окончаниями: греч.— *ides* (Peleides), лат.— *ani* (Aemiliani), англо-герм.— *ing, ung*, переходящее в *ingen, ungen* (Volsung, Solingen), скандинавск.— *sön* (Nilsön), древне-русс.— *та* (Путята), груз.— *швили, дзе* (Рамисвили, Харадзе), абхаз.— *ипа* (Инал-ипа), адыг.— *ко* (Хатокшоко), арм.— *ьянц* или *ян* (Карапетян), тюрск.— *ушагы* (Гасан-ушагы), для единственного числа — *оглу, оглы*, проникшее в новогреческий язык в виде *уло* (Попандопуло), иран.— *заде* (Джафар-заде), осетинск.— *фырта*, в сокращенном виде *та* (Санакота), удмуртск.— *пи* или *пи-õс* (Гама-пи-õс) и т. д. В шотландском языке то же значение имеет приставка *мак* (Мак Дональд), в ирландском — *о* (О'Конор).

Все эти окончания и приставки означают не что иное как «сыновья» или «дети».

Патронимическое наименование как обозначение определенной родственной группы естественным образом становится названием места, данной группой населенного, — *топонимией*. Такие патронимические топонимии в свою очередь широко распространены. Обзор германских патронимий, обратившихся в топонимии, дает Энгельс во «Франкском диалекте»²³.

²³ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 536, 538. Ф. Клуге в специальной работе (F. Kluge. Sippensiedlungen und Sippennamen. «Vierteljahrschrift für Social-und Wirtschaftsgeschichte», 6, 1908, 1) выступил, применительно к германскому прошлому, с утверждением, что нет никаких лингвистических оснований для «теории родовых поселений», что названия местностей с окончанием на *ingen, ungen* и пр. во многих случаях вовсе не означают родства, а суффикс этот — не обязательно имеет родственное содержание, являясь суффиксом принадлежности, что родство и происхождение он обозначает редко и только для аристократических родов, что, наконец, нельзя всегда по топонимиям с патронимическими окончаниями предполагать родовые поселения. Конечно, в отдельных случаях одного патронимического окончания не достаточно для утверждения родового

Топонимии с течением времени теряют свой патронимический характер и превращаются в обыкновенные по своему внешнему виду названия местностей. Замечательные иллюстрации этого превращения приводит К. В. Чистов в отношении Олонецкого края. Местные патронимические названия Каргачевы, Лисицыны, Жаркие, Скорнины превращаются в названия деревень: Каргачево, Лисицыно, Жаркое, Скорнино. «В Кузаранде,— пишет К. В. Чистов,— до сих пор (т. е. до середины XX в.—М. К. не говорят «д. Каргачево», а просто «Каргачевы», не в «д. Каргачеве», а «у Каргачевых», «у Лисицыных», «у Жарких», «у Скорниных» и т. д. Даже о деревнях Юсова Гора и Беляева Гора говорят «у Юсовых», «у Беляевых», «к Юсовым», «к Беляевым» и т. д.» Это превращение патронимий и одновременно топонимий «подтверждается,— пишет далее К. В. Чистов,— упоминаниями современных названий деревень (таких фамилий внутри деревень теперь нет) в качестве фамилий в юридических документах прошлого, например: в дозорной книге Обонежской пятины... в записи 1620 г. упоминается «двор государева Кузарандские волости Киприана Карагачева»²⁴.

3

Хозяйственное единство патронимии заключалось в основном в том, что она коллективно владела и пользовалась своей землей. Владения эти состояли из усадьбы, пахоты, сенокоса, выгона, леса; сюда могли входить также различные угодья, в том числе рыболовные.

Мы не знаем, каковы были формы землевладения и землепользования в начальной фазе существования патронимии. В том состоянии, которое нам известно из источников, каждая семья патронимии владеет отдельно своей усадебной землей. Такой усадебный участок либо подлежит периодическому переделу в зависимости от изменения размеров семьи, что, надо думать, составляет

происхождения данного населенного места и происхождение этого окончания может быть иным, однако скептицизм Клуге никак не может опровергнуть общего, достаточно обоснованного многими данными исторического тезиса.

²⁴ К. В. Чистов. Народная поэтесса И. А. Федосова. Петро- заводск, 1955, стр. 232, прим. 3.

весьма архаический и скорее давно исчезнувший порядок, либо закреплен уже навечно за данной семьей в качестве ее семейной *отдельной* собственности. Все участки семей-дворов патронимии архаически — смежны, подчас перемежаются дворами других патронимий, в позднейшие времена оказываются разбросанными по всему селу.

Пахотная земля, сенокос и выгон архаически составляли коллективную нераздельную собственность всей патронимии. С течением времени эти земли делятся по семьям, в первую очередь — пахотная земля, затем сенокосы и выгоны. Дольше всего остается в коллективном владении лес, что совершенно естественно с хозяйственной точки зрения. Только в глубоком распаде патронимии лес, да и то лишь иногда, делится по семьям²⁵.

В архаические времена, когда земли было достаточно, если патронимия разрасталась и земли у нее становилось мало, патронимия расчищала новые участки земли. В позднейшие времена вводятся переделы земли. Отдельные виды земли, эксплуатируемой патронимией, время от времени, преимущественно периодически, переделываются в зависимости от изменения размеров патронимии. Наряду с тем внутри патронимии земли, находящиеся во владении отдельных семей, за исключением земли усадебной, также переделываются в зависимости от изменения размеров семей. При этом отдельные участки земли остаются в общем нераздельном владении всей патронимии, используя на различные нужды, на случай какого-либо несчастья, для помощи семье, впавшей в нужду, для культовых целей. Дольше всего в общем владении патронимии остаются различные угодья, в особенности такие виды угодий, которые не могут быть разделены, например, при известных условиях, рыболовные места.

И на данной стадии, если земли не хватает, производится коллективно расчистка новой земли, и таковая входит в общий фонд, распределяемый по семьям.

Когда земля, в частности пахотная, разделена по дворам-семьям, участки дворов одной патронимии весьма часто оказываются смежными, так что вместе взятые они составляют одну площадь. Это обстоятельство яв-

²⁵ См. в нижеследующей главе «Патронимия у народов Кавказа» подробное описание перехода различных видов земли из коллективного патронимического владения в частносемейное.

ляется одним из признаков былой общности всей земли патронимии. Более позднее состояние выражается в том, что участки отдельных семей патронимии чресполосны.

История эксплуатации земель патронимии отражает историю патронимического землевладения. Архаически вся земля патронимии, в частности пахотная, сенокос и пр., обрабатывается коллективно, урожай, скошенное сено собирается сообща и распределяется по семьям. Основой распределения вначале служит число едоков в семьях, распределение по числу рабочих рук — более поздний порядок.

Не приходится говорить, что поскольку в коллективном владении патронимии находится земля, общими остаются и все орудия обработки земли или вообще сельскохозяйственного производства. Даже тогда, когда пашня оказывается разделенной по семьям, иногда остаются в общепатронимическом владении сохи и плуги.

В коллективной собственности патронимии находятся фруктовый сад, пашека, мельница, печь для сушки зерна и выпечки хлеба, колодезь и пр. С разделением эксплуатируемой земли по семьям все эти объекты надолго остаются в общем владении и пользовании, причем уход за ними ведется либо коллективно, либо особо избранными лицами.

Что касается скота, то ясно, что при коллективной собственности на землю рабочий скот не мог не быть в коллективном же владении и пользовании. То же относится и вообще к домашнему скоту. Свидетельством этого являются общие для всей патронимии помещения для скота, находившиеся, как это отражено в археологических памятниках и в этнографических описаниях, отдельно от жилых помещений, на краю селения. Об этом же свидетельствуют патронимические метки для скота — тамги. Пережитки коллективного владения скотом сохраняются и при далеко зашедшем хозяйственном разделении патронимии по семьям.

Наряду с коллективизмом производственным потребление в патронимии всегда было посемейным. Только в торжественных случаях общепатронимических празднеств вся патронимия собиралась за общим столом, в общей трапезе.

Важным, стойко сохраняющимся пережитком хозяйственной общности патронимии является взаимопо-

мощь семей патронимии в самых разнообразных формах, в частности — при уборке урожая, сооружении жилища и пр. Взаимопомощь проявляется в особенности в случаях особой нужды, несчастья, пожара, повальной болезни, падежа скота. При этом члены данной патронимии помогают в первую очередь, и нередко обязательным образом, другие, более дальние родственники — во вторую очередь и необязательно.

С течением времени эта так называемая родовая взаимопомощь проникается классовыми чертами и вырождается, превращаясь в прикрытую якобы родственными отношениями эксплуатацию бедных родственников богатыми.

Принадлежа к патриархально-родовому этапу истории первобытного общества, патронимия уже с начала своего существования испытывает влияние распада первобытнообщинных начал, в том числе возникновения частной собственности. Таким образом, наряду с сохранением элементов коллективного владения, в патронимии неудержимо идет развитие частной собственности. Создается ее дуализм. Субъектом частной собственности является и на данном этапе стойко остается отдельная семья патронимии, объектом — в первую очередь усадьба земля. С течением времени в частную собственность переходят и другие виды земли и недвижимости. Процесс этот продолжается и углубляется вплоть до того момента, когда патронимия в целом приходит к своему окончательному распаду, когда распадается также большая семья, а выразительницей и носительницей частной собственности становится отдельная *малая семья*.

Общественное единство патронимии выражалось прежде всего в том, что она была целиком локализована, занимая либо отдельное селение, либо определенную часть селения, квартал, либо группу поселков. Патронимия имела свои органы управления в виде общего собрания и общего главы. Последним был обычно глава старшей в патронимии семьи. При наличии нескольких родственных патронимий одна из них считалась старшей, обладая некоторыми преимуществами и известным авторитетом. Самое действенное значение имела солидарность всех семей и всех членов патронимии в их внешних отношениях, в частности в случае какого-либо посягательства на одну из семей или одного из чле-

нов данной патронимии. Это сказывалось в практике кровной мести и уголовных выкупов.

Патронимия по общему правилу была экзогамной, т. е. брак между членами одной патронимии не допускался. У некоторых народов, например у арабов, у отдельных народов Дагестана, патронимия была, наоборот, эндогамна. Явление патронимической эндогамии еще не получило удовлетворительного объяснения.

Общественное единство патронимии сказывалось в гостеприимстве. Гость считался как бы гостем всей патронимии. У некоторых народов патронимия имела один общий дом, который представлял собой так называемый «мужской дом» и одновременно служил общим домом для приема гостей. Когда патронимия превратилась в квартал, этот дом сделался общеквартальным домом. Такие патронимические квартальные дома для приема гостей известны были у ягнобцев под названием *михмон-хона*²⁶.

Патронимия составляла военную единицу.

С развитием и распадом родового строя и все углублявшимся проникновением в него классовых отношений в больших или сложных патронимиях развивалось общественно-экономическое расслоение, в них выделялись богатые семьи, возникали классовые противоречия и антагонизмы, патронимия делалась ареной классовой борьбы, отслаивалась ее социально-экономическая верхушка²⁷. Все это окончательно разрушало патронимию как особую общественно-историческую форму.

Общественное, а вместе с тем и хозяйственное единство патронимии особо поддерживалось двумя присущими ей юридическими институтами. Таковы право предпочтительной покупки и право родового выкупа.

Право предпочтительной покупки, известное еще римскому праву под названием *jus preemptionis*, состоит в том, что если кто-либо из членов патронимии продает лично ему принадлежащее имущество, то предпочтительно перед всеми другими право приобрести это имущество

²⁶ См.: А. Н. Кондауров. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. М.—Л., 1940.

²⁷ Эти явления описаны нами в частности для удмуртов; см.: М. О. Косвен. Распад родового строя у удмуртов. «Ученые записки научно-исследовательского Института народов Советского Востока», вып. II. М., 1931.

во, при прочих равных условиях, имеет член той же патронимии, притом с соблюдением права старшинства. Поэтому продажа патронимического имущества должна совершаться открыто и публично, с предварительным о том оповещением и пр.

Право родового выкупа состоит в том, что в случае, если патронимическое имущество было продано не члену данной патронимии, то член патронимии имеет право это имущество выкупить.

Указанные права распространялись только на имущество, искони принадлежавшее данной патронимии, составлявшее ее наследственное, «родовое», владение, славянскую *племенщину, бащину, дедину, вотчину* или *отчину*, а не на имущество вновь приобретенное.

Не трудно понять, что целью обоих институтов является сохранение за данной патронимией ее родового имущества, тем самым и сохранение самой патронимии²⁸.

Идеологическое единство патронимии выражалось и поддерживалось прежде всего хранимым всеми членами патронимии отчетливым сознанием единства своего происхождения и, следовательно, родства. Здесь вновь находили свой источник солидарность патронимии, взаимная защита и взаимная помощь ее членов. Отчетливым выражением идеологического единства патронимии было ее имя, представлявшее собой дериват собственного имени предка, положившего основание данной патронимии, т. е. собственного имени главы семьи, разделение которой дало начало этой патронимии. Имя это было всегда исторически реальным. Важнейшую роль в сохранении идеологической связи патронимии и в поддержании ее общественной значимости играла тщательно хранимая родословная, доходившая подчас до 20 и более поколений.

Идеологическое единство патронимии выражалось в участии всех ее членов в общих празднествах, равно как и во всех важных или торжественных случаях в жизни отдельных семей патронимии, в случаях рождения, свадьбы, похорон. Такое участие, с соответствующи-

²⁸ Названные два института вполне заслуживали бы обстоятельного специального исследования. Такового, насколько мы знаем, не существует. Можем указать лишь на краткую работу: J. Milić. *Porijeklo prava blizike na prvokup i otкуп nekretnina*. «Historijski zbornik», V [Zagreb], 1952, 3—4.

щими приношениями, было архаически обязательным для всех членов патронимии.

Патронимия имела своих общих духов-покровителей, свои отдельные места культа, находившиеся иногда на усадьбе старшего данной патронимии (у удмуртов), где время от времени совершались общепатронимические моления и коллективные жертвоприношения. Старший патронимии нередко играл роль ее культового главы, жреца. В Средней Азии патронимия имела своего *пира*. У южных славян каждая патронимия имела своего общего святого и свой общий праздник, «слава». Весьма стойкую черту патронимии составляло наличие отдельного кладбища либо (впоследствии) отдельного участка на общем кладбище.

4

Обращаемся к вопросам о взаимоотношениях патронимии и других архаических общественных форм.

Как было сказано, патронимия состоит из того или иного числа семей. Архаически это были большие семьи. С распадом большесемейного уклада в патронимии оказывались и малые семьи, так что патронимия могла состоять как из больших, так и из малых семей одновременно. Наконец, еще позже патронимия могла состоять только из малых семей. Иначе говоря, тогда как семейная община уже переставала существовать, патронимия еще продолжала держаться. Объяснение этого заключается в том, что в семейной общине начала частнособственническое и коллективистическое глубоко антагонистичны, в патронимии дуализм этих начал находит себе место в течение довольно долгого времени. В результате патронимия оказывается формой более устойчивой, чем большая семья. Поэтому-то мы и видим сплошь и рядом патронимии, состоящие не из больших, а из малых семей.

Архаически связь между семьями одной патронимии была чрезвычайно прочной, выражаясь во многих хозяйственных, общественных и идеологических формах и отношениях, а равно в известной подчиненности отдельных семей патронимии ее руководящей старшей семье, как и ее персональному главе. Процесс распада патронимии выражается в индивидуализации отдельных семей, становящихся независимыми и даже чуждыми одна другой.

Это в особенности углубляется с развитием классовых отношений.

Большие сложности представляет соотношение патронимии и рода. Реконструируя структуру патриархального общества, мы, говоря скорее теоретически, считаем, что родственные между собой патронимии образуют в совокупности патриархальный род.

Как нам уже приходилось отмечать²⁹, проблема рода остается и сложной, и трудной. Не имея возможности здесь на этой проблеме останавливаться, отметим только некоторые черты, относящиеся к вышепоставленному вопросу. Род, так сказать, классический, иначе говоря, род эпохи матриархата, т. е. материнский род, образует, как мы его себе представляем, определенную первобытную социально-экономическую общность, основанную на полном и совершенном господстве коллективистического начала, в частности коллективной собственности. С переходом к патриархату род начинает распадаться, что выражается в распаде обоих его основных начал: его общественно-экономического единства и его коллективизма. Патриархальный род, каким мы его знаем, уже не является единой общественной, а тем более хозяйственной группой, и то, что мы называем патриархальным родом, представляет собой скорее лишь выражение различных форм и отношений *родового строя*. В силу этого в результате всех существующих попыток дать определение рода остается единственно правильным и адекватным определение его как совокупности всех родственников, ведущих происхождение от общего предка. Между тем, патронимия представляет собой, как мы знаем, совершенно определенный, единый общественно-экономический коллектив.

Неправильность применения к существующим родственным группировкам термина *род* заставила уже давно в русской научной литературе предпочесть говорить не о «родах», а о *родственных группах*. Однако, по всей видимости, это были в действительности не что иное как патронимии.

Так или иначе, говоря об этом скорее теоретически, мы в известных случаях имеем основанием считать, что

²⁹ См. в частности очерк «Род». В кн.: М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961, стр. 22—26.

данная патронимия входит в состав данного рода, беря род в том смысле и понимании, каким мы его знаем.

Род, будучи принципиально выражением общинного начала, распадаясь, дает место в своих недрах, прежде всего в среде составляющих его семей, частной собственности. Однако начало коллективной собственности остается принципиальной принадлежностью рода и несовместимо с частной собственностью. Напротив, патронимия, как мы видели, стойко соединяет начала коллективистическое и частнособственническое.

Еще одна черта различия рода и патронимии. Если род сохраняет свое общее наименование, то таковое обычно легендарно и нередко имеет тотемический по своему происхождению характер. Патронимия в качестве наименования данной группы основана на реальном собственном имени действительного предка.

Еще более сложным, чем вопрос о патронимии и роде, представляется вопрос о связи патронимии и соседской общины. Последняя является формой исторически гораздо более поздней, чем патронимия, ее возникновение относится не к первобытному, а к раннеклассовому этапу развития общества. Возникновение соседской общины — вопрос сам по себе особо сложный, и мы можем здесь только сказать, что соседская община возникала далеко не единообразно, а в различных условиях и различными путями. Один из этих путей связан с распадом патронимии. Именно в тех поселениях, где соединялось несколько патронимий и где между ними возникали социально-экономические противоречия, возникала соединяющая и даже объединяющая их, а в известной мере и сглаживающая эти противоречия, новая общественная форма — соседская община. Где такие противоречия между патронимиями не обострялись, где необходимая общность в области землевладения и землепользования, в области иных общих интересов и в области управления удовлетворительным образом регулировались патронимическими органами, там особой соседской общины не возникало. И мы имеем немало примеров того, что при господстве патронимических отношений соседской общины вовсе не было.

Все эти обстоятельства, обуславливавшие возникновение соседской общины, вытеснявшей и сменявшей патронимические отношения, складывались в частности

и в особенности тогда, когда в силу общего процесса развития общества родственный состав и родственное единство поселений нарушались, особенно, когда в этих поселениях появлялись чужие — приселенцы.

Так или иначе, в условиях распада патронимического строя при известных обстоятельствах возникала соседская община. Не следует, однако, впадать в наивный эволюционизм, упрощенно считая, что соседская община развивается из патронимии. Прежде всего, обе эти формы принципиально различны: патронимия основана на родственном начале, соседская община — на начале территориальном, соседском. В патронимии, как бы она ни эволюционировала и ни подверглась распаду, основой совместного поселения и совместного владения землей остается начало родственное. В соседской общине, являющейся в основном формой владения и пользования землей, это владение и пользование основывается на начале территориальном, соседском и ничего общего не имеет само по себе с отношениями родства.

Существенным образом сближает патронимию и соседскую общину с точки зрения социологической характерный для них обеих дуализм коллективного и частнособственнического начала. Поэтому обе эти формы обладают способностью к длительному сосуществованию и вместе с тем особой устойчивостью.

Соседская община по общему правилу совпадает с селом. Лишь в виде исключения в одном селе при известных условиях соединяются две соседские общины, вернее, два «мира». Столь же редки случаи, когда одна соседская община объединяет несколько сел. Патронимия, как мы знаем, иногда составляет отдельное селение, позже и чаще — часть селения. Отсюда патронимия является частью соседской общины. Но, как было сказано, принципы существования той и другой формы, в частности их землевладения и землепользования, остаются глубоко различными, различны и формы управления обеих этих общин. Входящие в состав одной соседской общины патронимии имеют свои органы управления, в том числе свои отдельные сходы, соседская община имеет свой общий сход («мир», «джамаат»), своего главу и пр.

Как мы видели, патронимия играет определенную роль в возникновении соседской общины, и эта роль

должна быть учтена при исследовании этого старого, сложного и спорного вопроса. С другой стороны, пока патронимия сохраняется, она играет крупнейшую роль в соседской общине, во многом определяя ее облик и характер, ее внутренние отношения. Поэтому в свою очередь учет патронимического состава соседской общины весьма важен для правильной характеристики последней на разных этапах ее истории.

С течением времени патронимия теряет свою самостоятельность в соседской общине, сохраняется лишь в пережиточном виде и в конечном счете растворяется в этом чисто территориальном коллективе. Родственники превращаются в соседей.

Патронимия сыграла крупную общественно-историческую роль. Отметим особо ее роль в процессах колонизации. В русской литературе указывалось (А. Я. Ефименко, И. В. Лучицкий), что колонизация совершалась либо одиночками, либо семьями, притом как малыми, так и большими, создававшими на новых местах однодворные поселки. Этого тезиса отрицать не приходится. Следует только указать, что такие формы освоения новых земель надо относить к сравнительно поздним эпохам истории. Что касается миграций более ранних времен, то надо думать, что такие передвижения происходили крупными человеческими группами, притом родственными, в частности патронимиями.

Но следы того, что колонизация совершалась как большими семьями, так и целыми патронимиями, установил для Украины тот же И. В. Лучицкий. Место и роль патронимий в освоении новых земель были тем более обусловлены, когда большие семьи уже распадались, а патронимии держались более устойчиво.

Наконец, знаменательно, что и тогда, когда колонизация совершалась малыми семьями, они на новых местах обычно разрастались в большие семьи, а последние — в патронимии. Действительно, в суровых условиях борьбы за новые места и освоения большей частью девственной земли, требовался коллектив больший по своему размеру, чем семья, даже большая семья.

Итак, патронимия является архаической общественной формой, сохраняющейся особо стойко по сравнению с другими, принадлежащими далекому прошлому историческими формами, а именно родом, семейной общиной

и соседской общиной. Поэтому в некоторых местностях СССР, в частности на Кавказе, в Средней Азии, даже с полным исчезновением соседской общины, пережиточно удерживались патронимии.

С распадом патронимии сохраняется ряд ее специфических пережитков.

Основной пережиточной формой патронимии является то обстоятельство, что круг лиц, составляющих патронимию, т. е. близких родственников, с полным распадом патронимии как общины, остается определенной юридической категорией, ограниченным кругом действия права родства, обладающим все же определенными правами и обязанностями и связанным, в частности, круговой порукой.

Пока сохраняется месть, родственники в пределах былой патронимии остаются кругом, обладающим правом мщения и одновременно являющимся допустимым объектом мести. С заменой мести композицией патронимии остается кругом обязанных и управомоченных по ее уплате и получению. При господстве патронимического строя это относится ко всей патронимии, с индивидуализацией большой семьи она является в этом отношении основным субъектом, а круг патронимии — лишь дополнительным к большой семье. Эту последнюю форму очень отчетливо показал А. Я. Гуревич на материале норвежского судебного Фростатинга⁸⁰.

Важнейшее значение имеет патронимическое родство в области наследования. Именно этот круг составляет в старых системах права круг законных наследников, в частности тех лиц, которые наследуют по закону во вторую очередь после самых близких родных, охватываемых большой семьей. Таковы, например, нормы одного из ранних законодательных выражений наследственного права — древнеримского кодекса двенадцати таблиц; здесь устанавливалось три круга наследников по закону: 1) *sui heredes*, «свои наследники» — члены большой семьи, 2) *agnati proximi*, «близкие родные по отцовской линии» — члены патронимии и 3) *gentiles*, «родичи», т. е. более дальние родственники. Этот же патронимический круг составляет известную ряду правовых систем особую

⁸⁰ А. Я. Гуревич. Большая семья в северо-западной Норвегии в раннее средневековье (по судебнику Фростатинга). Сборник «Средние века», VIII, 1956.

категорию так называемого необходимого наследования, т. е. категорию лиц, наследующих обязательным образом, независимо от воли наследователя.

В качестве пережитка патронимии особо стойко сохраняются и действуют упоминавшиеся нами права предпочтительной покупки и родового выкупа. Весьма важно подчеркнуть, что эти права сохраняются только за родственниками и не переходят на какую-либо иную категорию лиц, могущих быть заинтересованными, в частности на соседей. Говоря выше об этих институтах, мы отметили, что они существуют в интересах сохранения патронимии. Поэтому-то данные институты не переходят на соседей и не получают места в соседской общине. То же самое относится к наследованию по закону и необходимому наследованию. То и другое в свою очередь остается нормой права родового и ни в коем случае не относится к соседям. Кстати сказать, все эти институты могут служить одним из признаков различения патронимии и соседской общины; иначе говоря, только данных институтов достаточно для того, чтобы видеть патронимию, а не соседскую общину.

Иная судьба другого института обычного родового права — круговой ответственности, или круговой поруки. Этот архаический порядок использует в своих интересах государственная и помещичья власть в области уголовной, а также фискально-налоговой ответственности и переносит его взамен ослабевшей или распавшейся патронимии на соседскую общину или на село в целом. В таком случае, однако, норма эта уже не имеет никакого отношения к родовому обычному праву, а является нормой чисто административной, обусловленной слабостью на данной стадии публичной власти. Именно в таком качестве порядок круговой поруки отражен в ряде древнеславянских кодексов ³¹.

Как было упомянуто, члены одной патронимии превращаются в соседей. Существует особое *право соседства*, остающееся, к сожалению, совершенно неисследованным. Право это имеет некоторые отживающие чисто патронимические черты. Характерны, прежде всего, самые термины. Согласно ценному указанию К. В. Чисто-

³¹ См.: И. М. Собестианский. Круговая порука у древних славян по древним памятникам их законодательства. Изд. 2, исправленное и дополненное. Харьков, 1888.

ва, термин *суседи* на русском Севере обозначал именно членов патронимии. Такое же значение имел тем более термин *суседи спорядовые*³². В своей этимологии *сосед*, по-видимому, вовсе не восходит к *су-сидеть*, т. е. «вместе сидеть», а имеет совершенно иное, правда трудно определимое происхождение. Восточнославянский термин *сябѣр, сябр, шабр*, означающий в своем позднем понимании «соседа», в прежнем, иногда и сейчас бытующем употреблении означает члена общины, товарища, родственника. Так, по Срезневскому, древнерусское *сябѣръ* — скорее «член одной общины»; ср. также литов. *sebras* — «участник». В белорусском языке *сябр* — «родственник», «друг», «товарищ». В валдайско-переяславском районе *шабер*, по Далю, — «семья», «дым», «двор». Мы можем видеть, таким образом, в приведенном сейчас материале, как термины, обозначающие принадлежность родственную, превращаются в обозначение соседства.

В свою очередь пережитки патронимических представлений склонны мы видеть в следующих явлениях. «Ближайший сосед, — пишет Н. И. Воробьев о казанских татарах, — пользовался большим правом и уважением, чем даже родственник, но живущий вдали. Например, на торжественный праздничный обед соседи приглашались всегда, даже если отношения между ними и хозяевами были далеко не дружественными». Отношения эти, замечает Воробьев, входили в понятие *курте хаки* — «права соседства»³³. Совершенно созвучна русская пословица «Близкий сосед лучше дальней родни»; то же у кумыков: «Лучше близкий сосед, чем далеко живущий родственник»³⁴.

³² К. В. Чистов. Указ. соч., стр. 232, прим. 3.

³³ Н. И. Воробьев. Указ. соч., стр. 140; см. также: его же. Жилища и поселения казанских татар. «Вестник Научного общества татароведения», 4, 1926.

³⁴ Сообщено С. Ш. Гаджиевой.

III

ПАТРОНИМИЯ У ДРЕВНИХ ГЕРМАНЦЕВ

Термины *cognationes* у Цезаря и *propinquitates* у Тацита как обозначения патронимии древних германцев. Соотношение *gentes* и *cognationes*, роль этих группировок в землепользовании. Аналогия у чеченцев. Соотношение *familiae* и *propinquitates* у Тацита. Термин *propinqui* у Тацита. Черты германской патронимии. Отличие от семьи. Род у германцев в эпоху Тацита. Объяснение Энгельса.

Говоря об общественном строе древних германцев, Цезарь употребляет, между прочим, термин *cognationes*. Впоследствии, в свою очередь описывая германцев, Тацит употреблял термин *propinquitates*. Оба эти термина вызвали разнотолкования и не поддавались правильному переводу. Мы полагаем, что содержание этих терминов раскрывается предложенным нами понятием патронимии, причем такое понимание существенным образом уточняет представление о родовой структуре древнегерманского общества и заново освещает некоторые стороны их родových отношений.

Именно о патронимии, считаем мы, идет речь у Цезаря в знаменитом, составившем камень преткновения для переводчиков и комментаторов, месте, где говорится о ежегодном распределении или переделе земли *gentibus cognationibusque hominum qui tum una coierunt* (*De bello gallico*, VI, 22).

Gentes здесь — «роды», *cognationes* — «патронимии». Если после *gentes* Цезарь ставит еще один термин, значит речь идет еще об одной группе, помимо рода. Чтобы под *cognationes* Цезарь имел в виду какие-то родствен-

ные группы, большие, чем род, предположить нельзя, ибо если бы речь шла о племени, Цезарь употребил бы термин *civitas*, который он обычно употребляет для племен. Значит, речь идет о группах меньших, чем род. Если бы это была семья, Цезарь употребил бы, конечно, термин *familia*. Что *cognatio* у Цезаря не означает «семья», видно у него же и из другого места. Вожди эдуев, говоря об одном из своих правителей — Коте, аттестуют его как *antiquissima familia natum...et magnae cognationis*, — принадлежащего к стариннейшей семье и большой патронимии (*De bello gallico*, VII, 32), иначе говоря, здесь *familia* и *cognatio* — разные вещи. Остается предположить, что *cognatio* — группа, меньшая чем род, и большая, чем семья, т. е. не что иное, как патронимия. Термин *cognatio* означает в латинском языке «родство», притом близкое, родство по материнской линии¹, и в Риме не означал определенной родственной группы. Цезарь применил этот термин для обозначения того реального родственного и производственного коллектива, который он обнаружил у германцев наряду со знакомым ему родом, *gens*’ом, но меньшего размера.

Что касается той роли, в какой выступают в разбираемом тексте роды и патронимии, а именно их участия в распределении или переделе между ними земли, то такой именно порядок и практиковался в землепользовании в распаде родового строя: земля делилась по родам, затем — по патронимиям, далее иногда по семьям в пределах патронимий. Известен также практиковавшийся, например в русской общине, порядок, по которому передел производился в собрании всех людей данных родственных групп. С другой стороны, члены рода, как и патронимии, будучи уже в известной мере разрозненными, живя отдельными домохозяйствами и обрабатывая свои семейные наделы, теперь, в связи с наступлением передела, «соединялись», чтобы получить свой надел на весь род или на всю патронимию, а затем уже поделить этот надел между собой. Латинское *coire* означает и «сходиться» и «соединяться», так что Цезарь мог здесь иметь в виду либо ту, либо другую черту производства передела.

¹ Qui per femini sexus personas cognatie coniunguntur (Gaius, Inst., I, 156); Cum agnatio a patre, cognatio sit a matre (Just., Inst., 3, 4, 5).

На основании вышесказанного мы переводим разбираемый текст следующим образом: «по родам и патронимиям людей, которые по этому поводу (по такому случаю, тогда, к тому времени) собрались (сошлись [или соединились.— М. К.]) вместе»².

Замечательную иллюстрацию к данному тексту Цезаря находим мы в старинном, датированном 1843 г., описании чеченцев, принадлежащем русскому офицеру Генерального штаба В. И. Голенищеву-Кутузову. Говоря об их землевладении и землепользовании, Голенищев-Кутузов указывает, что земля у чеченцев составляет коллективную собственность *тохума* (родовая группа, совершенно соответствующая патронимии.— М. К.), причем ежегодно, когда настанет время пахоты, все члены *тохума* собираются на принадлежащих данному *тохуму* полях и делят их по числу домохозяйств в *тохуме* на равные доли, которые затем распределяются между отдельными домохозяйствами по жребию³. Заметим, что данному описанию будет скорее соответствовать перевод *coierunt* — «сошлись».

Ту же древнегерманскую патронимию находим мы у Тацита под названием *proprinquitas*.

Говоря о военном строе германцев, Тацит указывает, что их военные подразделения образуются из *familiae et proprinquitates* (*Germania*, VII). Речь здесь идет о построении по семьям (притом — *большим семьям*, к чему мы еще вернемся) и группам, очевидно, большим, чем семья. Группы эти — не роды и не племена, ибо род у Тацита вообще не дифференцируется, а племя он обозначает термином *gens*, или (как и Цезарь) *civitas*, индо-

² Примеры иного, по нашему мнению, неправильного, перевода этого текста — перевод С. П. Моравского и А. И. Неусыхина: «родам и группам живущих вместе родственников», см.: «Древние германцы, сборник документов», составлен Б. Н. Граковым, С. П. Моравским и А. И. Неусыхиним. М., 1937; перевод акад. М. М. Покровского: «роды и объединившиеся союзы родственников» (здесь «объединившиеся» передает *qui tum una coierunt*), см.: «Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне», перевод и комментарии акад. М. М. Покровского. М.—Л., 1948.

³ В. И. Голенищев-Кутузов. Описание гражданского быта чеченцев с объяснением адатного их права и нового управления, введенного Шамилем. В кн.: Ф. И. Леонтович. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа, ч. II. Одесса, 1883, стр. 78—124.

да — *patio*. Таким образом, *propinquitates* означает у Тацита, мы полагаем, «патронимии».

Термин *propinquitas* — «близкое родство», для обозначения родственной группы в Риме не употреблялся ни в единственном, ни тем более во множественном числе. Тацит, как и Цезарь с *cognationes*, применил здесь этот термин для обозначения особого германского родственного коллектива.

Термин *propinquitas* (в форме мн. ч.) фигурирует у Тацита только один раз в приведенном нами месте. В своих описаниях германцев в различных местах в «Германии», в «Анналах» и в «Историях» Тацит употребляет нередко также термин *propinqui*, означавший в Риме «близкие родственники». Но в описаниях германцев термин этот фигурирует у Тацита преимущественно не в общем смысле, а для обозначения определенного круга близких родственников, преимущественно в тех случаях, когда речь идет об определенных правовых или обрядовых функциях. Так, часть уголовной пени, говорит Тацит, идет у германцев вождю или племени, часть — самому истцу или *propinquis eius* (*Germania*, XII), порядок, известный обычному праву многих народов, причем часть пени, как у германцев, или же вся она целиком идет именно патронимии. Вручение совершеннолетнему юноше оружия в народном собрании производит или кто-либо из старейшин, или отец, или *propinqui* (*Germania*, XIII). При принесении женихом брачных подарков (вена) присутствуют, акцептируя эти подарки, родители и *propinqui* невесты (*Germania*, XVIII), порядок опять-таки хорошо известный из этнографии, причем члены патронимии являются вообще непосредственными и обязательными участниками брачных и свадебных обрядов. Наказание неверной жены производится мужем в присутствии *propinquis* (*Germania*, XIX). Каждый человек должен переносить на себя и вражеские и дружеские отношения как своего отца, так и своих *propinqui* (*Germania*, XXI). «Чем многочисленнее патронимия, чем больше у человека свойственников, тем отраднее старость» (*Quanto plus propinquorum, quanto maior affinum numerum, tanto gratiosius senectus. Germania*, XX).

Сергест был освобожден с большим числом своих *propinquo* и клиентов (*Annales*, I, 57). Арминий убеждает своего брата Флавия, перешедшего на сторону римлян,

не быть предателем своих *propinquoꝝ et affiniuꝝ*, наконец, всего *gentis suae* (*Annales*, II, 10); риторически усиливая, Арминий напоминает брату о более узкой группе его ближайших родичей — членах патронимии, затем — о более широкой и более отдаленной, но, видимо, имевшей у германцев в качестве одного из пережитков матриархата большое значение группе свойственников (*affinium*), наконец, обо всем его племени (или в данном случае в, так сказать, идеологическом смысле — обо всем его «роде»).

Таким образом, мы можем не только констатировать существование у древних германцев патронимии, но и, несмотря на ограниченность источников, извлечь из них следующие черты.

Германская патронимия является одной из единиц землепользования и одновременно — военного построения. Патронимия имеет ряд правовых и обрядовых функций: она определяет круг дружественной и враждебной солидарности и круг получателей части уголовной пени, она участвует в торжественном акте вручения оружия совершеннолетнему, является участницей брачного обряда и свидетельницей наказания неверной жены. Принадлежность к большой патронимии составляет основание знатности и благоденствия. Таким образом, патронимия, в частности *propinqui* Тацита, выступает в определенных случаях, имеющих правовое или обрядовое значение, в определенной, присущей ей экономической, общественной и идеологической роли, в качестве определенного, ближайшим образом вслед за семьей связанного с данным лицом родственного коллектива.

Может возникнуть вопрос: не означает ли у Цезаря *cognationes*, у Тацита *propinquitates* — большие семьи или семейные общины? Так именно относительно *cognationes* считал М. М. Ковалевский⁴. Этого, однако, допустить нельзя. Выше уже было указано на различие *cognatio* и *familia*. Семья у римлян обозначалась термином *familia*, причем *familia* означала не только малую, но и большую семью. Это достаточно очевидно и у Тацита. Так, в приведенном нами месте, где речь идет о военном построении, *familia* означает именно большую семью, а

⁴ М. М. Ковалевский. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1939, стр. 87.

не малую, ибо малая семья в лице ее боеспособных членов в качестве отдельного воинского подразделения, конечно, не мыслима. Альтернативно с *familia* Тацит употребляет выражения *domus* и *universa domus*, что опять-таки означает большую семью⁵. Наконец, что *propinquitates* у Тацита — не большая семья, явствует из того, что Тацит пишет: *familiae et propinquitates* — два термина, соответствующие двум различным группам, почему мы и переводим: «семьи и патронимии»⁶.

Замечательно, что Энгельс перевел как *cognationes*, так и *propinquitates* *одинаковым образом*, совершенно правильно по существу, — «родственные группы» (*Verwandtschaften*)⁷.

Итак, *cognationes* Цезаря, *propinquitates* Тацита — не что иное, как патронимии; *propinqui* Тацита — члены патронимии, т. е. не вообще «близкие» или «родственники» или «родичи», а определенный круг ближайших родичей.

Как видно из приведенных нами текстов, у германцев существовали в качестве связанных с землевладением и землепользованием хозяйственных единиц одновременно три родственные группы. род, патронимия и большая семья. Так было по крайней мере в эпоху Цезаря. Но что касается рода, то вполне реальный у Цезаря, он у Тацита, как выше было отмечено, не дифференцируется. Чем это объясняется? Ответ находим у Энгельса. «Тогда как,— писал Энгельс,— у Цезаря германцы частью только что осели на землю, частью еще отыскивали

⁵ См. об этом выше, очерк «Семейная община. Опыт исторической характеристики».

⁶ Точно и правильно передать *propinquitates* так же, как и *cognationes*, в свою очередь не удавалось переводчикам. В. И. Модестов переводил *propinquitates* — «родственники», *propinqui* — тоже «родственники» (см.: Тацит. Соч., т. I, перевод В. И. Модестова. СПб., 1886); С. П. Моравский переводил *propinquitates* — «роды» («семьи и роды»). В переводе место о вручении юноше оружия Моравский перевел *propinqui* — «сородич» — в единственном числе, несмотря на то, что здесь множественное число, а в примечании к этому месту, указав, что обряд этот совершал сам отец, фантазировал: если отца не было в живых, то «заменяющий его опекун из ближайших родичей» (см. указанный выше сборник «Древние германцы»). В том-то и дело, что *propinqui* выступают здесь в качестве определенного коллектива.

⁷ F. Engels. Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats. Berlin, 1928, S. 137, 138; ср. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 134, 135.

места постоянного поселения, во времена Тацита они имеют позади себя целое столетие оседлой жизни»⁸.

Надо думать, таким образом, что к эпохе Тацита родовой строй у германцев уже достиг глубокого распада и род как хозяйственная и общественная единица уже не играл своей былой роли, либо совсем сошел на нет. Тем бóльшую роль стала играть, как это рисуется и общим историко-этнографическим материалом, патрионимия. Поэтому, вероятно, заняла она столь значительное место в описании древних германцев Тацита.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 141.

IV

ВЕРВЬ РУССКОЙ ПРАВДЫ И ПОЛИЦКОГО СТАТУТА

1. Термин «вервь». Толкования верви Русской Правды. Вервь как родственная группа. Чебышев-Дмитриев. Миллер. Вервь как территориальная, соседская община. Славянофилы. Лешков. Вервь как семейная община; «задружная теория». Леонтович. Юшков. Взгляд Б. Д. Грекова. Вервь — патронимия. Разбор статей Русской Правды, говорящих о верви.

2. Полица и Полицкий статут. Значение терминов «вервь», «дружина вервная», «племенщина вервная», «вервные братья». Институты Полицкого статута, в частности право предпочтительной покупки, право родового выкупа и необходимое наследование. Вопрос о хорватской верви в литературе. Родосавльевич. Мажуранич. Греков. Мандич. Божич. Барада. Кляич. Беглэн. Фрейденберг. Вервь в хорватских средневековых памятниках. Вопрос о братстве. Термин «братство». Ровинский. Вукманович. Сикар. Мандич. Кулишич. Заключение о братстве. «Племя» в Полице по описанию Ивањишевича.

3. Общая характеристика верви Русской Правды и Полицкого статута. Разбор взглядов Б. Д. Грекова на вервь как территориальную, соседскую общину; его определения верви; вервь как часть села. Правовые институты, присущие верви и неприсущие соседской общине. Историческое превращение верви. Термин «вервь» и его различные значения. «Вервь» как родственная группа.

4. Термин «выть» и различные его значения. Вопрос о выти в литературе. Сергеевич. Веселовский. Гневушев. Куплеваский. Семевский. Златовратский. Красовский. Выть — патронимия. Ее общие черты. Ее историческое превращение. Судьба русско-хорватской верви. Братство и племя. Выть — преемница древнерусской верви.

1

Слово *вервь* означало в древнеславянских языках веревку, в частности веревку определенной длины, служившую орудием измерения земли и ее мерой. Вервью

назывался также определенный участок земли. То же слово сделалось обозначением примитивной общественной формы — родственной группы, а также употреблялось в смысле родственной связи, линии родства или линии наследования. Термин вервь в своем общественном значении употреблен в двух известных памятниках права: древнерусском — Русской Правде и хорватском — Полицком статуте. Он встречается также в нескольких хорватских правовых актах XI—XVI вв.

Как известно, в наиболее ранних характеристиках общественного прошлого Руси господствовала так называемая родовая теория. Соответственно вервь Русской Правды толковалась как в основном родственная группа. Взгляд этот продолжал держаться и позже. Так, еще в 60-х годах XIX в. А. П. Чебышев-Дмитриев писал, что «вервь Русской Правды... является почти тем же, чем у германцев был род»¹. О. Ф. Миллер, рассматривая вервь как группу домохозяев, «в смысле известного круга людей, обитающих в пространстве, измеренном вервью», добавлял: «впрочем, первоначально тут могло заключаться и указание на родовую связь: и теперь у сербов врѣвник — родственник»².

Но уже в 50-х годах XIX в., с выдвинутой славянофилами общинной теорией и возникновением пресловутого спора этой теории с родовой теорией³, взгляд на вервь как родственную группу подвергся энергичной критике. С подробным обсуждением вопроса о верви выступил один из наиболее активных представителей общинной теории, видный славянофил, В. Н. Лешков. Лешков утверждал, что вервь Русской Правды была «географической общиной», вместе с тем союзом временным и произвольным, в котором можно было состоять и из которого можно было выйти; наконец, «древняя вервь,— писал Лешков,— была почти то же, что впоследствии погост»⁴. Взгляд на вервь как на территориальную, соседскую общину в свою очередь нашел себе по-

¹ А. Чебышев-Дмитриев. О преступном действии по русскому допетровскому праву. Казань, 1862, стр. 46.

² О. Миллер. Опыт исторического обозрения русской словесности, ч. I, вып. I. Изд. 2. СПб., 1865, стр. 136—137.

³ См. об этом наши краткие замечания выше, в главе «Семейная община, I. История исследования».

⁴ В. Лешков. Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII в. М., 1858.

следователей, и в позднейшей русской историографии время от времени возобновлялся.

В конце 60-х годов XIX в. Ф. И. Леонтович привлек к истолкованию верви данные Полицкого статута и сведения о югославянской семейной общине — задруге. Уподобив вервь Русской Правды югославянской задруге и объявив ее таким образом большой семьей, Леонтович выставил взгляд, по которому вервь составляла вообще начальную форму общественного быта славян. Взгляд этот, получивший название «задружной теории», вызвал ряд последователей, однако довольно скоро был надолго оставлен; он, действительно, помимо того, что совершенно противоречит данным источников, мог существовать только тогда, когда понятие о семейной общине оставалось неопределенным.

В последующей русской исторической литературе вопрос о верви продолжал время от времени подниматься, причем преимущественно поддерживался тезис о верви как общине чисто территориальной, однако узкой⁵.

Взгляд на вервь как семейную общину возобновил советский историк С. В. Юшков, безоговорочно принявший, как нечто доказанное, тезис Леонтовича: вервь — семейная община — задруга. Вместе с тем представление Юшкова о верви отличается крайней нечеткостью: «Большая семья,— пишет он,— давно подверглась разложению в Киевской Руси. Этот процесс должен был в особенности усилиться в XII в., когда феодальные отношения уже носили достаточно развитый характер. Вервь, вероятно, в этот период стала распадаться на крупные патриархальные семьи...»⁶ Спрашивается, чем же была вервь до того, как стала распадаться на крупные патриархальные семьи?

Наконец, взгляд на вервь как на соседскую общину в советской историографии возобновил и с особой настойчивостью проводил Б. Д. Греков⁷, полемизируя при

⁵ См. из более поздних публикаций: М. Ясинский. «Село» и «вервь» Русской Правды. «Университетские известия» [Киев], 1906, 3.

⁶ С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л., 1939, стр. 9—12; см. в частности стр. 11; его же. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 86—88.

⁷ Б. Д. Греков. Энгельс и проблема родового строя у восточных славян. В кн.: «Вопросы истории доклассового общества. Сбор-

этом с С. В. Юшковым. Нашу оценку взгляда Б. Д. Грекова мы предложим ниже.

В 1946 г., в нашем докладе «Семейная община и патронимия», прочитанном на майской сессии Отделения истории и философии Академии наук СССР, был высказан взгляд, по которому вервь Русской Правды, как и вервь Полицкого статута, представляет собой не что иное, как патронимию⁸.

* * *

Русская Правда является единственным русским письменным памятником, в котором фигурирует термин *вервь* в значении общественной формы. Термин этот с его производными встречается в пространной редакции Правды несколько раз. Для нашей темы имеют значение следующие четыре статьи: 3, 4, 6 и 80 (по Карамзинскому списку).

3. Аже кто убьет княжа мужа в разбои, а головника не ищуть, то вервьную платити в чей верви голова лежить, то 80 гривен, аще ли людин, то 40 гривен.

4. Которая ли вервь начнет платити дикую виру, koliko лет за ту платять ту виру, за неже без головника им платити; будет ли головник их в верви, то зане к ним прикладывають, того же деля им помогати головнику, либо си дикую виру; но платити и воопче 40 гривен; а головничество, а то самому головнику, а в сороце гривен заплатити ему из дружины свою часть...

6. Аже кто не вложитя в дикую вину и виру, тому людие не помогают, но сам платити.

80. Оже будет рассечена земля или на земли знамение, им же ловлено, или сеть, то по верви искати к себе татя, а любо продажу платити.

ник статей к пятидесятилетию книги Фр. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». М.—Л., 1936; его же. Киевская Русь. М., 1939, перепечатано в его «Избранных трудах», т. II. М., 1959; его же. Полица. Опыт изучения общественных отношений в Полице XV—XVII вв. М., 1951, перепечатано там же, т. I. М., 1957; его же. Большая семья и вервь Русской Правды и Полицкого статута. «Вопросы истории». 1951, 8, перепечатано там же, т. II. М., 1959.

⁸ См. краткий отчет об этой сессии с кратким резюме нашего доклада в «Вестнике Академии наук», 1946, 7, стр. 102.

Содержание и смысл этих статей таковы (руководствуемся в значительной мере существующими комментариями различных исследователей Русской Правды).

В статье 3 речь идет об ответственности за убийство, происшедшее «в разбое» — в драке; непосредственный виновник неизвестен и искать его нечего; пеню — *вервь-пеню* (в других текстах: вирное, виру) в 80 гривен, если это «княж муж», и в 40 гривен, если это «людин», платит вервь. Признаком, по которому определяется, какая именно вервь должна платить, является то, в чьей верви, на земле какой верви лежал убитый.

Статья 4 говорит о другом казусе — об убийстве, непосредственный виновник которого известен; если он скрылся, то пеню платит его вервь, но с рассрочкой, в течение нескольких лет; если же виновник налицо, то ему при уплате пени в 80 гривен должна помочь, в порядке круговой поруки — «дикий виры», его вервь, внося за него половину — 40 гривен; другую половину уплачивает сам виновный — «головник», заимствуя эти 40 гривен «из дружины», т. е. из общесемейного имущества.

Статья 6 содержит оговорку: тому, кто не вложился «в дикую вину и виру», не помогают, и пеню платит он сам.

Наконец, статья 80 имеет предметом ответственность верви за кражу, совершенную ее сочленом. Если след ведет к определенной верви: земля рассечена копытами лошади или имеются другие следы, или найдены орудия ловли животных, например сеть, то вервь должна обнаружить у себя вора, а если не обнаружит или станет его укрывать, то платит пеню — «продажу».

Особых замечаний заслуживает институт «дикий вины и виры». Как известно, индивидуальная уголовная ответственность — порядок сравнительно поздний. Ему предшествовала составлявшая один из устоев родового права коллективная ответственность родовой группы. При композиции это была материальная денежная ответственность. С распадом родовых отношений это начало изживается, круг ответственных сокращается, ограничиваясь семьей. Композиция за убийство человека — «цена головы» — составляла очень крупную сумму, в особенности в случае убийства квалифицированного, и родовая группа преступника могла предпочесть уклониться от такого платежа. Но это означало, что каждый член

группы, если бы совершил убийство, как и иное преступление, должен был отвечать за себя сам. Поэтому и возник новый своего рода договорный институт: тот же круг родственников, в данном случае вервь, уже не в силу обязательной родовой коллективной ответственности, а в порядке особого соглашения о взаимопомощи и круговой поруке, берет на себя ответственность за своих членов перед государственной властью.

Это и есть институт *дикой вины и виры*. Дикая вина — свободно, добровольно взятая на себя вина. (*Дикий* — «свободный»; дикое растение — свободно выросшее растение, дикое животное — живущее на свободе, дикий человек, дикарь — человек, живущий в условиях естественной свободы). Кто не войдет в такой договор, «не вложится в дикую вину и виру», тот платит сам.

Комментаторы данного текста обычно говорят только о дикой вине. Между тем, основное здесь — дикая вина, а дикая вира — производное.

Крайне интересен термин статьи 3 — *вервьная* — производное от *вервь*, уголовный платеж, уплачиваемый всей вервью.

Обращаясь к понятию верви, как оно отражено в приведенных текстах, мы встречаемся с вопросом, идет ли здесь речь о верви как занимающей целое отдельное селение или же часть села. Понимая под вервью патронимию, мы должны допустить возможность и того и другого. Как мы знаем, патронимия, в особенности в более отдаленном прошлом, занимала обычно отдельное селение, впоследствии — определенную часть селения, «конец», «улицу», квартал. Исходя из приведенных текстов Русской Правды, мы считаем, что в этих текстах речь идет скорей о верви как занимающей отдельное селение. Но нет сомнения, что в эпоху Русской Правды уже существовали и большие села, и тогда верви-патронимии, поскольку они сохранялись, составляли части этих сел.

Однако скорей именно при таких условиях, когда верви составляли отдельные поселки, мог возникнуть вопрос, который ставит статья 3: в чьей верви, т. е. на земле какой верви, лежал убитый. Казус этой статьи, предусматривающей убийство в драке, говорит, весьма вероятно, об убийстве, происшедшем не на территории самого села-верви, а в поле, и вопрос о верви-ответчике решается в зависимости от того, на земле какой верви это про-

изошло. Невольно вспоминаются здесь те «игрища межю селы», о которых говорит Начальная летопись, где происходили и умыкания женщин, возможно также и драки. Скорей всего о верви как отдельном селении говорит в особенности статья 80, определяющая ответственную вервь по следам, ведущим к ней или найденным на ее земле.

Однако вопрос, представляла ли собой вервь отдельное селение, или его часть, является вопросом второстепенным. Основное в характеристике верви — была ли она группой родственной или территориальной, соседской? Тексты Русской Правды не дают прямого и решающего ответа на этот вопрос. Мы поэтому возвратимся к этому вопросу, как и к характеристике других сторон верви, на более широком основании, присоединив к данным Правды соответствующий материал Полицкого статута.

2

Полица — древняя хорватская община, расположенная в Средней Далмации. Сохраняя в течение ряда веков самостоятельность, она с середины XV в. подпала под влияние Венеции, с начала XIX в. оказалась в составе Австрии, ныне входит в Югославию.

Полицкий статут представляет собой довольно обширный правовой сборник, имеющий содержанием частично — кодифицированные положения обычного права, частично — постановления полицких общинных властей, в общем — памятник, близкий типу ранних «Правд». Создание этого кодекса точно не датируется, по мнению некоторых исследователей, он является чуть ли не современником Русской Правды или Псковской судной грамоты. Полицкий статут неоднократно редактировался, менялся и дополнялся. Древнейший существующий его список датируется 1440 г.⁹

⁹ Полицкий статут издавался неоднократно. Мы пользуемся текстом по изданию В. Ягича в «*Monumenta historico-juridica slavorum meridionalium*», р. I, «*Statuta et leges*», vol. IV, «*Statuta lingua croatica*». Zagreb, 1890, а также переводами статута: немецким — Т. Матић. *Statut der Poljica*. «*Wissenschaftliche Mitteilungen aus Bosnien und Herzegovina*», В. II [Wien], 1912 и русским Б. Д. Грекова в его книге «Полица. Опыт изучения общественных отношений в Полице XV—XVII вв.». М., 1951; перепечатано в его «Избранных трудах», т. I. М., 1957, но без содержащихся в издании 1951 г. текста и перевода статута.

Основную общественную форму Полицы составляла, как это отражено в Статуте, малая семья. Наряду с ней сохранялась и большая семья (см., например, ст. 33, имеющую предметом раздел большой семьи).

Термин *вервь*, в качестве обозначения общественной формы, и его производные встречаются в Статуте неоднократно. При этом вервь во всяком случае совершенно отлична от семьи. Статут употребляет также в нескольких случаях термин *дружина вервная*. «Дружиной» в Полице, как вообще у южных славян, а по-видимому и в Древней Руси, именовалась, у отдельных югославянских народов именуется по сей час, большая семья. Выражение «дружина вервная» означало, очевидно, в отличие от дружины — семейной общины, более широкую родственную группу, в нашем понимании — патриинию.

Вервь, или дружина вервная, обладает общим находящимся в ее коллективном владении имуществом. Это — племенщина вервная (ст. 62). Племенщина, часто упоминаемая Статутом, — это родовое¹⁰, или наследственное, имущество (ст. 49а и др.), племенщина вервная — имущество, очевидно в основном земля, являющееся коллективным, наследственным владением верви.

Отчетливо дифференцирует вервь статья 80а. Она гласит: «Если кто хочет построить мельницу на своем отдельном участке, то волен строить. Но если он хочет строить на общей земле братьев или вервной дружины (меу братеом али ином дружином врвитеом), то может это сделать только с их согласия». Эта статья различает три вида земли: индивидуальный участок, на котором собственник его волен делать, что хочет, общую землю братьев, под чем следует разуметь надельную землю семейной общины, и землю вервной дружины. Какая-либо постройка на двух последних видах земли может, естественно, производиться только с согласия всех совладельцев, т. е. в одном случае — членов семейной общины, в другом — членов верви.

Полица знает и соседскую общину — *обчину*. Хотя

¹⁰ Мы употребляем общепринятое в нашей науке выражение «родовое имущество» для обозначения имущества наследственного, переходящего по наследству из поколения в поколение и принципиально не подлежащего передаче или отчуждению не родственникам.

этим термином иногда в Статуте обозначается и вся Полица, отдельные упоминания термина *обчина*, наряду с термином *село*, говорят именно о соседской общине — селе. Село, или община, имеет свою находящуюся в коллективном владении общинную землю, свое пастбище, лес, свои находящиеся в его ведении дороги, свое управление — сход (статьи 56а, 58, 59а, 101). Полицкое село, или соседская община, имело, по-видимому, свое официальное лицо — *пристава* (ст. 1, 2 и др.).

Село, или соседская община, Полицы совершенно определенно дифференцируется от верви. Более того, вервь в Полице составляет часть села. Была ли вервь в Полице наряду с тем, как и в Руси, в некоторых случаях отдельным поселением, из Статута не видно.

Совершенно отчетливо дифференцирует село и вервь, вместе с тем совершенно отчетливо указывает, что вервь составляет часть села, статья 59а Полицкого статута (вторая часть). Приводим эту статью. «Если есть лес [принадлежащий всему селу], им можно делиться следующим образом: прежде всего, если бы была известна вервь и доля, причитающаяся от племенщины внутри села по мере и по верви по праву наследования, тогда не надо изыскивать никакого иного деления леса, как только по правой верви и по числу голов [в верви], подворниц и племенщины; как идет вервь по праву наследования, так надо лес делить».

По поводу этой статьи надо прежде всего заметить, что лес мог подвергаться разделу только в том случае, если находился во владении всего села; если бы лес находился в коллективном владении верви, то делить лес по семьям было бы нелепостью.

Итак, данная статья говорит, что в случае раздела леса, находящегося во владении всего села, он делится *по вервям* в соответствии с теми частями племенщины, т. е. наследственной земли, которые некогда были наделены по вервям внутри села и оставались в верви по праву наследования. При этом раздел производится, исходя из числа *голов* (людей) в верви и *подворниц* (усадебных участков), а также размера всей племенщины. Кстати сказать, отсюда явствует также, что вервь состояла из усадеб-домохозяйств.

К настоящей статье мы еще вернемся в связи с вопросом о наследовании.

Весьма характерен имеющийся в Статуте термин *вервные братья*, употребляемый в сочетании с термином *ближние братья* (ст. 36с, 62). В статье 36с говорится: «Если бы кто убил ближнего и вервного...» Здесь две категории родственников: *ближние*, под которыми надо разуметь членов семейной общины, и *вервные* — члены верви¹¹.

Статья 62 имеет предметом спор о племенщине. Статья гласит: «Кто владеет племенщиной, не может быть лишен права владения без суда. Если он владел в течение 30 лет без протеста, никто не может ему ни предъявить протеста, ни обжаловать в суд. А если идет речь о братии ближней или дальней или вервной, тогда невозможно никогда [?], но между вервными братьями надо всегда взять вервь [веревку] и перемерить, где кому несправедливость видится, всякую правду двинуть там, где речь идет о вервной племенщине».

Мы понимаем эту статью, в которой текст, видимо, несколько испорчен, следующим образом. Если человек выделился из верви, совершенно обособился и владеет своей частью родового имущества (племенщины) в течение 30 лет, не вызывая протеста, то собственность его не может быть оспорена. Но если спор возникает между вервными братьями, еще недавно разделившими общесемейную племенщину, то можно проверить, перемерив, справедливость раздела земли. Статья эта говорит, в частности, о том, что полицкая вервь находилась уже в состоянии распада и уже имелись семьи-хозяйства совершенно самостоятельные, но продолжали существовать верви, в которых начало индивидуального владения было еще непрочным и допускало во всяком случае проверку правильности раздела общесемейной племенщины.

Важнейшие черты полицкой верви составляют три архаических правовых института: право предпочтительной покупки, право родового выкупа и необходимое наследование.

Статья 51а Полицкого статута гласит: «Старый закон постановляет, что племенщину нельзя ни продать, ни заложить тайно, в особенности — тайно от ближнего.

¹¹ Совершенно неправильно переводит Т. Матич ближнего — *Verwandten* (родственника); так же переводит Б. Д. Греков. Однако это не вообще родственник, а именно ближний, т. е. член семьи, причем от него отличается родственник вервный, т. е. член верви.

Можно продать открыто, явно, без тайны и предварительно предложить ближнему своему. Есть старый полицкий закон: тот, кто намерен продать, должен оповестить на трех собраниях или у князя в три срока, говоря: я хочу продать это. Если кто-либо из родственников хочет купить, пусть выступит, а если нет, то я продаю, кому хочу».

Статья 51в гласит: «А тот, кто продал, уже не может выкупить обратно, [но]... если есть ближний, он волен выкупить в течение года». К этому статья 51с добавляет: «Если найдется еще ближний, который ближе того, кто купил, то имеет право от него выкупить».

Смысл приведенных статей таков. Если кто-либо задумал продать родовое имущество (или часть его.— М. К.), то должен сделать это открыто и о продаже оповестить публично, а родичи имеют право предпочтительно перед неродичами, в порядке близости их родства, купить данное имущество. Если родовое имущество уже продано неродичу или дальнему родственнику, то более близкий родич может выкупить это имущество у первого приобретателя. Мы имеем здесь принадлежащее родственникам и только родственникам весьма широкое право предпочтительной покупки (*jus preemptionis*) родового имущества и столь же широкое право родового выкупа.

Третий институт, восходящий к древнему родовому праву,— родовое наследование — выражен в уже упомянутой нами статье 36с, которая говорит об убийстве ближнего или вервного с целью получения наследства — племенщины. Из этой статьи явствует, что все члены верви, именно они, были законными, так называемыми необходимыми наследниками. О верви, как о круге законных наследников, говорит также приведенная нами выше статья 59а (вторая часть): имущество верви сохранялось в силу необходимого родового наследования в пределах верви.

В Полицком статуте отражен вообще ряд пережитков родового строя. Это, в частности, сказывается в отношении племенщины. Еще держатся остатки коллективной родовой собственности, еще не совсем прочна индивидуальная собственность, выделившаяся из родовой. Родовая собственность составляет основу и условие существования, хотя бы пережиточного, родовых коллективов, в данном случае верви. Поэтому Статут уделяет

так много внимания племенщине, так часто говорит о ней, особо занят ее охраной. Все это объясняет сохранность, хотя бы в пережиточном состоянии, в Полицкой общине родового коллектива — верви-патронимии.

Стойкая сохранность верви-патронимии в Полицкой общине не должна казаться неожиданностью также в свете того отраженного Статутом обстоятельства, что Полица знает и сохраняет другие, еще более архаические, группировки. Так, народная традиция Полицы ведет ее происхождение от трех братьев, сыновей боснийского князя Мирислава: Тишимира, Элема и Крешимира, бежавших из Боснии после убийства их отца и основавших Полицу. Полицкая община прочно сохранила деление на три племени: Ташимиров, Лимичей и Крешеничанов, что отражено в Статуте (статьи 3 и 8). Полица знает еще деление на 12 *катунов* (округов), каждый из которых мог состоять из нескольких селений.

Все это, хотя и требует доисследования, напоминает об известных многим народам пережитках архаической дуальной организации ¹².

* * *

Тогда как полицкая вервь привлекла к себе особое внимание русской исторической и юридической науки, преимущественно впрочем, в связи с вопросом о верви Русской Правды, история вопроса о полицкой верви в югославянской литературе небогата.

Из старой сербской литературы по данному вопросу заслуживает особого внимания весьма интересная для своего времени работа Мате Радосавльевича, вышедшая в 1886 г., представляющая собой опыт исследования экономического развития сербской задруги от ее архаической первобытнокоммунистической формы до проникновения в нее капиталистических отношений и образования индивидуальной малой семьи ¹³. Значительное место уде-

¹² Ср. очерк «Дуальная организация» в нашей книге «Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы». М., 1961.

¹³ М. Радосавльевич. Эволюција српске задруге, Економска расправа, Први дио, Ток економског развитка и постанок задруге. Београд, 1886; вторая часть, вышедшая в 1896 г., осталась нам недоступной.

лил автор и более широким древним, основанным на родственной связи, общественным формам южных славян. По Радосавльевичу, «племя, вервь и задруга представляют собой три вида экономических общностей»¹⁴. Наряду с тем автор выделяет еще одну форму — братство, которое находится, как он выражается, в середине между вервью и задругой, причем братство охватывает ряд задруг, а вервь — ряд братств¹⁵. Для нас важно то, что по Радосавльевичу вервь состоит из нескольких задруг. Но прав ли Радосавльевич, выделяя братство как особую, промежуточную между задругой и вервью форму, — вопрос, к которому мы вернемся ниже.

Владимир Мажуранич в своих «Материалах к хорватскому историко-юридическому словарю» берет в качестве основного значения термина *врв* (помимо его значения как веревки) — «линию крови» или «линию родства» (*linea sanguinis* или *generationis*). Приводимые им другие, производные термины, в частности выражение *вервные братья*, и ссылка на употребление термина *вервь* в одном правовом документе 1451 г. конкретизирует значение данного термина как обозначения определенного круга близкого родства¹⁶.

Идя в порядке хронологического, мы здесь только отметим, что в ряде выступлений, начиная с 1936 г., Б. Д. Греков считал, что вервь Полицкого статута, как и Русской Правды, была в прошлом «коллективным родственником» или «организацией кровной», точнее — патриархальной большой семьей, однако в эпоху названных памятников она представляла собой уже не что иное, как соседскую общину. К этим положениям Б. Д. Грекова мы вернемся ниже.

Профессор юридического факультета Загребского университета Олег Мандич затрагивал вопрос о древней хорватской верви лишь попутно в своих статьях 1952 и 1957 гг., посвященных главным образом вопросу о братстве¹⁷. Отметим, что, довольно близко подходя к

¹⁴ Там же, стр. 30.

¹⁵ Там же, стр. 60.

¹⁶ V. Mažuranić. Prinosi za hrvatski pravno-povjestni rječnik. Zagreb, 1908—1922, стр. 1613—1616.

¹⁷ O. Mandić. Bratstvo u ranosrednovjekovnoj Hrvatskoj. «Histo-rijski zbornik», V [Zagreb], 1952; Prilozi pitanju seoske općine, bratstva i vrvi, ibid., X, 1957.

правильной оценке верви, Мандич считает, что первоначально в верви доминировало родственное начало, позднее, с размножением населения, когда стали возникать новые села, происходила подвижка населения, люди переходили из одного села в другое, преобладающее значение в верви приобрело начало территориальное. Ниже, останавливаясь особо на вопросе о братстве, мы охарактеризуем и взгляды на этот предмет Мандича.

Взгляды Б. Д. Грекова вызвали энергичные возражения сербского историка, профессора Белградского университета Ивана Божица (как и вышеназванного О. Мандича в последней из сейчас упомянутых его статей). В работе 1956 г. о верви Полицкого статута, посвященной в основном критике Б. Д. Грекова, Божиц доказывает, что термин *вервь* как в Полицком статуте, так и в некоторых средневековых хорватских правовых документах, если речь не идет просто о веревке, имеет «фигуральный» смысл и означает линию происхождения от общего предка, что определяет и линию наследования. В последующее время, в частности в документах XVIII в., полицкая вервь называлась термином *племе*, причем представляла собой группу родственных семей, происшедших от общего предка, обычно весьма отдаленного. Но ни вервь, ни племя, подчеркивает Божиц, нельзя считать сельской общиной, как это делает Б. Д. Греков¹⁸.

Весьма противоречива позиция хорватского профессора богословского факультета в Загребе Михо Барады в его работе 1957 г. о старохорватской сельской общине. Уделив здесь значительное внимание верви по средневековым хорватским правовым памятникам, Барада, с одной стороны, не признает за вервью какого-либо родственного основания, с другой стороны и одновременно под давлением показаний отдельных памятников, признает, что «главное значение верви было *linea sanguinis*, имевшая, однако, не кровную, а хозяйственную основу». Наконец, по Бараде, вервь это не только «связь», но и участок земли (племенщина)¹⁹.

¹⁸ И. Божић. «Врвь» у Полицком статуту. «Београдски универзитет, Зборник филозофског факултета», VI—I, 1956.

¹⁹ М. Barada. Starohrvatska seoska zajednica. Zagreb, 1957; см. в особенности стр. 23—26, 32—33.

Отметим еще позицию югославского ученого Нады Клаич, которая критикует Мандича и Барадун и присоединяется к взглядам Божица²⁰.

Большой интерес представляет исследование французского лингвиста, работающего в Югославии, Ива-Эдуарда Беглена, посвященное этимологии слова *вервь*. Отвергнув традиционное сближение этого термина с веревкой (*funiculus*), Беглен путем весьма сложной (на наш взгляд) лингвистической интерпретации доказывает, что единственный смысл слова *вервь* — «происхождение»²¹. Предоставляя специалистам оценку данной работы Беглена, мы можем только сказать, что этимологическое значение слова *вервь* как было, так и осталось спорным, и весьма спорным остается, в частности, сближение его со словом «веревка».

Новое освещение получил вопрос о хорватской *верви* в работах советского историка-медиевиста М. М. Фрейденберга²². Основываясь прежде всего на материале Полицкого статута, используя также данные позднейших хорватских правовых памятников, говорящих о *верви* и *вервных* отношениях, подвергнув разбору и критике существующую литературу (за исключением Радосавльевича), автор присоединился к нашему, выраженному в наших работах 40—50-х годов, представлению о патронимии и соответствующим образом истолковал хорватскую *вервь*. В результате автор пришел к заключению, что «подлинный характер *верви* можно понять, только угадывая в *вервном* коллективе общину, скрепленную как поземельными, так и родственными связями»²³. Автор, однако, впадает, на наш взгляд, в некоторое противоречие, заявляя в той же работе ниже, что «*вервь* — это

²⁰ Н. Клаич. Новији радови на друштвеној проблематици средњовјковне Хрватске. «Годишњак Историског друштва Босне и Херцеговине», год. X (1949—1959) [Сарајево], 1959.

²¹ Y.-E. Boeglin. La «descendance» dans quelques vieux textes juridiques serbo-croates. «Матица Српска, Зборник за филологију и лингвистику», III [Нови Сад], 1960.

²² М. М. Фрейденберг. «Вервь» в средневековой Хорватии. «Великолукский гос. педагогический институт. Уч. зап.», 16, 1961; К истории общины на Балканах (проблема общины в югославянской историографии), «Византийский временник», 21, 1962; его же. Новоградский сборник как источник по социально-экономической истории Хорватии, «Славянский архив. Сборник статей и материалов». М., 1962.

²³ М. М. Фрейденберг. «Вервь»..., стр. 38.

вообще не коллектив, а связь, порожденная разделом семейной общины»²⁴.

Как можно видеть из изложенного, представления о хорватской верви некоторых из вышеупомянутых авторов и нечетки, и противоречивы. Весьма интересная позиция Радосавлевича осталась, к сожалению, неразвитой. Мы, конечно, особо ценим подход к верви М. М. Фрейденберга, но учитываем отмеченное нами противоречие, в которое он впадает. В конечном счете положение разбираемого нами вопроса в существующей специальной литературе нельзя считать удовлетворительным.

Отметим еще, в частности, вытекающее из ряда вышеперечисленных исследований о верви свидетельство того, что данный термин, как и данное понятие, продолжали существовать в Хорватии, начиная с Полицкого статута, вплоть до начала XVI в., о чем говорят три имеющих юридический характер письменных памятника 1451, 1487 и 1508 гг. Встречающийся здесь термин *вервь* имеет смысл линии родства, родственной связи и родовой собственности.

Ряд вышеназванных авторов, говоривших о верви, связывает ее, так или иначе, с братством. Остановимся особо на этом вопросе.

Термин *братство* в качестве обозначения общественной формы свойственен ряду народов. В древней Греции *φратρία* или *φράτρα* было архаическим общественным делением, которое в Афинах в эпоху Солона состояло из 30 родов. Термин братство довольно широко распространен в югославянских странах. Он встречается в некоторых местностях Западной Болгарии в качестве обозначения группы родственных задруг, т. е. патронимии²⁵. В таком же значении этот термин хорошо известен у сербов, хорватов и черногорцев, причем у тех же народов в некоторых местностях та же группа, которая именуется братством, обозначается термином *племе*, так что братство и племя являются синонимами. Наконец, у некоторых югославянских народов в некоторых местностях

²⁴ М. М. Фрейденберг. «Вервь»..., стр. 43.

²⁵ Р. Пешева. Семейство и семейно-родственные отношения в Средна Западна България, в книге: «Комплексни научни експедиции в Западна България, Доклады и материали». София, 1961, стр. 526 и сл.

братством иногда называется семейная община. Таким образом, употребление термина братство у югославянских народов весьма разнообразно.

Вполне определенное значение, как термин и как общественная форма, имело и имеет посейчас братство у хорватов и черногорцев²⁶. Братство составляет здесь часть племени, причем в некоторых местностях и братство называется *племенем*. Возникает братство из раздела братьев одной большой семьи. Члены братства называются *братственниками*. Число их бывает различно: 30, 50 и до 800, считая при этом только взрослых, боеспособных мужчин.

Отчетливое описание черногорского братства дал в свое время П. А. Ровинский. Тогда как происхождение племени, а также его предок, писал Ровинский, легендарны, «братство всегда с точностью почти исторической знает свое начало и своего предка, от которого ведет свой род и свое патронимическое прозвище». Братство состоит из отдельных семей (*породица, фамилья, куча*). Братство в основном целиком локализовано и занимает село, иногда два или несколько селений, иногда — часть села. Имя братства носит и село. Каждое братство, как бы мало оно ни было, имеет свою церковь. Так, в одном большом черногорском селении имеется 400 домов, а церковей — 15, т. е. одна церковь в среднем на 27 домов. В другом селении имеется 22 дома и одна церковь, в третьем — 7 домов и одна церковь.

Братства, писал в другом месте Ровинский, делятся на отдельные *роды* или *úзшие братства*. У одного из черногорских племен это малое братство обозначается еще термином *трбух* — «чрево», «утроба». В других случаях «первоначальное братство разрастается и само делится на группы, которые тоже называются братствами».

Во главе братства стоит *главар, старшина, кнез* — выборный, но наследственный в определенной семье данного братства. Он собирает общее собрание братства, имеет исполнительную и судебную власть, является пред-

²⁶ О термине братство у этих народов см.: V. Mažuranić. Указ. соч., стр. 84—94; статья «Bratstvo» in: «Enciclopedija Jugoslavije», II, 1956; В. Ч у б р и л о в и ћ. Терминологија племенског друштва у Црној гори (Српска Академија наука, Посебна издања, СССХХI, Етнографска институт, 9). Београд, 1959, стр. 24—31.

ставителем братства во внешних сношениях. Братство образует военную единицу, и главар является ее предводителем.

Братство владеет общим пастбищем, мельницей, церковью, кладбищем. Члены братства связаны единством и солидарностью, что проявляется, в частности, в хозяйственной взаимопомощи, в делах мести, в уплате и получении выкупа. Если один из членов братства продает свое имущество, то остальные члены имеют право предпочтительной покупки. Братство экзогамно ²⁷.

Точно также, согласно описанию Иована Ердельановича, братство у всех динарских сербов, представляя собой третью по величине родственную группировку, само состоит из некоторого числа родственных групп («узших братств», сказал бы Ровинский), именуемых *род*, *куча* или *близика*, и входит в состав большей группировки, еще более широкого родственного круга — *племени*. Братство, говорит Ердельанович, было в прошлом целиком локализовано, занимая отдельное селение или группу поселков, и было строго экзогамным ²⁸.

Краткие и, к сожалению, недостаточно отчетливые показания о черногорском братстве дал в недавнее время Иован Вукманович в своей монографии об общине Паштровичей. Паштровичи сохраняют архаическое деление на одиннадцать племен. Племена эти имеют различные размеры и состоят каждое из нескольких братств, возникших в результате раздела братьев одной семейной общины и распадающихся на задруги. Братство коллективно владеет некоторыми видами имущества и пр. ²⁹

Некоторые данные о братстве находим в работе Эмиля Сикара, посвященной югославской задруге. По Си-

²⁷ П. А. Ровинский. Черногория в ее прошлом и настоящем, т. II, ч. I, Этнография (Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. 63). СПб., 1897, стр. 142—146; см. также описание братства: F. S. Krauss. Sitte und Brauch der Südslaven. Wien, 1885, стр. 32—41.

²⁸ J. Ердельановић. Неке црте формирању племена код динарских срба. «Гласник Географског друштва», 5 [Београд], 1921; обширнейший материал о черногорских братствах содержит монография того же автора: Стара Црна Гора, Етничка прошлост и формирање црногорских племена. «Српски етнографски зборник», 39 [Београд], 1926.

²⁹ И. Вукмановић. Паштровићи, Антропогеографско-етнолошка испитивања. Цетиње, 1960; см. рецензию на эту книгу М. М. Фрейденберга (СЭ, 1961, 5), где автор правильно отождествляет братство Паштровичей с патронимией.

кару, братство — группа задруг; оно совершенно распалось в Сербии, но сохраняется в Черногории и Герцеговине³⁰.

Олег Мандич в уже называвшейся нами специальной обширной и основательной работе, содержащей весьма ценные замечания и толкования, принимает братство как форму промежуточную между задругой и племенем и вместе с тем как группировку, состоящую из задруг, однако относит это положение лишь к весьма отдаленному прошлому Югославии. Но задруга, по Мандичу, в Югославии уже давно, как определенная хозяйственная группа, распалась, а вместе с задругой распалось и братство, сделавшись лишь неким кругом родственников, связанных родственными узами только внешне. Именно таковыми надо считать, по Мандичу, родственные формы, существовавшие в Югославии в IX—XIII вв., фигурирующие в латинских источниках под названиями *generatio*, *genus*, *parantella* и *tribus*. Надо полагать, что автор относит такое свое толкование братства лишь к определенным источникам, не обобщая его в широком историческом плане, хотя бы даже относительно только Хорватии.

Специальную трактовку вопроса о братстве дал также Шпиро Кулишич в двух опубликованных в 1957 г. статьях: «Архаическое братство в Черногории и Герцеговине» и «О происхождении и характере нашего братства». Происхождение братства Кулишич возводит к эпохе матриархата. Ссылаясь на наши работы, Кулишич отождествляет братство с патронимией, однако порой его позиция, как и употребление им термина «братство», остаются неопределенными и даже противоречивыми, причем автор все же не разграничивает должным образом братство и задругу³¹.

В итоге нашего краткого обзора как конкретного материала о хорвато-черногорском братстве, так и

³⁰ Em. Sicard. La Zadruga sud-slave dans l'évolution du groupe domestique. Paris, 1943, p. 284—293.

³¹ S. Kuljišić. Arhaično bratstvo u Crnoj Gori i Herzegovini. «Гласник Земаљског музеја у Сарајеву, Историја и етнографија», Нова серија, XII, 1957; О postanku i karakteru našeg bratstva. «Pregled» [Sarajevo], 1957, 2/3; критические замечания О. Мандича на первую из этих двух статей Кулишича см.: Marginalia uz problem bratstva. «Pregled», 1958, 4, где Мандич указывает, что вопрос о происхождении братства не так прост, как это изображает Кулишич.

некоторых толкований этой формы, мы должны сказать, что единственно правильным представляется понимание братства как в основе своей группы задруг, происшедшей от разделения одной семейной общины и сохраняющей то или иное хозяйственное и общественное единство. Иное понимание термина братство и самой этой формы объясняется преимущественно тем, что отдельные авторы берут лишь частные выражения данного понятия в ту или иную эпоху, в той или иной среде, в том или ином историческом памятнике, иногда узко в применении к определенному юридическому казусу, а потому в весьма ограниченном смысле. Достаточно широкого исторического подхода мы в этих толкованиях не видим. Все это, не считая того, что термин «братство» может, как мы знаем, в отдельных случаях употребляться по отношению к различным группировкам. Таким образом, речь может нередко идти не о братстве вообще, а только о значении этого термина в данном его применении, в данном историческом памятнике и пр.

Мы можем теперь вернуться к вышеупомянутому взгляду Радосавльевича на братство как форму, промежуточную между задругой и вервью. Возможно, что суть здесь в тех более широких и более узких братствах, о которых говорил Ровинский и которые соответствуют нашему понятию о более широких и более узких патронимиях.

Возвратимся в заключение настоящей главы к вопросу о полицкой верви.

В 1903—1906 гг. появилась обширная этнографическая монография Полицкой общины, написанная полицанином Франко Иванишевичем. Автор не коснулся Полицкого статута, не упомянул о верви, не занялся, в частности, вопросом, сохранилось ли в народной традиции представление об этой форме и в народном словоупотреблении данный термин. Заметим в скобках, что было бы чрезвычайно важно, если бы хорватские ученые эти вопросы доисследовали. Зато мы находим в монографии Иванишевича следующие интересные и важные для нас показания. Прежде всего, в Полице, в особенности в горной ее части, сохраняются задруги, насчитывающие до 35 человек. Затем, согласно указанию Иванишевича, в прошлом в Полице существовали группировки, именовавшиеся *племя*, также *дедичи*. Из чрезвычайно ограничен-

ных данных, которые приводит автор об этих племенах, все же неоспоримо явствует, что это полицкое *племя* — не что иное, как патронимия³².

Остается высказать по данному поводу, что если в Полице термин *вервь* и исчез, то соответствующая этому термину форма сохранилась, и современное *племя* является здесь преемницей древней верви.

3

Совершенно очевидно, что вервь Русской Правды и вервь Полицкого статута представляют собой в основном одну и ту же историческую общественную форму.

Это — архаическая родственная группа, отчетливо отличная от семьи, будь то малой или большой, сама состоящая из отдельных семей-домохозяйств, но сохраняющая в известной мере имущественную и правовую общность, иначе говоря, то, что мы называем патронимией. Отсюда, в частности, выражения: *вервая дружина*, *вервные братья*, *вервая племенщина*. Вполне вероятно, что слово *вѣрвникъ*, обозначавшее сначала специально члена верви, стало, в частности в сербском языке, обозначением родственника вообще.

Вервь занимает либо отдельное селение, так в особенности по Русской Правде, либо часть селения, так скорее по Полицкому статуту. Это различие может быть объяснено разными обстоятельствами, в особенности однако тем, что Полица, будучи небольшой, сравнительно высоко развитой, в основном земледельческой, общиной, имела значительную плотность населения, и таких небольших по размерам поселков в Полице уже не сохранилось.

Вервь не была чисто территориальной, соседской общиной. Нет сомнения, что в Руси эпохи Правды, как и в Полице эпохи Статута, уже существовала соседская община. Относительно Полицы это прямо отражено, как мы видели, в Статуте, относительно Руси это вытекает из всего, что известно о ее общественно-экономических отношениях. При этом Статут достаточно выразительно говорит о различии между вервью и соседской общиной.

³² F. Ivanišević. Polica, Narodni život obiĉji. «Zbornik za narodni život i obiĉaje juĝnih slovena», 8—10, 1903—1906; см. кн. 9, вып. 2, стр. 224, сл. 321—323.

Старый взгляд на вервь, как на соседскую общину, был, как мы видели, возобновлен в советской историографии Б. Д. Грековым. Приходится признать, что формулировки понятия верви и ее трижды предложенные определения страдают у Б. Д. Грекова прежде всего крайней нечеткостью, а также противоречивы и ошибочны.

«Как же понять эту загадочную вервь, над которой так много думали и которая так часто приводила исследователей в отчаянье», — спрашивал Б. Д. Греков в статье 1936 г. и отвечал: «Вервь — это выросшая из домашней патриархальной общины сельская община или марка»³³. «Подходя к решению вопроса о верви исторически, — писал Б. Д. Греков в работе о Полице в 1951 г., — мы вполне можем допустить, что в древние времена она была организацией кровной, позднее из нее выделилась часть обособившихся из нее членов. В Полицком статуте мы можем наблюдать эту выделившуюся часть, живущую в селе рядом с вервью»³⁴. Указывая ниже, что вервь эволюционировала, Б. Д. Греков повторял: «Когда-то это, по-видимому, коллектив родственников. В XV—XVI вв. это уже организация, построенная на экономической базе. Это часть села-общины, сохранившая, однако, в себе много архаических черт»³⁵. «Мы имеем основание признать, — еще раз повторял Б. Д. Греков в статье «Большая семья и вервь» в 1951 г., — что вервь есть часть села», и далее: «вервь — та наиболее архаическая часть села, которая владеет еще не разделенной или частично разделенной землей»³⁶.

Итак, по Б. Д. Грекову, вервь — это в прошлом «кровная организация», из которой позднее выделилась часть от нее обособившихся членов, причем эта выделившаяся часть во время Полицкого статута жила в селе рядом с вервью, которая представляла собой организацию, построенную на экономической базе, и составляла часть села-общины, «сохранившую в себе много архаических черт», иначе: «наиболее архаическую часть села». По другому определению Б. Д. Грекова, вервь это — выросшая из патриархальной общины сельская община.

³³ «Вопросы истории доклассового общества»..., стр. 707 и 710.

³⁴ «Полица», изд. 1951 г., стр. 85.

³⁵ Там же, стр. 89.

³⁶ «Избранные труды», II, 1959, стр. 571—572.

Не говоря о том, что все эти определения совершенно не обоснованы какими-либо текстами, особо останавливает здесь на себе внимание положение, что вервь составляла «наиболее архаическую» часть села-общины, жившую в селе рядом с некой выделившейся из древней кровной организации и обособившейся частью членов этой организации. Из буквального смысла приведенных определений следует, что некая древняя кровная организация, под которой можно разуместь либо род, либо семейную общину, образовала позднее две формы: некую часть обособившихся членов рода или семьи и другую часть — вервь, причем обе эти формы жили рядом в одном селе. По этому поводу надо сказать следующее. Во-первых, совершенно непонятно, что собой представляла эта первая часть обособившихся членов рода или семьи, во-вторых, изображенного Б. Д. Грековым процесса и соответствующей ситуации не знала вся история родового строя, в-третьих, все это построение, рисуемое, в частности, существование рядом в одном селе двух различных общественных форм, представляет собой нечто исторически совершенно нереальное. Наконец, идея, что сельская община «выросла» из семейной общины, — старинная ошибка, восходящая еще к Гакстгаузену.

Непонятно еще, почему Б. Д. Греков противопоставляет вервь, как «построенную на экономической базе», первоначальной родственной организации. Хотя связью роду служили узы кровного родства, древний род, как всякая общественная форма, мог существовать только на экономической базе.

Не может быть сомнения в том, что вервь эволюционировала, однако это касалось в основном ее внутренних отношений, а не ее формы. Если, как это принимал Б. Д. Греков, вервь была в прошлом родственной группой, то таковой по своему составу она и оставалась, пока существовала вообще, что не противоречило ее общественно-экономической трансформации.

Говоря, что вервь Русской Правды и Полицкого статута представляла собой соседскую общину, Б. Д. Греков одновременно утверждал в отношении обоих памятников, что вервь была *частью села*. Это утверждение фигурирует трижды в его «Полице»³⁷, то же самое подчеркивал Б. Д. Греков в своей статье о верви.

³⁷ См. стр. 85, 89, 94, изд. 1951 г.

Вервь действительно была частью села. Но соединение двух тезисов: вервь — соседская община и вервь — часть села составляет непримиримое противоречие.

Соседская община всех времен и народов представляла собой по общему правилу одно поселение. Случалось, что в одном большом селе были две или более соседские общины, вернее, в сущности «миры». Это бывало, когда население данного села состояло из крестьян разных категорий, в частности — помещичьих и государственных, либо разной этнической принадлежности, причем одни все же были коренными жителями села, другие — приселенцами. Но это было, во-первых, формой исключительной, во-вторых, отнюдь не старинной, а поздней, в-третьих, формой, возникшей искусственно: люди, жившие отдельными селениями, в силу тех или иных причин, соединялись, причем сохраняли свои отдельные «миры». При этом они все же имели и некоторые общие владения, совместно используемые. Таким образом, село, состоящее из нескольких «миров», — редкое исключение, которое никак нельзя относить к сколько-нибудь отделенному прошлому. Сравнительно редкое явление составляет также форма, при которой соседская община состояла из двух или нескольких селений, соединившихся в силу общих соседских интересов.

Таким образом, по общему правилу и органически соседская община представляла собой отдельное цельное поселение. Противное противоречило бы одной из основ или одному из коренных принципов соседской общины — объединению всех соседей, связанных коллективным, общинным, владением всей территорией как самого села, так в особенности окружающих село земель, полей, лугов, выгонов, леса и прочих угодий. При этом главное основание соседской общины составляет владение ею именно землями, ее окружающими, где отдельные патриимии и отдельные семьи-домохозяйства имели свои наделы или доли, периодически переделывавшиеся, где находились сооружения общего пользования — дороги, мосты и пр.

Итак, если вервь составляла часть села, то это могла быть только группа родственная, а не соседская, территориальная. Положение, по которому вервь составляет часть села, как раз характерно для патриимии.

Еще раз заметим, что наряду с патронимиями могла существовать и существовала также и соседская община. Это — и в историческом, и в общественно-экономическом отношениях разные формы, однако на определенном этапе сосуществующие так, что патронимия составляет часть соседской общины.

Особое значение для понимания верви имеют те при-
сущие ей четыре правовых института, о которых мы гово-
рили выше: круговая материально-уголовная ответвен-
ность, отраженная в Русской Правде, и права предпочти-
тельной покупки, родового выкупа и необходимого
наследования, отраженные в Полицком статуте. Истори-
ческое значение этих институтов и их связь с патрони-
мией охарактеризованы нами в нашем общем очерке,
посвященном патронимии. Здесь только еще раз под-
черкнем, что всё это — институты *родового* права, суще-
ствовавшие и действовавшие постольку, поскольку в той
или иной мере и форме сохранялось и действовало нача-
ло родства, выходившее за пределы малой семьи. Поэто-
му действие этих институтов в отношении верви показы-
вает, что вервь была в основе своей, хотя и пережиточ-
но, *формой родовой*. Достаточно было бы только одного
этого признака, чтобы признать за группой, к которой
этот признак относится, характер родовой группы.

В свете данных правовых институтов еще раз демон-
стрируется невозможность смешения верви с соседской
общиной. Это только государственная власть действи-
тельно могла перенести уголовную ответственность с ро-
довой группы на соседскую общину, что и отражено исто-
рией права. Но права предпочтительной покупки, родово-
го выкупа и необходимого наследования никак не могли
и никогда не переносились на соседскую общину, ибо по
природе своей принадлежали только родственникам.
Члены соседской общины никогда *как таковые* не поль-
зовались этими правами, в частности и в особенности
правом наследования после своего умершего сочлена:
если члены соседской общины в соответствующих слу-
чаях и пользовались этими правами, то только как родст-
венники.

Представленную нами характеристику верви по Рус-
ской Правде и Полицкому статуту надлежит еще воспол-
нить следующей весьма существенной чертой. Оба памят-
ника отчетливо говорят о том, что вервь находилась в

данную эпоху в состоянии распада, в большей или меньшей мере глубокого. Об этом свидетельствует, в частности, институт дикой вины и виры Русской Правды, говорящий о том, что в данное время существовали уже хозяйства, т. е. семьи, настолько самостоятельные, что они могли не пожелать вступить в это соглашение, принимая эвентуально ответственность за своих членов полностью на себя. О распаде верви говорит, в частности, предусматриваемый Полицким статутом раздел леса, очевидно, по семьям.

* * *

Остается вопрос: каким образом слово *вервь* сделалось обозначением общественно-родового коллектива и каково значение этого термина? Как указывалось, вопрос о происхождении и коренном значении славянского слова «вервь» остается весьма спорным. Но если принять пока все же широко принятое толкование: вервь — веревка (лат. *funis*), то можно предложить следующее объяснение того, каким образом слово, означающее веревку, приобрело столь далекое и особое значение. Мы знаем, что у различных народов, в разных языках, патронимия обозначалась различными терминами, причем наряду с терминами, выражающими понятие родства и пр., также терминами в известной мере символическими.

Вервь была не только обыкновенной веревкой. Веревка определенного размера была у многих народов-земледельцев мерой длины и орудием измерения земли. Таким орудием служила также палка определенного размера, но для ряда операций измерения палка была непригодна. Постоянным орудием измерения земли и мерой была веревка, в частности, на русском Севере. Отсюда старинные северорусские термины и выражения: *вервить*, *веревить* или *вервовать* — измерять землю веревкой и отводить ее во владение, *вервление* — «измерение земли», *верный* — «измеренный», *вервь* — определенная мера земли и наконец, *вервь* — определенный участок земли³⁸. Замечательную аналогию находим у

³⁸ П. С. Ефименко. Способы измерения земли крестьянами Архангельской губернии. «Архангельские губернские ведомости», 1870, 93, 94, 101—103; 1871, 1; А. Ефименко. Исследования народной жизни. М., 1884, стр. 247—249; В. И. Даль. Толковый словарь.

грузин в выражении *sablis miṣa* — «вервленная земля» (*sablis* — «веревка», *miṣa* — «земля») ³⁹.

Измерение земли играло всегда крупнейшую, особо жизненную роль. Но если в более поздние времена измерение земли, вервление, производилось с целью учета количества пахотной земли, частично — леса (сенокосная земля измерялась в старину всегда по количеству собираемого сена) в видах распределения земли при переделах и раскладке повинностей и налогов, то первоначально, надо думать, это вервление производилось в основном при разделе земли, в частности — разделе общесемейного имущества, т. е. именно при возникновении патронимии.

Все сейчас сказанное приводит к следующему предположению. Не сделалось ли слово *вервь* у древних славян символическим обозначением возникшей из раздела большесемейной земли родственной группы — патронимии? В таком случае выражение *вервная дружина* можно перевести как «разделившаяся (или разделенная) дружина» (а *дружина*, вспомним, — большая семья), выражение *вервные братья* — «разделившиеся братья», *вервики* — «разделенные».

Связь слова «веревка» с понятием родственной группы мы неожиданным образом находим в азербайджанском языке. У азербайджанцев существуют выражения: «у него веревка порвалась» — говорится о человеке, у которого умерли все члены его семьи или глава его семьи или все его родственники, прекратился его род; «на его веревку нельзя надеяться» — на него и его родню нельзя положиться; «чтоб твоя веревка порвалась» — вид проклятия ⁴⁰.

Вервь, как вообще патронимия, имеет свою историю. Соответственно историчен и термин *вервь*. Архаически он обозначал определенную общественную группу, совокупность ее членов, их связь, принадлежавшую им коллективно землю и пр., выражение *вервные братья* обозначало членов верви. Впоследствии, с распадом верви как патронимии, термин *вервь* и его производные стали обозначать соответствующие распадшие формы и отноше-

³⁹ Р. Харадзе. Грузинская семейная община, т. II. Тбилиси, 1961, стр. 27; уточнено на основании личного сообщения автора.

⁴⁰ Сообщено Г. А. Гулиевым.

ния: родственную связь между определенным кругом лиц, линию кровной связи, линию наследования и пр. В тех более поздних исторических, в частности правовых, письменных памятниках, в которых встречаются эти термины, они естественно могут означать не данную архаическую форму как целостную патронимию, а в соответствующих производных значениях тот или иной элемент вервных, патронимических, отношений.

Итак, значение термина *вервь* и его производных зависит от времени, характера памятника, контекста, повода и частного его применения в том или ином смысле. В Русской Правде, например, *вервь* имеет везде значение только определенной группы, родственной или, хотя бы территориальной, но никак не «линии родства» и пр. В Полицком статуте, как мы старались показать, а также в позднейших хорватских памятниках, значение термина *вервь* и его производных более сложно и разнообразно.

Кто не понимает и не учитывает исторической стороны, для того отдельные выражения памятников служат источником заблуждения или бесполезной и бесплодной дискуссии.

4

Выть — старинное, ныне вышедшее из употребления русское слово, встречающееся в письменных памятниках, начиная с XV в.

Термин *выть* имел весьма многообразное значение: участок земли, надел в земле, доля или пай вообще, тягловый участок, т. е. единица хозяйственно-податного обложения, определенная поземельная мера, известное число дворов при раскладке податей, часть села, известное число людей при производстве коллективных сельскохозяйственных работ, артель, определенное количество работы, время еды в течение трудового дня (четыре выти: завтрак, обед, полдник, ужин), определенное количество или порция еды. В памятниках XV в. встречается выражение «моего двора выть» в смысле: та выть или та группа дворов, к которой принадлежит мой двор. В памятниках XVII в., относящихся к Северу, фигурируют выражения: «выть земли», «три четверти выти» или «четверть выти» в такой-то деревне.

В правовых памятниках Московского государства слово *выть* означало, помимо его значения как единицы обложения и пр., также частное вознаграждение, уплачиваемое виновной стороной за вред, причиненный преступлением, причем это слово сменило древнерусские термины *головничество* и *урок*.

Вытник значило в юридических памятниках XVI в. «совладелец», «участник», *вытный* означало в качестве прилагательного — «зажиточный», «работящий», «толковый», в качестве существительного — главу *выти* или старшего артели.

Вполне приемлемого этимологического объяснения слова *выть* мы не нашли. Его оближают с санскритским *выш* — селение, или славянским *весь*, что с нашей точки зрения было бы возможным. Даль производит *выть* от «вытягивать», «тянуть», что маловероятно.

Если судить по вышеуказанной множественности значения и разнообразию словоупотребления термина *выть*, он должен был быть в весьма широком употреблении. Между тем каких-либо развернутых определений, а тем более описаний *выти* мы нашли очень немногие.

Вопрос о *выти* неоднократно обсуждался в русской научной литературе, однако почти исключительно как об участке земли и объекте обложения. Именно в этом плане подвергали специальному исследованию *выть* В. И. Сергеевич, позже А. М. Гневушев, еще позже С. Б. Веселовский⁴¹.

Более широкое историческое толкование *выти* встретило со стороны исследователей непреодолимые затруднения. С. Б. Веселовский даже заявил с некоторой долей отчаянья: «Вопрос о происхождении *выти* останется навсегда в области более или менее правдоподобных догадок. С этим следует примириться»... Но нас как раз интересует именно то, что С. Б. Веселовский назвал вопросом о происхождении *выти*, вернее, вопрос об ее архаической сущности и форме. К сожалению, для посильного

⁴¹ В. И. Сергеевич. Древности русского права, т. III. СПб., 1903, стр. 356—367; А. М. Гневушев. Новгородская *выть* в землях дворцовых в XVII в. «Университетские известия» [Киев], 1912, август; его же. Вытное письмо в дворцовой Дудинской волости Козельского уезда по переписи 1676 года. «Сборник статей, посвященных Л. М. Савелову». М., 1915, стр. 125—137; С. Веселовский. Сошное письмо, т. I. М., 1916, гл. XVII, «Вытное письмо», стр. 440—480.

ответа на этот вопрос мы имеем более чем ограниченный материал.

Прежде всего, заимствуем у того же Веселовского общее указание, что выть как земельная единица имела различные размеры, однако довольно крупные. При этом выть, как земельный участок, состояла из земли различного вида: пахотной, сенокосной и пр., а также различных угодий, в том числе рыболовных⁴². По А. М. Гневушеву, выть в изученных им районах в конце XVI — начале XVII в. состояла в качестве податной земельной единицы из пяти десятин доброй, пяти — средней и семи — худой земли, причем величина выти изменялась в зависимости от качества земли и в иных местностях была большей. Судя по писцовым двинским книгам XVII в., выть заключала в себе, в зависимости от качества земли, от 14 000 до 19 200 кв. сажен⁴³.

Следующую относящуюся к XVI—XVII вв. характеристику выти дает Н. О. Куплеваский. «Сельское общество, всем миром, ...производит разверстку земель между крестьянами и вместе с тем и разверстку государственных податей, а также оброчной и издельной повинности владельцу. Хозяйственной и податной единицей была выть. Эта выть заключала в себе различные количества земли, 6, 7 или 8 десятин, смотря по качеству почвы. Такое, например, количество десятин на выть полагалось в дворцовых селах конца XVI в..., а в половине XVII в. в вотчинах боярина Морозова... и митрополичьих... Кроме того, на выть полагалось определенное число копен сена и некоторое пространство лесу в местностях лесистых». Этот надел выти делился по семьям. «Каждая семья получает такой участок земли, какой она в состоянии обработать. Кто с достатком, может обработать большой участок и соответственно тому платить больше государственных податей и помещичьих доходов, то садился на целую выть, кто беден или малосемьянист, то садился на одну выть вместе с другими и получал только $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$ или $\frac{1}{16}$ выти»⁴⁴.

⁴² С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 449—450.

⁴³ П. С. Ефименко. Указ. соч., № 93.

⁴⁴ Н. Куплеваский. Состояние сельской общины в XVII веке на дворцовых землях и землях духовных и светских владельцев, Историко-юридический очерк. Киев, 1877, стр. 10.

В Вятской земле в XVII в. на выть, как условную единицу взимания податей, полагалось: доброй земли — 10, средней — $12\frac{1}{2}$, худой — 15 четей (четь равнялась 40 кв. сажен, т. е. полдесятины)⁴⁵.

Деление на выти продолжало существовать и в XVIII в. «В мало-мальски значительных общинах,— писал В. И. Семевский,— крестьяне находят неудобным производить передел земли (а следовательно и разверстку повинностей) между меньшими группами, которые уже сами производят раздел между своими членами. Такие подразделения общины носят различные названия и, между прочим, часто называются вытиями. В многолюдных общинах и эти группы оказываются еще настолько значительными, что вновь распадаются на более мелкие группы». В приводимых далее Семевским, по архивным источникам второй половины XVIII в., примерах вытей в имениях кн. Д. М. Голицына мы находим следующие данные. Одна вотчина в Смоленской губ. делилась на 16 вытей, причем по числу людей и десятин пахотной и сенокосной земли во всем имении на одну выть приходилось 363 души мужского пола и 1747 десятин земли. В другом имении в Смоленской же губ. вся вотчина делилась на 4 выти, причем опять-таки по числу людей и земли во всем имении на одну выть приходилось 738 душ мужского пола и 4339 десятин пахотной и сенокосной земли. В третьем имении того же Голицына, находившемся на границах Орловской и Курской губерний, вся вотчина разделялась на 10 вытей, причем здесь на одну выть приходилось 220 душ и 639 десятин⁴⁶.

Мы имеем в приведенных примерах, относящихся ко второй половине XVIII в. и указанным районам, весьма ценные показания о размерах вытей, насчитывавших от 220 до 738 душ мужского пола и имевших от 639 до 4339 десятин земли.

В «Очерках крестьянской общины», написанных в 1878—1879 гг., Н. Н. Златовратский, на основании своих наблюдений в селении Нижние Лопухи Владимирской губ., сообщил следующие сведения о выти. «Выти,— писал Златовратский,— это в представлении народа соб-

⁴⁵ А. Спицын. Земля и люди на Вятке в XVII столетии. Вятка, 1886, стр. 6.

⁴⁶ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование Екатерины II, т. 1, Изд. 2. СПб., 1901, стр. 108—109.

ственно сельскохозяйственные артели, на которые распадаются большие общины для удобства сельскохозяйственных работ». Ниже Златовратский указывал, что выти представляли собой мелкие общины, выделившиеся из большой общины. В отдаленные времена, говорил он далее, выти «сливались с понятием рода». «В настоящее время,— писал дальше Златовратский,— 112 душ (ревизских) нижнелопухинцев распадаются на 7 вытей, по 16 душ в каждой. Большинство из этих вытей еще доселе носит родовые названия, очевидно как остаток некогда существовавших больших патриархальных семей. Так, есть выти: Груздей, Сохатая, Мерзлая, Гусева и пр.». Во главе каждой выти стоит *вытный*.

Златовратский рисует дальше процесс образования или составления вытей при организации и распределении общиной коллективных сельскохозяйственных работ, что называлось «обираться вытями». Как можно понять это описание, дело шло об образовании того, что мы бы сейчас назвали бригадами. Такие группы составлялись из существующих в селе вытей, но ввиду их разной численности, для образования групп более или менее равных по числу рабочих рук, численность их уравнивалась путем добровольного соглашения разных вытей. Как Златовратский замечал, все же «подбор вытей идет или по родству (скорее по свойству, чаще всего сходятся свояки и дальние родственники, скорее, чем близкие: отец с сыном, брат с братом — реже, чем двоюродные братья, двоюродные дядя), или прямо по товариществу, по приятельски, по дружбе»...

Группы, образованные описанным порядком, сохранялись на ряд лет, нося то же название *вытей*. Такими именно вытями были в Нижних Лопухах те вышеупомянутые 7 вытей, которые состояли из 16 *ревизских* душ в каждой⁴⁷.

Выть нашел Златовратский и в селе Пустынь, Рязанской губ. Село это имело 400 дворов и насчитывало 1050 ревизских душ. Оно делилось на 10 вытей, каждая из которых состояла из 105 душ. По этим вытям производились переделы земли. Принадлежавший Пустыньской общине лес тоже был разделен на выти; каждый мог

⁴⁷ Н. Н. Златовратский. Очерки крестьянской общины (Деревенские будни). Сочинения, т. II. Изд. 3. М., 1897, стр. 382—386.

пользоваться лесом (на топливо и строительный материал) только по приговору своей выти⁴⁸.

Краткие сведения о выти относятся еще к Симбирской губернии. Обитатели деревни Унорово в начале XVII в. подразделялись на группы, которые назывались вытями. Община села Шумовка Симбирского уезда еще в 80-х годах XIX в. была разбита на четыре выти, по 250 душ в каждой. Каждая выть пользовалась своим участком земли, который делился между членами выти⁴⁹.

Наш материал о выти, еще раз подчеркнем, крайне невелик. Тем не менее, мы решаемся сделать на основе этого материала попытку ответить на вопрос об архаической сущности выти и ее эволюции.

По нашему мнению, выть архаически была группой родственных семей-домохозяйств, владевших общей землей. Иначе говоря, это была патронимия. Во главе выти стоял вытный. Родовую сущность выти, ее происхождение из сегментации или разделения патриархальной семьи, почувствовал Златовратский, правильно обратив внимание на «родовые» — характерно патронимические — названия вытей.

В таком архаическом виде выти существовали в России в определенную историческую эпоху. Выть составляла часть села, или соседской общины, владея своим наделом земли, леса, угодий. Весьма вероятно, что в более отдаленном прошлом выть нередко составляла отдельный поселок, откуда: выть — весь. Хозяйство выти носило в известной мере замкнутый характер, в соответствии с чем ее земли и угодья были разных видов, удовлетворяя ее различные хозяйственные потребности. Надел выти бывал различных размеров, завися от ее численности, все же — намного больших, чем мыслимый размер надела большой семьи. Эти наделы подвергались в общем порядке, свойственном общинному землевладению и землепользованию, периодическим переделам. Выть делила свою полученную на всю выть землю на отдельные наделы по семьям-домохозяйствам, причем часть земли,

⁴⁸ Н. Н. Златовратский. Пустынская община (Рязанской губернии). В кн.: «Сборник материалов для изучения сельской земельной общины», под ред. Ф. Л. Барыкова, А. В. Половцова и П. А. Соколовского, т. I. СПб., 1880, стр. 161—162.

⁴⁹ В. Э. Красовский. Уноровская община, Симбирской губернии. Там же, стр. 345—346, 362.

в особенности менее интенсивно используемой, как, в частности лес и другие угодья, оставалась в общем владении и пользовании *выти*.

Выть как земельная община, вернее, *вытная* земля, являлась объектом хозяйственно-податного обложения.

С течением времени, в результате фискально-административного воздействия, *выть* как часть обитателей села и как земельный участок стала принимать искусственно-условные размеры, в различных местностях, даже в различных селах — разные. Это выразилось в искусственном разделении села на определенное число *вытей*, с одинаковым числом душ в каждой, а соответственно — и с одинакового размера земельным наделом. При этом не только то и другое сохранило по традиции название *выти*, но сохранялись и пережиточные формы бытования самой *выти* — «обиране *вытями*» и пр. Характерным образом, как это отметил Златовратский, подбор *вытей* при организации сельскохозяйственных «артелей» шел не по близкому родству, не отец с сыном, брат с братом, ибо это — члены семьи, а скорей двоюродные братья, двоюродные дядья, ибо это — члены патронимии.

Хотя *выти* сделались уже искусственными единицами, сохранялся старый традиционный порядок землевладения и землепользования: сначала по *вытям*, а внутри *вытей* — по домам, а не сразу по *тяглам*, по душам или по едокам. При этом часть земельного надела *выти* и теперь оставалась в ее общем владении и пользовании, как это было в селе Пустынь, Рязанской губ., с лесом, по наблюдениям Златовратского, еще в 80-х годах XIX в. Примечательно, что когда *выть* сделалась земельно-податной единицей, она по-прежнему составлялась из земель разных видов (пахоти, сенокоса и пр.) и разного качества. Это наглядно показывает происхождение *выти* из патронимического владения, имеющего разносторонний хозяйственный характер.

Вышесказанное объясняет ряд тех различных значений термина *выть*, которые приведены выше. Объяснимы и такие значения слова *вытный* как «зажиточный», «рабочий»: в условиях переживаемого *вытью* первобытно-общинного уклада и первобытной трудовой дисциплины ее члены были, как одновременно и члены больших патриархальных семей, сравнительно с членами малых семей, образцами людей «рабочих» и «зажиточных».

Поддается объяснению и термин *выть* в качестве уголовно-материального вознаграждения. *Выть*, как и *вервь* Русской Правды, была кругом коллективно и солидарно ответственных за ущерб, причиненный преступлением одного из членов *выти*, причем самое вознаграждение бралось из общего имущества *выти*, аналогично порядку, предусмотренному статьями 3 и 4 Русской Правды. Частное вознаграждение получило в Московском государстве название *выти* совершенно аналогично выражению *вервьное* Русской Правды.

Возвратимся теперь еще раз к судьбе древней славянской верви. Термин этот на Руси, насколько мы знаем, исчез как термин после XII в. В древней Хорватии он, как мы видели, спорадически держался до XVI в. Но если *вервь* как термин исчезла с листов правовых или вообще исторических письменных памятников, то значит ли это, что исчезла и соответствующая общественная форма? Ничто не может быть неразумнее такого предположения. История языка знает громадное количество исчезнувших старинных терминов без того, чтобы исчезали соответствующие явления.

Хорватская *вервь* как термин в конечном счете исчезла, но остались в употреблении совершенно соответствующие по своему значению и тоже, видимо, древние термины *братство* или *племя*, являющиеся, так сказать, преемниками древней *верви*.

Древнерусская *вервь* — патронимия была экономически обусловленной общественно-исторической формой. Она могла изменяться, трансформироваться, изживаться, но должна была сохраняться в том или ином виде на протяжении известного периода, пока сохранялись условия, ее поддерживавшие. Не следует ли поэтому считать вышеописанную русскую *выть* XV—XIX вв. преемницей древней *верви*? Кто считает *вервь* соседской общиной, не станет, пожалуй, возражать, что она под названием *мир* дожила в России до XX в. Почему не допустить, если считать *вервь* патронимией, что она сохранялась под названием *выти*, как сохранялась патронимия у многих народов?

Таясь в глубинах народного быта, *вервь* — *выть* — патронимия дожила, естественно в глубоко пережиточном виде, до сравнительно недавнего прошлого.

V

СЕВЕРОРУССКОЕ ПЕЧИЩЕ, УКРАИНСКИЕ СЯБРЫ И БЕЛОРУССКОЕ ДВОРИЩЕ

Основные черты северорусского *пéчища* по А. Я. Ефименко, В. И. Сергеевичу, М. М. Богословскому и М. А. Островской. Печище как село из нескольких родственных семей-дворов. Долевое землевладение. Вопрос о происхождении печища. Украинское *сябрыно* землевладение по исследованиям И. В. Лучицкого. *Сябры* — небольшой родственный поселок. Особенности землевладения. Белорусское *дворище* по А. Я. Ефименко, М. В. Владимирскому-Буданову, Ф. И. Леонтовичу и М. В. Довнар-Запольскому. *Дворище* как «родовая община». Общность и единство всех трех форм. Вопрос об общественно-исторической сущности данной формы. Происхождение ее из разделения семейной общины. Черты патронимии: родственный состав, отдельное небольшое селение, либо отдельный квартал, общее патронимическое наименование. Термины «печище», «дворище», «сябры». Долевое землевладение как пережиток коллективного землевладения патронимии. Вопрос о начальном типе восточнославянского сельского поселения.

В 80—90-х годах XIX в. внимание ряда русских историков привлекла к себе оригинальная форма крестьянского землевладения, существовавшая в прошлом на русском Севере под названием *пéчища*, у украинцев — под названием *сябры* и у белоруссов — под названием *двори́ща*. Исследование этих форм землевладения, представляющих собой одновременно и формы поселения, привело к значительным научным результатам, но в ряде отношений осталось все же недостаточным. Не только недостаточным, но иногда и неверным оказывается решение вопроса об общественно-исторической сущности данных форм. Этот именно

вопрос преимущественно мы имеем в виду рассмотреть в настоящем очерке.

Передадим прежде всего вкратце основные черты названных местных форм в том виде, в каком эти формы были описаны и охарактеризованы.

Изучая документы XVI—XVIII вв., относящиеся к Архангельскому краю, А. Я. Ефименко нашла, что в ту пору основным типом сельского поселения было *пéчище* — село, состоявшее по общему правилу из нескольких родственных семей-дворов¹. Существование в том же крае небольших деревень, состоящих из двух-трех и более дворов, все члены которых носят большей частью одну фамилию, отметил и П. Сергеев уже для XIX в.² Таким образом, «пéчища» — села, состоящие из небольшого числа родственных дворов, существовали и сохранялись в Архангельском крае на протяжении ряда веков и вплоть до 70-х годов XIX в.

Согласно другому указанию Ефименко, термин «печище» употреблялся в тех же местах в новое время уже в ином значении: «Теперь,— писала Ефименко,— *печище* в Архангельской губернии чаще всего обозначает деревню в нашем смысле слова, т. е. в смысле совокупности угодий, тянувшихся к населенному месту, иногда нескольких деревень, имеющих общее землевладение». Отметим еще указание С. А. Приклонского на существование на Севере деревень, состоящих из трех-четырёх домохозяйств, составляющих каждая особую *себру*. Этот автор, однако, не говорит о родственном составе таких деревень, а «себрами» называет «товарищества из 3—4 домохозяйств для совместных земледельческих работ»³.

Характеризуя особенности землевладения исторического *печища*, Ефименко писала: «Старая севернорусская деревня представляла собой поземельное целое, разбитое на доли. Каждый деревенский совладелец, или двор, имел право на известную долю этого

¹ А. Ефименко. Крестьянское землевладение на крайнем Севере. «Русская мысль», 1882, 4—5; перепечатано в книге: А. Ефименко. Исследования народной жизни, вып. I. Обычное право. М., 1884.

² П. Сергеев. С Севера (Очерки общинного владения в Архангельской губернии). «Дело», 1880, 4.

³ С. А. Приклонский. Народная жизнь на Севере. М., 1884, стр. 48—49.

целого. Не определенный участок земли принадлежал тому или иному двору, а право на выдел известной доли из каждого поля, каждой пожни, каждого угодья, входящего в район деревни. Отсюда вытекала необходимость передела или уравниения: если деревенский дольщик находил, что земля, которой он пользуется, не представляет собой величины той идеальной доли, на какую он имеет право, он мог требовать, чтобы земля была переделана и уравнена. С этой стороны старая севернорусская деревня представляет собой типичные черты общинного склада, но зато с других сторон она очень уклоняется от того, что мы привыкли связывать с понятием поземельной общины. Деревенский дольщик был полным собственником своей доли: если его права собственности и подвергались ограничению, то эти ограничения не вытекали из организации поземельного владения. Он мог покупать и продавать, завещать и наследовать, отдавать и получать в приданое, мог дробить и даже разрывать на куски свою долю. Естественно, что при этом условии не могло быть равенства в поземельном владении — этого безусловно необходимого элемента поземельной общины». Несколько дополнив и разъясняя эту характеристику, Ефименко в другом месте той же своей работы писала: «Печище, дробясь и делясь, все-таки продолжало смотреть на себя, со стороны поземельных отношений, как на целое, до дележа — простое, после дележа — сложное. Каждый участник дележа получал не определенный кусок земли, который бы он мог выделить из целого, а лишь право на известную долю в каждом из лоскутов, полей и угодий, входящих в деревню... Двор был настоящим собственником своей доли: мог распоряжаться ею по произволу, лишь с теми ограничениями, какие проистекали из права выкупа, принадлежащего родственникам и деревенским совладельцам». Беря за основу указанные особые черты землевладельческих отношений севернорусского села-печища, Ефименко предложила называть эту «особую поземельную деревенскую организацию, ... за неимением соответствующего научного термина, долевой организацией, долевым владением».

Что касается происхождения этого архаического печища-села в несколько дворов, то, по мнению Ефименко, оно представляло собой результат раздела одной

семейной общины, в свою очередь именовавшейся в старину «печищем», а возникновение данной формы Ефименко относила к эпохе распада родового строя и одновременно распада семейной общины. «Описанная нами... деревенская поземельная организация,— писала Ефименко,— была общим типом старой русской поземельной организации (по крайней мере для Новгородского района), выросшим на развалинах той последней стадии родового быта, которая называется у юго-западных славян задругой, а на Севере — печищем». С другой стороны, Ефименко считала эти семьи-печища единицами колонизации Севера: «Финский север,— писала она,— колонизовался семейными союзами, соответствующими сербской задруге». Таким образом, та же семья-задруга была, по Ефименко, начальной общественной формой русских колонистов: «Начало достоверной истории,— говорила она,— застает на Севере господство задружной формы как в семье, так и в организации поземельной собственности».

Несколько иной, но по существу весьма близкий сейчас приведенному, взгляд на происхождение печища высказал В. И. Сергеевич. Он отверг уподобление бывшего русского крестьянского двора югославянской задруге, считая, что это было по общему правилу и преимущественно хозяйство малой, индивидуальной семьи⁴. Одновременно Сергеевич считал начальной формой поселения русского крестьянства однодворное поселение. «Первоначальная деревня,— писал он,— есть не что иное, как отдельный пашенный двор с хозяйственными постройками и принадлежащей к нему землей», и т. д.⁵ В соответствии с этими взглядами Сергеевич происхождение архангельского печища выводил обязательно из однодворного поселения. «Деревня в один двор,— писал он,— есть деревня, принадлежащая хозяину двора. Деревня в два-три двора есть деревня второго поколения хозяина деревни в один двор. Сыновья первого хозяина деревни в один двор селятся, конечно, тут же рядом. В новгородских писцовых книгах есть деревни в три, четыре двора, которые носят наименование от личных имен: Иванова деревня, Афанасьева

⁴ В. Сергеевич. Древности русского права, т. III. СПб., 1903, стр. 42 и сл., в особенности стр. 65—66.

⁵ Там же, стр. 45.

и пр. Это деревни родственников. Они-то и носят в XVIII веке (а может быть и ранее) наименование «печищ»⁶.

Точно такой же взгляд на начальную форму поселения русского Севера высказал, последовав за Ефименко и Сергеевичем, М. М. Богословский. Указав на малодворность русской северной деревни XVII в., Богословский заключал: «Первоначальной и типичной деревней на севере была деревня однодворка, т. е. именно двор с принадлежащими к нему угодьями»⁷.

Тема и тезисы А. Я. Ефименко были впоследствии вновь развиты М. А. Островской, сосредоточившейся, впрочем, преимущественно на вопросе о разложении долевого владения. Чего-либо существенного для характеристики самого печаща Островская не дала, но известное значение имеет собранный этой исследовательницей материал о сохранении права родового выкупа долей, представляющего собой пережиточное выражение бывшего родственно-коллективного владения. И Островская в свою очередь присоединилась к тезису об односемейном или однодворном поселении как начальной форме⁸.

Произведенное И. В. Лучицким исследование документов XVII в., относящихся к районам Полтавщины и Черниговщины, обобщенное в его работе, напечатанной в 1889 г., привело автора к выводу, что распространенной формой крестьянского землевладения было здесь в ту пору так называемое *сябриное* землевладение, представлявшее собой форму коллективного владения земель группой родственных семей-дворов. Лежавшее в основе сябриного землевладения начало кровной связи держалось, указывал Лучицкий, весьма стойко, несмотря на то, что самый этот порядок распадался и подвергался трансформации. Сябры составляли отдельный поселок, носивший патронимическое название. Характерной чертой украинских селений того времени была

⁶ В. И. Сергеевич. Крестьянские права и общинное землевладение в Архангельской губернии в половине XVIII века. «Журнал Министерства юстиции», 1907, 2.

⁷ М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в., т. I. М., 1909, стр. 146, 161.

⁸ М. Островская. Земельный быт сельского населения русского Севера в XVII—XVIII веках. СПб., 1913.

их небольшая величина. «В половине XVII в.,—сообщал Лучицкий,— крупных сел в рассматриваемой области почти не было. Громадное число поселков состояло из 3—20 дворов, причем преобладающими были села с 3 до 7 и 8 дворами. А многие из них, как мы знаем, были заселены либо однофамильцами, либо «кровными» и... владели то совместно все, то отдельно каждая семья общими землями».

Особенность украинского сябринаго землевладения состояла в следующем. При коллективном владении общей землей каждый сябр или каждая семья обладали правом владения своей, выделенной ей, но остававшейся, говоря юридическим языком, идеальной, долей во всех угодьях владений сябринства или, как гласят украинские акты, являлись владельцами определенного *уступа*, т. е. участия в этом общем земельном владении. Уступы эти подвергались время от времени переделу между отдельными сябрами. Уступ мог быть продан как всем сябринством, так и одной выделившейся из него семьей, как от сябра к сябру, так впоследствии и посторонним лицам, однако при условии общего согласия всех сябров, причем все это без того, чтобы последовало фактическое дробление общей земли и коллективного ею владения. Иначе говоря, уступалась и продавалась не сама земля, а лишь право владения и пользования в ее определенной части.

«Сябриное землевладение,—приходил к выводу Лучицкий,— было несомненно особой и оригинальной формой землевладения вообще, отличной от чисто общинной и еще в большей степени от подворной формы. Своим возникновением оно было обязано распадению единой и цельной сложной семьи на отдельные группы семей или дворов, которые связаны были друг с другом общностью происхождения, кровным родством, представляя собой «род, племя», но при распадении сохранили общее владение землями и угодьями отчизными, дедизными и прадедизными. Земли эти, разбиваемые в некоторых частях своих на пайки, распределялись между группами в момент раздела поровну, а затем, с дальнейшим распадением групп, лишь пропорционально, соответственно доле «уступа» каждой вновь образовавшейся группы. Пайки эти не были постоянным неизменным владением той или иной группы, а перехо-

дили от одной к другой периодически путем переделов, и каждая группа имела право не на данную землю, а лишь на идеальную долю определенного размера во всех без исключения общих угодьях и землях»⁹.

Третья, аналогичная северорусскому печищу и украинским сябрам форма поселения и землевладения — белорусское *дворище* — было впервые исследовано в 90-х годах XIX в. одновременно А. Я. Ефименко и М. В. Владимирским-Будановым¹⁰.

Изучая формы землевладения Полесья (Пинского повета) по документам XVI в., Ефименко констатировала здесь дворищное землевладение, имевшее такой же долевой характер, как и описанное ею раньше северное. Самое дворище Ефименко характеризовала следующим образом: «Дворище,— писала она,— есть совокупность известного небольшого числа дымов», а именно — от 5 до 11. Несколько дворищ составляли село. Так, в одном приводимом автором примере село состояло из 7 дворищ. «Дворище,— указывала далее Ефименко,— были собственностью, как и северные деревни, «рода-племени», т. е. более или менее обширной группы ближайших родичей, иначе говоря, большой или задружной семьи... Отсюда патримониальные¹¹ назва-

⁹ И. Лучицкий. Сябры и сябриное землевладение в Малороссии, «Северный вестник», 1889, 1—2; отдельное издание: СПб., 1889; то же на французском языке: *Études sur la propriété communale dans la Petite Russie*. «Revue internationale de sociologie», 1895, 3; то же по-немецки: *Zur Geschichte der Grundeigentumsformen in Kleinnrussland*. «Schmoller's Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft», 20, 1896; реферат этой работы Лучицкого: A. Jabłoński. *Siabrostwo, jako jedna z form rodowego posiadani ziemi w krainach litewskich-russkich rzplitej*. «Ateneum» [Warszawa], 1890, III, 3; некоторые новые данные о сябровстве см.: Fr. Rawita-Gawroński. *Siabrostwo jako forma władania ziemią*. В кн.: Fr. Rawita-Gawroński. *Studia i szkice historyczne*. Serya II. Lwów, 1900, p. 145—173.

¹⁰ Первый исследователь западнорусского сельского землевладения XVI—XVII вв. Н. Д. Иванишев не выделял данной формы; см.: Н. Д. Иванишев. О древних сельских общинах в юго-западной России, «Русская беседа», 1857, 3; отдельное издание: Киев, 1863; перепечатано в книге: Н. Д. Иванишев. Соч., Киев, 1876, стр. 231—295.

¹¹ А. Я. Ефименко хотела, очевидно, сказать «патронимические»; патримония (лат. *patrimonium*) — имущество, перешедшее от предков, родовое наследство, то же, что слав. «отчина»; патронимия — название, образованное из собственного имени предка.

ния дворищ». Констатируя уже преимущественно распадное состояние данной формы, Ефименко писала: «В известный период дворищное землевладение уже не было нераздельным землевладением большой семьи-задруги..., дымы дворища были самостоятельными земельными хозяйствами» и ниже: «Дворищное землевладение было... землевладением маленьких групп, сначала только родственников, позже и не родственников»¹².

Констатируя в свою очередь существование в Белоруссии, в особенности в Полесье, в XVI в. дворищ, в ту пору уже распадавшихся, М. В. Владимирский-Буданов называл их «родовыми общинами». Дворище,— писал он,— «форма общинно-родовая, имеющая значительное сходство с хорватской задругою». Дворище, указывал он далее, состоит из нескольких дымов, в которых живут отдельные семейства, на общей усадьбе, однако усадьба может быть и не общей. «В большинстве дворов,— писал Владимирский-Буданов,— население их образовалось из родственников, из семьи, превратившейся в целый род».

Развернутое определение дворища Владимирский-Буданов формулировал следующим образом: «Дворищем (в смысле личного состава) называется общество лиц, связанных в главной своей части родовым единством, но допускающее примесь чужеродцев, имеющее одного главу (который обыкновенно дает имя дворищу) и членов, именуемых потужниками. Дворищем в объективном смысле называется участок земли — усадьбой, пахотной и угодий,— состоящий во владении одной группы лиц». Члены дворища иначе назывались также «попличниками», «именниками», «братьями», «племенем», «родичами». Если все дворище не называлось по имени его живущего главы, то имело преимущественно патронимическое название. Дворище в приводимых автором примерах состояло из 6—8 индивидуальных семей, 11—12 лиц мужского пола. Земля дворища составляла его общую собственность. Если отдельные члены дворища переходили на жительство в

¹² А. Ефименко. Дворищное землевладение в Южной Руси. «Русская мысль», 1892, 4—5; перепечатано в книге: А. Ефименко. Южная Русь, т. I. СПб., 1905.

другое место, то земля архаически оставалась в пользу оставшихся его членов, впоследствии — продавалась¹³.

Коснулся вопроса о дворище также Ф. И. Леонтович в своей работе о крестьянском дворе в Литовско-русском государстве. Отметив здесь распространенность хуторных форм поселений, Леонтович указал, что эти поселения архаически состояли из родственников, носивших одно и то же имя, однофамильцев, или, как они именовались в актах, «именников», также — «братьев», «племени» или «родичей». При этом Леонтович констатировал, что наряду с термином *дворище* в актах встречается термин *печище*, а также, главным образом в северной части Литовско-русского государства, и термин *сябры*¹⁴.

Общую характеристику белорусского дворища находим также в работе М. В. Довнар-Запольского о западно-русском крестьянстве в XVI в. «Первичной общинной организацией (в пределах Литовско-русского государства), — писал Довнар-Запольский, — было «дворищное землевладение с семейно-родовым характером, или сябриное. Дворище, служба, могло быть достоянием или одной простой, или сложной неразделившейся семьи; тогда оно не составляло еще общины. Но с увеличением населения дворища чисто семейный его характер постепенно утрачивается. Определяются части общего владения (хотя бы в натуре и не выделенные), принадлежащие совладельцам; в дворище вступают приемные члены, сябры; из совладельцев дворища одни могли выделиться, другие — продать свои доли, третьи — приобрести имущество или землю на стороне, наряду с продолжением своего участия в дворищном сябрином хозяйстве. Образуется дворищная или сябриная община. Основой ее является общее пользование землей и общее хозяйство». Отметим еще из той же работы Довнар-Запольского его указание на то, что в описываемое

¹³ М. Владимирский-Буданов. Формы крестьянского землевладения в Литовско-русском государстве XVI в. В кн.: «Киевский сборник в помощь пострадавшим от неурожая», под ред. И. В. Лучицкого. Киев, 1892, стр. 357—386.

¹⁴ Ф. Леонтович. Крестьянский двор в Литовско-русском государстве. «Журнал Министерства народного просвещения», 1896, 2, 3, 4, 7, 10, 12; 1897, 3—4; см. в особенности: 1896, 4.

им время «громадное большинство сел состояло всего из 1—3, редко более, дворищ»¹⁵.

В другой своей работе, посвященной государственному хозяйству Великого княжества Литовского, Довнар-Запольский, коснувшись вопроса о дворище, отметил следующие его черты. Семья разрасталась и некоторые ее члены выделялись «на свой хлеб» и получали свою «долю», однако земля оставалась общей, в общей собственности. Каждый сябр мог припахивать себе еще землю в лесу. «Долю» можно было продать, но родственники имели право выкупа¹⁶.

Таковы конкретные данные, характеризующие интересующую нас форму в ее проявлениях на русском Севере, на Украине и в Белоруссии.

Если каждому из трех образцов этой формы и свойственны некоторые исторические и локальные отличия и особенности, то нет никакого сомнения в том, что все они представляют собой по существу одну и ту же общественную форму, форму родственного в основе сельского поселения и одновременно — землевладения. Впервые М. М. Ковалевский в статье, написанной по поводу ранних работ Лучицкого о сябрином землевладении, высказал, что данный тип землевладения вполне соответствует той северорусской «долевой собственности», о которой говорила Ефименко¹⁷. Впоследствии сама Ефименко, говоря о белорусском дворище, с одной стороны, повторила сближение Ковалевского, с другой стороны, отождествила дворище с северным печищем.

Подтверждение тождества описываемой нами формы в ее трех образцах составляет и то, что определяющие ее термины — «печище» и «сябры» — не являются только местными: как было видно, оба эти термина встречаются и на Севере, и в Белоруссии. Что же касается термина «дворище», то в нашем материале он в смысле формы поселения или родственной группы

¹⁵ М. Довнар-Запольский. Западнорусская сельская община в XVI веке. «Журнал Министерства народного просвещения», 1897, 7; в переработанном виде — в книге: М. Довнар-Запольский. Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI веке. Киев, 1905; цит. по этому позднейшему тексту.

¹⁶ М. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах, т. I. Киев, 1901.

¹⁷ М. Ковалевский. Общинное землевладение в Малороссии в XVIII в. «Юридический вестник», 1885, 1.

относится только к Белоруссии, вообще говоря, известен русским письменным памятникам, в частности новгородским, начиная с XII в.¹⁸, встречается и позже на Севере в смысле «дома», «двора» или «усадебь».

Как было сказано, вопрос об общественно-исторической сущности описываемой формы получил недостаточное освещение. Наши исследователи, правда, скорее и не занимались этой стороной предмета, интересуясь преимущественно вопросами землевладения. Все исследователи единогласно и настойчиво отмечали тот, впрочем, достаточно явственно выступающий из материала факт, что пред нами здесь в основе родственная группа, вид родственного коллектива. Однако, какая именно это группа, какой вид, — в этом отношении все авторы отчетливого представления не давали, а подчас и делали прямую ошибку.

Ефименко называла печище и дворище то «родом-племенем», то «большой или задружной семьей», несмотря на то, что тут же определяла эти формы как «совокупность известного числа дымов», т. е. отдельных самостоятельных дворов-домохозяйств. Точно так же Лучицкий называл сябров «родом-племенем». Владимирский-Буданов называл дворища «родовыми общинами» или «целым родом», одновременно заявляя, что они имеют «значительное сходство с хорватской задругой». Наконец, Довнар-Запольский характеризовал дворище как имеющее «семейно-родовой характер».

Здесь сказалось существовавшее вообще в русской старой литературе неотчетливое представление об общинно-родовых формах, в частности о семейной общине или большой семье, и смешение ее с родом¹⁹.

Отождествляя таким образом данную форму с семьей, наши исследователи одновременно выводили эту форму из размножения и разделения семьи. Так, Ефименко считала печище результатом раздела одной семейной общины, Владимирский-Буданов указывал, что дворище «образовалось из родственников, из семьи, превратившейся в целый род». Довнар-Запольский тоже

¹⁸ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I. СПб., 1893, статья «Дворище».

¹⁹ См. об этом выше, главу «Семейная община. История исследования».

относил возникновение дворища к разрастанию семьи и выделу из нее отдельных ее членов. Ковалевский в цитированной статье писал, что как сябры, так и печище стоят «в тесной связи... с нераздельной семейной общиной, являясь не более как производной от нее формой, формой, развившейся в эпоху ее разложения», еще раз отмечая далее, что сябры представляют собой «членов распавшейся на отдельные дворы семейной общины». Более удачно, прямо приближаясь к пониманию действительного происхождения данной формы, формулировал Лучицкий, что сябриное землевладение «своим возникновением... было обязано распадению единой и цельной сложной семьи на отдельные группы семей или дворов». Наконец, особо подчеркивал происхождение печища из начальной малой семьи Сергеевич.

Таким образом, все авторы, касавшиеся этого вопроса, вели происхождение рассматриваемой нами формы либо из семейной общины, либо из размножающейся малой семьи.

Тогда как присущий исследуемой нами форме порядок землевладения является в известных отношениях оригинальным, данная общественно-историческая форма, как родственный коллектив и как территориальная единица — селение, имеет многие аналогии и представляется широко распространенной в качестве явления распада родового строя. Форма эта — *патронимия* ²⁰.

Извлеченные нами из существующих источников описания северорусского печища, украинского сябринства и белорусского дворища представляют эти формы далеко не в полном их виде. Не обратившись к первоисточникам, мы не можем судить, имеется ли возможность восполнить эти описания. Позволим себе, однако, высказать, что недостаточно отчетливое представление о данной общественно-исторической форме могло помешать исследователям обратить на нее, как таковую, больше внимания и более полно ее представить, могло обусловить то, что ряд элементов, в первоисточниках содержащихся, от внимания ускользнул. Но и собранный нами литературный материал вполне достаточен для того, чтобы отождествить указанные формы с патронимией, в том или ином ее историческом состоянии.

²⁰ См. выше, главу «Патронимия».

Хотя, повторяем, наши описания в значительной мере неполны и односторонни, мы находим в них ряд специфических элементов, присущих патронимии. Суммируя те элементы, которые отмечены исследователями печища, сябринства и дворища, мы имеем следующее.

Везде весьма стойко сохраняется родственный состав. Во всех трех ее образцах восточнославянская патронимия состоит из нескольких родственных семей, каждая из которых является в известных отношениях отдельной хозяйственной единицей, домом-домохозяйством, «двором» или «дымом». Размеры всех наших образцов патронимии не велики и более или менее одинаковы. Как гласят показания, печище состояло из двух-трех и более дворов, сябры составляли группу из 3—20 дворов, причем преобладающим числом дворов было от трех до семи-восьми, дворище — от пяти до одиннадцати дымов, по Ефименко, или от шести до восьми, по Владимирскому-Буданову. Эти группы семей-дворов составляли везде преимущественно отдельный поселок. Такое именно небольшое селение было, по Ефименко, основным типом поселения Севера в XVI—XVIII вв., о преобладании таких именно отдельных небольших сябриных поселков на Украине в XVII в. говорит Лучицкий, и лишь дворища, наряду с такими же однодворищными поселками, образовывали и другой, нам в свою очередь знакомый, тип поселения, в котором несколько дворищ составляли село, т. е. дворища были в селе отдельными его частями или кварталами; по Довнар-Запольскому, в XVI в. громадное большинство сел состояло из одного-трех, редко более дворищ; в одном примере, приводимом Ефименко, село состояло из семи дворищ. Между прочим, интересный и существенный вопрос, были ли эти соединенные в одном селе дворища между собой родственными, как это встречается во многих этнографических примерах, остается неосвоенным.

Что касается наличия в соответствующие эпохи в районах распространения печища, сябров и дворища поселений, состоящих не из патронимий, а из одной семьи, однодворных, то при недостаточной и в этом отношении отчетливости существующих показаний все же вне сомнения, что такие поселения-хутора были лишь исключениями и даже редкими исключениями.

Общественное единство восточнославянских патронимий прямо определялось тем, что они составляли по общему правилу отдельный, следовательно, так или иначе самостоятельный поселок, и это же должно было оставаться их принадлежностью, когда они образовывали отдельный квартал в селе. Лишь единственное указание Владимирского-Буданова, относящееся к дво-рищу, говорит, что таковое имело своего главу.

Идеологическое единство всех этих патронимий выражалось в том, что все члены носили одну фамилию, либо патронимия носила патронимическое название. В частности, дворище называлось по имени его живущего главы, либо патронимическим вообще названием, т. е. по имени более отдаленного предка.

Будучи, как по своему происхождению, так и по своему основному существу и составу, родственным коллективом, восходя к родовому строю, форма, о которой идет речь, в ту эпоху и в том ее состоянии, которое освещается историческими источниками, находилась уже в состоянии глубокого распада. Этим объясняется то обстоятельство, что печище, сябры и дворище состояли, видимо, уже преимущественно из малых семей. Это же выразилось, в частности, в том, что эти коллективы теряли уже свой чисто родственный характер и в отдельных случаях имели в своем составе и неродственников.

Термины, которыми обозначаются первобытные общественные группы, обычно довольно выразительно определяют сущность этих групп. С другой стороны, весьма нередко термин, обозначающий меньшую группу, переносится на группу более широкую, происходящую от размножения первой, причем тогда одним и тем же термином обозначаются разные группы. В наших примерах мы имеем *печище* — термин, принадлежащий к рапространенному виду обозначений семейной общины со стороны ее хозяйственно-потребительской сущности, перенесенный на более широкую родственно-хозяйственную общину — патронимию. Мы встречаемся здесь и с перенесением данного термина на еще более широкий коллектив — село или соседскую общину по тому признаку, что этот новый коллектив в известной мере сохраняет основной элемент прежнего объекта данного термина — коллективное владение землей и некоторые

другие элементы общинного начала. К тому же разряду терминов относится белорусское *дворище*, где *двор* является обозначением семейной общины, его производное — *дворище* — более широкой группы — патронимии. Этимологическое значение термина *сябры* (себры, шабры), как известно, спорно. Видимо все же, первоначальное значение этого общеславянского термина — родственное, имеющее в виду семью, одновременно — домохозяйство, дом. Таким образом, мы имеем и здесь перенесение термина с основной родственной ячейки на более широкую родственную группу, а затем на группу, связанную иной, территориальной и хозяйственной или только хозяйственной общностью, откуда новые, позднейшие значения: *сябры* — «соседи», «соучастники», «пайщики»²¹.

Единственная сторона печища, *сябринства* и *дворища*, освещенная более подробно, — это землевладение, составляющее в сущности основную тему исследования наших авторов. Но и эта сторона описана недостаточно, в частности не уделено должного внимания, наряду с землевладением, и землепользованию. А без уяснения порядка землепользования и вопрос землевладения остается освещенным далеко не полно.

Оригинальную сторону землевладения восточнославянских образцов патронимии составляет порядок, названный А. Я. Ефименко «долевым владением», состоящий, однако, преимущественно в принадлежащем отдельным семьям-дворам праве продажи своих идеальных долей, «уступов». Это — несомненно оригинальная форма соединения коллективной собственности с частной собственностью, оригинальная разновидность того свойственного истории собственности переходного состояния, которое В. И. Ленин назвал компромиссом между общинным и частным землевладением²². Такое юридическое построение права собственности и распоряжения *идеальной* долей общего имущества — института, свойственного лишь высокоразвитым правовым системам, представляет собой замечательное проявление народного правотворчества. Но и эта сторона дела

²¹ См. о термине *сябры* также выше, главу «Патронимия».

²² См.: В. И. Ленин. Конспект книги К. Каутского «Аграрный вопрос». «Ленинский сборник», XIX, М., 1932, стр. 31.

была охарактеризована нашими исследователями не вполне отчетливо, что сказалось на тех формулировках данного порядка, которые были нами приведены.

Для нас, впрочем, важно только отметить, что оригинальный порядок землевладения, существовавший в наших образцах патронимии, отражая уже распадное состояние, ярко свидетельствует о былом полном коллективизме землевладения, равно как, вероятно, и землепользования, и о замечательной устойчивости коллективного владения землей вместе с устойчивостью самой патронимии и ее уклада. Частными пережитками коллективного владения являются здесь в свою очередь широко распространенные порядки, свидетельствуемые и нашими описаниями: требование общего согласия всей патронимии на продажу земельной доли, принадлежащее родичам-членам патронимии право предпочтительной покупки (*jus preemptionis*), равно как и право выкупа, так называемого «родового выкупа», доли, проданной постороннему лицу.

Говоря о возникновении исследуемых нами конкретных форм восточнославянской патронимии и ведя это возникновение от семьи, большой или малой, некоторые из наших авторов, прямо или косвенно, затрагивали вопрос о «первоначальной» форме сельского поселения, сводя эту форму к поселению одной семьи, однодворному. Этот мотив звучит у Довнар-Запольского, различающего архаическое, или первоначальное, дворище, состоящее из «одной простой или сложной семьи»; и более определенным образом у Ефименко, которая, как это явствует из приведенных нами цитат, считала, что печище в виде одной семейной общины или одного двора было первичным, создавшимся в процессе колонизации, типом поселения русского Севера. Особо подчеркнуто выразил этот взгляд Сергеевич, что, как было сказано, соответствовало общему взгляду этого исследователя на архаический тип поселения, а за Сергеевичем, с той же решительностью, и Богословский.

Этот взгляд на «начальный» тип сельского поселения представляет собой выражение широко распространенной, глубоко вкоренившейся и в старой русской историографии, своего рода теории «начальной» однодворной деревни. Не вдаваясь в разбор и критику этой, по нашему мнению, сугубо ошибочной теории, мы хотим

здесь только указать, что теория эта не соответствует во всяком случае тем конкретным данным, которые содержатся в материале о печище, сябрах и дворище. Данные эти, извлеченные из показаний наших авторов, были нами с точностью воспроизведены. Речь идет здесь о поселениях, состоящих везде и всегда минимум из двух-трех дворов, т. е. не из одной семьи, одного двора, а из нескольких отдельных домохозяйств. Таким образом, эти данные единодушно говорят о том, что в исследованных районах русского Севера, Украины и Белоруссии в XVI—XVIII вв. *обычным типом селения* было селение не односемейное, однодворное, а состоящее всегда из нескольких дворов, или семей, т. е., как мы бы выразились, *селение патронимическое*.

Правда, эти патронимические поселения были в ту пору невелики. Это обстоятельство объясняется тем, что в эпоху, к которой относятся существующие данные, патронимия находилась, очевидно, в состоянии глубокого распада, семья была преимущественно малая, вследствие чего и патронимия не могла быть большой. Теми же обстоятельствами объясняется и наличие, наряду с патронимиями, однако скорей в виде исключения, однодворных деревень, которые могли представлять собой опять-таки свойственную тому же распадному состоянию, вообще говоря широко распространенную, форму отселков и выселков из патронимии. При толковании документов той эпохи необходимо также учитывать и общеизвестную относительность понятия и термина «деревня». Наконец, быть может, более близкое рассмотрение материала показало бы, что эти однодворки находились, во-первых, в тесной территориальной близости одна от другой, во-вторых, в определенной связи либо между собой, либо со своей исходной патронимией.

Не говоря о перенесении этой «однодворки» в какую-то вне времени «первоначальность», отнесение этого типа поселения к эпохе колонизации, помимо противоречия фактическим данным, не соответствует и общим условиям исторических колонизационных движений восточных славян. В эпоху, когда эти движения происходили, род уже совершенно распался, распадалась и семейная община. В тяжелых условиях колонизации, при сравнительно низком уровне техники, малая семья была слишком слабой группой для создания на новых

местах новых хозяйств. Требовались большие хозяйственные коллективы, которыми и были как раз патронимии. Таким образом, именно патронимиям можно скорее приписать значительную роль в истории колонизации.

Во всяком случае, о чем бы ни шла речь у названных нами авторов, о каком-то вне времени «первоначальном», либо свойственном процессу и эпохе колонизации «типичном» поселении, мы не видим, из каких конкретных оснований исходили эти авторы, делая свой вывод, что это поселение было обязательно однодворным²³.

²³ Напомним, что, как нами отмечено выше, в главе «Патронимия», М. В. Витов в своей работе 1955 г. показал, что русские северные деревни, в том числе и однодворные, редко стояли в одиночку, обычно же образовывали группу, гнездо, представлявшее собой не что иное, как патронимию.

VI

ПАТРОНИМИЯ У НАРОДОВ КАВКАЗА

Новые исследования патронимии у народов Кавказа. Различные обозначения патронимии. Образование и разрастание патронимий. Патронимии первого и второго порядка. Локализованность патронимий. Патронимические кварталы, их состав. Структура селений. Отражение дуальной организации. Взаимоотношения кварталов и патронимий. Хозяйственное единство патронимии. Процесс перехода от коллективной собственности к индивидуальной, в частности — в области землевладения. Взаимопомощь. Общественное единство патронимии. Ее управление. Солидарность. Роль старшинства. Военное значение патронимии. Идеологическое единство патронимии. Патронимическое имя. Бытовые отношения. Культурная общность.

Как было сказано выше, в очерке «Патронимия», эта форма была выявлена нами в 1931 г. на Кавказе на материале Юго-Осетии. Вслед затем выявили, описали и исследовали патронимию у различных народов Кавказа ряд этнографов: А. Авдал у курдов, С. С. Агаширинова у лезгин, В. В. Бардавелидзе у хевсур, В. А. Бдоян у армян, З. Н. Ванеев у южных осетин, С. Ш. Гаджиева у жумыков, Г. А. Гулиев у азербайджанцев и у татов Азербайджана, Ш. Д. Инал-ипа у абхазов, М. М. Ихиллов у горских евреев, Б. А. Калоев у северных осетин и у агулов, Э. Т. Карапетян у армян, Э. Л. Коджесау у адыгов, Л. Н. Кужелева у ногайцев, М. А. Кургузова у лезгин, Л. И. Лавров у абазин и у лакцев, М. О. Макитов у балкарцев, З. А. Никольская у аварцев, А. И. Першиц у кабардинцев, И. М. Саидов у

чеченцев и ингушей, Р. Л. Харадзе у грузин, Х.-М. Хашаев у некоторых народов Дагестана.

В настоящем очерке мы даем общую характеристику кавказской патронимии, основываясь на материалах, собранных нами лично или по литературным источникам, в большой же мере — на материалах, собранных вышеупомянутыми новыми исследователями патронимии.

Патронимия имеет у различных народов Кавказа свои особые, притом разнообразные наименования.

Таковы описательные выражения: осетинское, тоже картлийское, — «от одного огня (очага) разошедшиеся», хевсурское — «из одного огня вышедшие», адыгское — «от одного огня разделившиеся», кумыкское — «отошедшие от одного очага», абхазское — «разделившие между собой дом», чеченское — «люди одного дома» и т. п.

Другой ряд таких описательных обозначений патронимии составляют: осетинское *фыды фырты* — «отца дети», адыгейское — «братья одного дома», абхазское *абинара* — «отца сыновья», имеретинское *бабушвилоба* — «происшедшие от одного деда», грузинское *ганакреби* — «разделившиеся братья», сванское *самхуб* или *ламхуб* — «братство», лезгинское *миресар* с различием: *мукъвал миресар* — близкие родственники (дети родных и двоюродных братьев) и *яргъал миресар* — более отдаленные родственники.

Наряду с этим у некоторых народов Кавказа патронимия обозначается и своим специальным термином: у курдов — *бър*, у армян — *азг*, у адыгов — *хабль*, у кабардинцев — *лэпкэ*, у лакцев — *усурсу* (этимологическое значение всех этих терминов достоверным образом не устанавливается).

Наконец, у ряда кавказских народов употребляется для обозначения патронимии большое число различных иноязычных терминов, обозначающих в соответствующих языках родственную группу вообще или в свою очередь, патронимию в частности. Таковы иранские термины: *тохум* или *тухум* — «семья» (балкарцы, кумыки, аварцы, даргинцы, лезгины, азербайджанцы, таты) и *архъ* — «хребет», «спина» (лезгины, азербайджанцы); арабские: *тайфа* или *тайна* — «часть» (ногайцы, чеченцы, ингуши, кумыки, аварцы, азербайджанцы), *жинс* или *джинс* — «род», «порода» (кумыки, лезгины, азер-

байджанцы), *насыл* или *несил* или *эсил*, от *наслун* — «поколение», «потомство» (лезгины, азербайджанцы); тюркские: *тире* — «линия» (ногайцы, лезгины, азербайджанцы, армяне), *кьок*, или *куьк*, от *кѡк* — «корень», «основа» (ногайцы, азербайджанцы), *шаха* — «ветвь» и *шагга* — «часть» (азербайджанцы), *овлад* — «поколение» (таты), *карындаш* — «единоутробные» (балкарцы); монгольский термин *аул*, в формах также *авул*, *авал*, *ал*, имеющий основное значение родственной группы (ногайцы, чеченцы, ингуши, кумыки, даргинцы, аварцы).

Как мы-знаем, специфическую черту патронимии составляет то, что она образуется из сегментации или разделения одной большой семьи. На такое именно происхождение патронимии прямо указывают некоторые из вышеприведенных ее наименований, как-то: «от одного огня разошедшиеся», «братья одного дома» и пр.

Патронимия народов Кавказа состояла из либо больших, либо малых, либо тех и других одновременно семей. У балкарцев патронимия состояла еще в недавнем прошлом из больших и малых семей, но в позднейшее время больших семей уже не встречалось. Число семей в одной патронимии могло быть от трех-пяти до нескольких десятков.

Выразительный пример образования и разрастания патронимии приводит Э. Т. Карапетян, описывая историю одного армянского *азга*. Родоначальник этого азга — Баба, выходец из Турции, обосновался в начале XVIII в. в селении Баран, где женился на дочери местного жителя. У них был один сын — Мам, у последнего было четыре сына, от которых пошли четыре ветви, получившие общее название по их отцу — Мамян. Так продолжалось до девятого поколения, живущего в настоящее время. В течение примерно двухсот пятидесяти лет образовалась современная патронимия, азг Мамян, состоящая ныне из 95 семей.

Отчетливым образом разграничивают семейную общину и патронимию следующие хевсурские термины. Как сообщает В. В. Бардавелидзе, первые четыре нисходящих поколения (братья, двоюродные братья, дети двоюродных братьев и внуки тех же двоюродных братьев) обозначаются у хевсур общим термином «близкие люди (мужчины) дома», составляя круг

большой семьи; следующие три поколения, т. е. с пятого по седьмое, обозначаются как «внешние люди (мужчины) дома» или *мама*, составляя «круг патронимии».

На кавказском материале хорошо прослеживается процесс разрастания и разветвления самой патронимии. Отдельные семьи, входившие в патронимию, размножались, разрастались, сегментировались или делились и в результате в свою очередь давали начало патронимиям. Таким образом, в составе данной патронимии возникали новые, молодые патронимии. Вновь образовавшиеся патронимии по общему правилу жили, сохраняя свое единство, компактно, вместе с тем и не отделялись от старых патронимий, помогая одна другой и пр. Лишь в более поздние времена, и то эпизодически, в особенности с ростом малоземелья, молодые патронимии отделялись и переселялись на свободные места, не теряя все же связи с своими родичами. В результате на Кавказе встречаются патронимии различного размера и различного состава: меньшие и большие, состоящие сами из нескольких патронимий.

Так, у аварцев мы находим небольшую группу родственных семей, называемую *цо рукъалгъул гадамал* — «люди одного дома», и более широкую родственную группу — *къибил* — «корень» (иногда обозначаемую также иранским термином *тохум* — «семья»). У армян различается: большая патронимия — *азг*, в ее состав входят меньшие группировки, именуемые *табун* или *тире*, и наименьшей патронимией является *бидзонк* — «группа дядей». У абхазов различается *абипара* — «отца сыновья», и более широкий родственный круг — *ажвла* — «семья». Кумыки различают два вида тухума, или патронимии: *ювук-тухум* — «близкий тухум» — группу близких родственников, и *йырак-тухум* — «дальний тухум» — более далеких родственников. О таком же разделении, видимо, говорят и вышеприведенные термины лезгин. Форма более обширной патронимии, включающей в себя меньшие патронимии, может быть названа *патронимией второго порядка*.

Будучи меньшими или большими по числу составляющих их семей, патронимии первого и второго порядка входят, как это иногда более или менее определенно рисуется конкретным материалом, в еще более широкую родственную группу. Таковую группу можно бы, говоря

теоретически, называть *родом*. На Кавказе это понятие иногда обозначается весьма неопределенным, занесенным сюда иностранными путешественниками, термином «фамилия», под которым разумеются все вообще родственники, без ограничения степени родства. Надо, однако, заметить и подчеркнуть, что эта группа, или род, у многих народов Кавказа либо намечается лишь весьма неопределенно и неотчетливо, либо совершенно не выявляется. Не говоря о настоящем времени, это относится также и к отдаленному прошлому.

Уже самое происхождение патронимии из разделения одной семьи обуславливает то, что патронимия принципиально всегда локализована. Патронимия на Кавказе в прошлом обычно занимала отдельное селение. В Юго-Осетии в отдаленном прошлом каждая патронимия жила изолированно, составляя отдельное селение — *кау*. Такое «однофамильное» поселение сохраняется местами, в особенности в торных районах, и до сих пор. В Азербайджане имеются и сейчас отдельные маленькие поселки, с числом домов от 20 до 40, населенные исключительно родственниками. Иногда на Кавказе большая патронимия жила в нескольких смежных небольших селениях или поселках. Наконец, в более позднее время патронимия большей частью занимала отдельный квартал в селении. Небольшое патронимическое селение было, видимо, в прошлом основным видом поселения народов Кавказа.

Патронимические кварталы, т. е. кварталы, населенные одной патронимией или вообще родственниками, весьма стойко сохранялись у ряда народов Кавказа. Такой квартал назывался у разных народов Кавказа *тохум*, *авул*, *хабль*, *мехле* (*мехелле*) и др. У карачаевцев, например, еще в начале XX в. каждый квартал был по общему правилу населен только одной «фамилией», по которой он и именовался¹. То же было обычным явлением в Дагестане. Этнография Грузии по различным ее районам дает много примеров образования кварталов в результате разделения одной большой семьи, причем квартал сохранял название первоначальной семьи.

¹ И. С. Щ у к и н. Материалы для изучения карачаевцев. «Русский антропологический журнал», 1913, 1/2.

С другой стороны, кварталы нередко состояли из ряда небольших родственных между собой патронимий. Так, в Азербайджане, в Кубинском районе, в татском селении Дара Чичи, сохраняются до сего времени восемь кварталов (*мехелле*), включающих 32 *тайфы*, или *овлады*, носящих патронимические названия: Агасы, Чафарлы, Аскерлы, Моллары, Осман-овлады и пр. В ираноязычном селении Латидж сохраняется тоже восемь кварталов, в каждом из которых имеется по 10—15 патронимий, состоящих из четырех-пяти семей, носящих общую фамилию. В этом селении было восемь мечетей и одна общая — «джума-мечеть». Каждый квартал имел свое собственное кладбище, на этом кладбище каждая патронимия — свое место. Каждый квартал имел также свой родник или колодезь и своего общего пира².

С течением времени кварталы теряли свой исключительно патронимический характер и в данном квартале оказывалось две или несколько разных патронимий. В таких случаях они проявляли замечательную устойчивость, сохраняя свою обособленность и локализованность. Выразительную иллюстрацию составляет лезгинское селение Курах. В этом селении обитало девять патронимий-тохумов; из них пять тохумов жили изолированно, занимая пять отдельных кварталов, а четыре тохума жили в двух общих кварталах (таким образом, в селении было всего семь кварталов). Одной из черт патронимии, о чем еще будет сказано ниже, является наличие у нее своего отдельного места, площади для обсуждения и решения общих дел. Обособленность патронимий в селении Курах ярким образом сказывалась в том, что в упомянутых пяти кварталах, занятых каждым одной патронимией, было соответственно пять указанного рода площадей, а в двух других кварталах, в которых жило четыре тохума, — четыре тохумные площади и сверх того еще две общеквартальные. Существовала еще и особая площадь всего селения. Итого в селении Курах было площадей: пять тохумных, совпадавших с квартальными, четыре тохумные в двух других кварта-

² Приведенные данные по Азербайджану основаны на личных сообщениях Г. А. Гулиева.

лах, две квартальные и, наконец, одна всего селения, итого — двенадцать³.

Эти отдельные площади патронимий являются выразительными показателями сохранявшейся обособленности патронимий, обитавших в одном селении, частично — в общих кварталах.

Если, как это наблюдается в горных местностях Армении, локальное единство патронимии в селе нарушено, и семьи одного *азга* живут уже в той или иной мере разрозненно, то замечательно, что во время кочевок, на летних пастбищах, все родственные семьи кочуют совместно и ставят свои юрты рядом.

У некоторых народов Кавказа, особенно у народов Дагестана, отчетливо прослеживается процесс, по которому несколько мелких поселков, состоявших из одной патронимии, соединялись в одно селение, в котором каждая патронимия занимала отдельный квартал. Причины такого соединения в народной традиции обыкновенно объясняются оборонными соображениями, однако этого объяснения недостаточно.

Связь квартала с патронимией выражается в том, что термин, обозначающий патронимию, иногда становится обозначением квартала. Так, адыгское *хальб* означает родственную группу — патронимию, небольшое селение, поселок, и одновременно — «квартал». В Дагестане нередко термином *тохум* обозначали и патронимию, и квартал. Термин *аул*, имея коренное значение родственной группы и означая патронимию, служил термином, обозначающим «квартал», а также «селение» (у ногайцев, кумыков, аварцев и др.). С другой стороны, кварталы нередко носили и носят до сих пор родственные, патронимические названия, образованные из имени своего родоначальника или основателя. Когда кварталы утрачивали свой чисто родственный характер, они сохраняли свое старое патронимическое название, происходящее от той патронимии, которая была начальной обитательницей квартала.

Примечательным образом нередко, в особенности в Дагестане, селение состояло в прошлом — пережитки

³ С. С. Агаширинова. Поселения лезгин в XIX — начале XX в. (рукопись, присланная нам автором). Ср. Л. Б. Панек. Жилище лезгин. «Материалы по этнографии Грузии», IX. Тбилиси, 1957.

этого сохраняются иногда и ныне — из четного числа патронимий-кварталов.

У лакцев в каждом селении было обычно четыре квартала. В кумыкском селении Аксае было восемь кварталов или отдельных «аулов». Аварский аул Чох образовался, по преданию, из 12 малых селений и имел 12 тохумов. Селение это разделялось на две части: «верхний аул», состоявший из трех авалов-кварталов, и «нижний аул», состоявший тоже из трех авалов. Аварское селение Анди состояло из трех отчетливо различавшихся частей: «верхнего авала», «нижнего авала» и «грузинского авала», возникшего в результате поселения здесь пленных грузин. Таким образом, архаически это селение состояло из двух кварталов. Это подтверждается и тем, что в старину в селении имелись две башни. Аварское селение Джары в Северном Азербайджане состоит и ныне из семи-восьми кварталов, состоящих каждый из нескольких тохумов⁴. Селение аварцев-багулалов Кванда образовалось из четырех поселков, занятых каждый одной родственной группой (*гъай*). Образовавшись таким порядком, это селение состояло из четырех кварталов, носивших те же названия, что родственные группы, жившие в первоначальных четырех поселках. Селение аварцев-бежетинов Тлялал состояло из двух авалов: «верхнего» и «нижнего», причем каждый из них состоял из трех кварталов-патронимий. Селение аварцев-каратин Карата образовалось из четырех поселков, в каждом из которых жила одна родственная группа⁵. Как мы видели селения Дара Чичи и Лагидж в Азербайджане состоят и по сей час из восьми кварталов каждое.

Итак, некоторые кавказские селения обнаруживают былое, либо еще в какой-то мере сохраняющееся деление на две части, каждая из которых состоит из двух или вообще четного числа кварталов-патронимий. Такая структура селений дает основание видеть здесь реликт архаического дуального деления⁶. Заметим, что

⁴ Личное сообщение Г. А. Гулиева.

⁵ Сведения о багулалах, бежетинах и каратинах заимствуем из рукописных материалов покойного Е. М. Шиллинга, хранящихся в архиве Института этнографии АН СССР в Москве.

⁶ См. очерк «Дуальная организация» в нашей книге «Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы». М., 1961, стр. 26—32.

описанное явление наблюдается чаще всего лишь в распадном, осколочном состоянии, что совершенно естественно для подобной сугубо архаической формы.

Когда патронимия занимала один квартал или вообще была локализована, дома отдельных семей нередко тесно примыкали один к другому, так что все дома патронимии составляли единый архитектурный комплекс. У балкарцев жилища одной патронимии, состоявшей, например, из 8—12 семей, были расположены компактно, одно за другим, причем они все или почти все были под одной крышей. М. О. Макитов вспоминает, что в детстве он с другими мальчиками бегал по крышам от одного края квартала до другого такого квартала. В подобных жилых комплексах стены соседних домов (у балкарцев, курдов, армян и др.) имели особые квадратные отверстия, вроде слуховых окошек, служившие для связи между семьями патронимии. «Для понимания социального строя древнего населения района,— писал С. Д. Лисицян о Мегринском районе Армении,— показательны особые окошечки, продельваемые в общих стенах соседних домов для передачи друг другу огня, пищи, посуды, мелких предметов или известий. Они говорят о существовании в былое время тесной хозяйственной и, по всей вероятности, также родственной связи между непосредственными соседями»⁷. Окошечки, о которых говорит автор, представляли собой именно такие отверстия специального назначения, группа же соседних домов, о которых здесь идет речь, представляла собой, надо думать, не что иное, как патронимический квартал. У адыгов, абхазов, аварцев и других кавказских народов тем же целям служили особые перелазы между дворами одной патронимии.

Следующее показание хорошо рисует образование патронимического квартала у мохевцев⁸. Выделившиеся семьи оставались на той же усадьбе, сооружая для себя новые отдельные помещения. При этом крыши всех домов соединялись, отдельные дома имели внутренние переходы, а общий двор обносился каменной оградой.

⁷ С. Д. Лисицян. Из материалов по изучению жилищ Армении, I, Крестьянское жилище Мегринского района. «Известия Кавказского Историко-археологического института», VI, 1927.

⁸ Р. Харадзе. Грузинская семейная община, т. II. Тбилиси, 1961, стр. 60—62.

Все дома образовавшегося таким образом квартала имели один вход через общие ворота — *кари*, рядом с которыми нередко сооружалась боевая башня. Интересно, что грузинский термин *кари* — «ворота» являлся одновременно обозначением дома-семьи и сделался распространенным в Грузии обозначением квартала. Отсюда нередко встречающиеся в Грузии патронимические названия как кварталов, так и образовавшихся из их разрастания сел с окончанием *кари*.

Основную черту патронимии составляет ее *хозяйственное единство*.

Насколько можно затянуть в прошлое народов Кавказа, земля находилась в коллективной собственности патронимии. У аварцев при разделе земли по малым патронимиям один участок земли оставался во владении более широкой патронимии — *кьибилля*. Некогда и обработка земли производилась коллективно всем кьибилем. Пережитки коллективного производства составляли у аварцев, как и у многих других народов Кавказа, различные широкораспространенные сельскохозяйственные обычаи, например обычай, по которому все сельскохозяйственные работы — сев, пахота, уборка урожая, сенокос — начинались в один и тот же день всеми родственниками. Где существовало искусственное орошение, там большие патронимические группы являлись организаторами водоснабжения и водопользования, причем каждая патронимия пользовалась водой поочередно, например, посуточно.

Земля, наделенная по патронимиям, время от времени переделялась. Так, у кабардинцев вся земля была поделена по *хаблям*, но переделялась каждые 10—15 лет.

Когда патронимии составляли отдельные кварталы селения, владельцем всей обрабатываемой земли было селение, или соседская община, а кварталы-патронимии получали наделы, которые периодически переделялись.

Усадебные участки семей патронимии издавна составляли отдельную собственность каждой семьи.

С течением времени коллективное владение землей в пределах патронимии стало распадаться. Это, однако, коснулось сначала только пахотной земли. Она стала делиться по семьям, или «домам», периодически тоже переделяясь. У адыгов в старину пахотные земли нахо-

дились в нераздельном владении патронимий в целом, урожай поступал в общие закрома и затем делился по семьям. Некоторая доля урожая считалась неприкосновенной собственностью патронимии и расходовалась только в случае нужды всей патронимии или обеднения одной из ее семей. С течением времени пахотная земля у адыгов стала делиться по семьям. Как было сказано, земля вообще, пахотная земля в частности, подвергалась переделам в пределах рода по патронимиям, но переделы внутри патронимии по семьям происходили чаще, чем переделы родовой земли по патронимиям. Так, у чеченцев переделы по патронимиям происходили примерно через каждые 10 лет, а в пределах патронимий по семьям — через один-три года. У аварцев участки семей патронимии переделывались в одних местах раз в шесть лет, в других — раз в три года, в соответствии с изменением численного состава семьи. При этом особый участок пахотной земли всегда оставался в общем владении всей патронимии. У кабардинцев переделы по семьям происходили ежегодно.

Значительно позже, чем пахотная земля, стали подвергаться разделу по семьям другие виды земли общепатронимического фонда: покосы, выгоны и еще менее интенсивно используемые угодья. Довольно выразительным и отчетливым образом указанный процесс выступает в прошлом Юго-Осетии.

Насколько сохранилась память об этом прошлом, пашня в Юго-Осетии уже истари была поделена по семьям. Участки, принадлежавшие семьям одной патронимии, были обычно смежными, так что пашня семей всей данной патронимии составляла один участок — явный пережиток былой патронимической общности всей пахотной земли. В некоторых местностях еще в XIX в. пахотная земля обрабатывалась коллективно всей патронимией, а урожай делили по семьям, из расчета числа в них едоков.

Что касается покосов, то в отдаленном прошлом все они либо находились в коллективном владении или пользовании селения, иногда прутпы родственных селений, т. е. в конечном счете, видимо, во владении и пользовании всего рода, либо были разделены по патронимиям. В более поздние времена владение и пользование покосами имело тройкую форму. Покосы, примы-

кавшие непосредственно к территории самого селения, были поделены по семьям, более отдаленные — по патронимиям, а самые дальние участки оставались в коллективном пользовании всего селения. Эти последние участки также имеют свою историю. В более отдаленные времена траву здесь косили коллективно всем селением и коллективно же собирали, а сено делили по патронимиям. В более поздние времена патронимии или семьи косили и собирали сено по очереди, каждая для себя, причем велся уравнивающий счет снятого сена. Что касается участков, поделенных по патронимиям, то на них либо косили коллективно и сено делили по семьям, либо каждая семья косила сколько ей было нужно, либо, наконец, год косила одна семья данной патронимии, следующий год — другая и т. д. В новое время и эти участки покосов стали делиться не по патронимиям, а по семьям.

Наконец, пастбища по общему правилу до недавнего времени оставались в коллективном пользовании всего селения, нередко — группы родственных селений. Позднейшее явление — деление пастбищ по патронимиям и исключение, свойственное богатому хозяйству, — пастбище в дворовом владении.

В коллективной собственности патронимии находился домашний скот. Пережитком этого является то, что у аварцев, например, уже при индивидуальной, вернее семейной, собственности на скот, в отдельных домах не было специальных помещений для скота, а весь скот патронимии содержался в общих хлевах, находившихся на краю селения. У курдов вся патронимия либо несколько домов из патронимии имели общее стадо и содержали общих пастухов, причем совместно же перерабатывалось молоко. Еще одним свидетельством существования коллективной собственности на скот служит патронимическая *тамга*. У ногайцев каждая тайпа-патронимия имела свою тамгу, причем весь род имел столько тамг, сколько в нем было патронимий.

Общую собственность всей патронимии составляли также фруктовые сады, и каждый принадлежащий к данной патронимии мог брать из общего сада фрукты. В общем владении и пользовании патронимии находились мельница, печь для сушки зерна и выпечки хлеба и пр. У адыгов такая печь сооружалась коллективно

женщинами патронимии на усадьбе одной из семей, и этой печью пользовались затем все семьи.

Элементы коллективной собственности патронимии были живы, согласно описанию М. О. Макитова, у балкарцев еще недавно. Семьи одной патронимии пользовались общим рабочим скотом и сельскохозяйственным инвентарем и притом брали друг у друга все, что было надобно. «Моя покойная мать,—пишет М. О. Макитов,—рассказывала, что наши близкие родственники приходили и брали у нас из дома все, что им было нужно, причем очень часто без всякого спроса. Прекословить им она не могла: это было бы позором перед всей родней». Если в одной семье данной патронимии, продолжает М. О. Макитов, зарезали барана или корову, или приготовили хороший ужин, то эта семья должна была разнести каждой семье их патронимии ее долю. Этот «закон», говорит М. О. Макитов, был крайне строг и обязателен, отголоски его существуют и до сих пор.

Пережитком былой коллективной собственности патронимии можно считать порядок, по которому у кабардинцев позволено было в случае нужды взять, не спрашивая, на время коня из табуна члена своей патронимии.

Выражение экономического единства патронимии составляла взаимопомощь между семьями данной патронимии. Эта черта особо стойко сохранялась в быту всех народов Кавказа даже тогда, когда патронимия испытала уже глубокий распад. Взаимопомощь выражалась в том, что все семьи патронимии неукоснительно являлись на помощь тогда, когда одна из семей предпринимала какую-нибудь работу, для выполнения которой сил одной семьи было недостаточно, например, постройку или ремонт дома, работы, связанные с устройством семейного праздника, при крупных затратах по устройству свадьбы, похорон и поминок и т. д. Взаимопомощь распространялась и на более широкую родственную группу, но тогда как дальние родственники помогали по желанию, помощь членов патронимии была обязательной или производилась в первую очередь.

В более поздние времена, с проникновением в быт денежных отношений, взаимопомощь патронимии имела место в случаях денежных затруднений. Так, у ногай-

цев, если отец жениха не был в состоянии уплатить калым, все члены тайпы-патронимии обязаны были ему помочь, и только в том случае, когда члены тайпы тоже не могли покрыть всю сумму калыма, помогали члены более широкой родственной группы — *куба*.

Весьма любопытное указание находим в заметках М. О. Макитова. В патронимиях балкарцев существовало своего рода разделение труда: одни семьи данной патронимии пасли овец, другие — коров, причем они же доили коров и обрабатывали молоко, третьи семьи выполняли прочие хозяйственные работы — пахоту, покос, заготовку и подвоз топлива, ремонт жилых помещений и пр. Старшая семья патронимии и ее глава занимались продажей сельскохозяйственных продуктов и приобретением на стороне всего, чего не хватало патронимии. Таким образом, глава патронимии не только обладал некоторой общественной властью, но он и его семья, занимаясь куплей-продажей за счет своей патронимии, держали в своих руках всю ее экономику и постепенно становились богаче других, между тем как семьи чабанов, пастухов и пр. оказывались беднее.

Описываемые порядки являлись, следовательно, одним из источников возникновения в среде балкарской патронимии имущественного неравенства.

Во всей ныне существующей литературе о кавказской патронимии остается совершенно неосвещенным вопрос о юридических институтах и нормах, специфически присущих распадному состоянию патронимии, в частности о некоторых нормах распоряжения земель, об отдельных положениях наследственного права, о правах предпочтительной покупки и родового выкупа и др.

Только Э. Т. Карапетян сообщает, что у армян в изученной ею местности (Ноемберенский район), хотя эксплуатируемая земля патронимии была наделена по семьям и находилась в их наследственном владении, она продолжала считаться общей собственностью всей патронимии — азга. Отсюда отдельные семьи не имели права продажи своих земельных участков без согласия всего азга. Продажа земли без такового согласия могла быть оспорена любым членом азга. Если какая-либо семья вымирала, то принадлежавший ей земельный участок переходил к ближайшим родственным семьям, которые делили эту землю между собой на равные доли.

Общественное единство патронимии, занимала ли она отдельное селение или отдельный квартал, имело в прошлом весьма реальное выражение. Патронимии бывали различных размеров, но чем патронимия была многочисленнее, тем она была сильнее как в экономическом, так и в общественном отношении. Патронимия обладала своим управлением, органами которого были: общее собрание патронимии, совет патронимии и возглавлявший всю патронимию старший. Для общего собрания существовало особое место в селении, если оно было «однофамильным», или в квартале. Такие особые места собраний или такие площади сохранялись у ряда народов Кавказа до недавнего времени. Как было отмечено выше на примере лезгинского селения Курах, если в квартале проживало две или больше патронимий, то каждая из них имела свою площадь, независимо от существования площади всего квартала.

Совет патронимии состоял из глав отдельных семей. Главой всей патронимии был обычно старший старшей семьи патронимии. У кабардинцев старший патронимии, *нахыжь*, был весьма уважаемым и авторитетным лицом, с которым полагалось советоваться во всех важных случаях жизни семейств данной патронимии. Он же являлся судьей в конфликтах между отдельными семьями. За непослушание ему родственники виновного могли побить или даже изгнать последнего из селения. У адыгов, когда в какой-либо семье резали быка, корову или барана, то голову (голова считалась самой «почетной» частью животного) посылали старшему патронимии. У него собирался совет патронимии, если это не происходило, как у адыгов, возле священного дерева данной патронимии.

Точно так же у балкарцев все важнейшие общие дела патронимии обсуждались и решались в доме самого старшего и влиятельного лица патронимии, под непосредственным его руководством. Этот дом назывался *уллу юй* — «большой дом», или *тамота юй* — «старший дом». При этом, соответственно важности обсуждаемого дела, увеличивался или уменьшался численный состав собиравшихся старейших патронимии. Старший патронимии у балкарцев не был выборным, им был старший по возрасту.

Большим авторитетом в патронимии пользовалась и жена старшего. Весьма характерную фигуру представ-

ляла собой старшая женщина патронимии у юго-осетин, *хистер-ус*, игравшая немалую хозяйственную и общественную роль. У шапсугов старшая женщина патронимии называлась *бысым гуаще* — «княгиня дома»; к ней обращались за советом все женщины патронимии, она была главной хозяйкой-распорядительницей в любой семье патронимии во время свадьбы, похорон, поминок и пр., она была обязательной советчицей при выборе жениха или невесты и т. п.; у нее нередко собирались вместе все женщины патронимии, пекли пироги и ели за общим столом.

Ряд вышеописанных органов и элементов управления существовал и в более широкой, чем патронимия, родственной группе, однако был гораздо слабее выражен и менее действен, если говорить о том прошлом, о котором сохранилась память.

Общественное единство патронимии определяла ее солидарность, выражавшаяся в различных формах и отношениях. В частности, именно патронимии в первую очередь и преимущественно принадлежала в далеком прошлом месть как в активном, так и в пассивном отношении. Иначе говоря, все члены патронимии были в первую очередь обязаны мстить за обиду, нанесенную одному из ее членов, и на всех безразлично членов патронимии в первую очередь падала месть за обиду, причиненную одним из ее членов кому-либо постороннему. Соответственным образом регулировались отношения и при уплате или получении уголовной пени. У ногайцев за убийство члена тайпы-патронимии должен был отомстить в обязательном порядке кто-либо из той же тайпы и только в том случае, если из этой тайпы никто не мог отомстить, обязанность мести переходила к членам соответствующего рода. Вообще, у различных народов Кавказа и в разные эпохи пределы мести, в активном и пассивном смысле, были различными, распространяясь до самых широких границ всего рода и сокращаясь до круга семьи, но патронимия была той средой, в которой месть держалась наиболее активно и устойчиво.

Большое значение в жизни патронимии имело старшинство. Подобно тому, как в роде особое значение принадлежало старшей патронимии, в самой патронимии выделялась старшая семья, причем старший этой семьи был по положению старшим всей патронимии. С распадом первобытнообщинных отношений в данном обществе и

проникновением сюда элементов классового строя, это старшинство соединяется с богатством и приобретает классовый характер. .

Наряду с родовой экзогамией экзогамна и патронимия. У некоторых народов Кавказа, в частности у народов Дагестана, патронимия была эндогамна. Явление это остается плохо описанным и совершенно неисследованным.

Наконец, общественная сущность патронимии выражалась также в том, что она составляла воинскую единицу общеродового и общенародного ополчения. Эти патронимические военные подразделения назывались у убыхов «отдельным огнем», имели от 10 до 100 человек и возглавлялись отдельным начальником. В тех местах Кавказа, где существовали боевые башни, они принадлежали часто именно патронимиям, так что каждая патронимия имела свою башню и в селении было столько башен, сколько патронимий. Как было упомянуто, все в целом постройки патронимии образовывали в архитектурном отношении единый комплекс, и в некоторых горных местностях, в частности в нагорном Дагестане, этот комплекс представлял собой род крепости. Внутренние отверстия и проходы между домами патронимии, о которых мы говорили, служа в мирное время для хозяйственного общения, в случае военной опасности служили для прохода в общую боевую башню патронимии. У лезгин родственные дома были нередко соединены внутренними ходами по нижним этажам, что помогало объединиться в случае нападения врага. У курдов в стенах, разграничивавших дома патронимии, имелись особые ниши, где хранилось общее оружие, которое по тревоге разбиралось бойцами.

Идеологическое единство патронимии имело своим выражением прежде всего то, что каждая патронимия обладала своим особым наименованием. Оно состояло из собственного имени предка данной патронимии с присоединением патронимической приставки, начальное значение которой было, по общему правилу, «дети» или «сыновья».

В отличие от предка рода, всегда легендарного, предок патронимии был вполне реальным и действительным. Это было то положившее начало данной патронимий лицо, о котором сохранялась память, переходившая из

поколения в поколение. Когда возникала новая патронимия, она вела свое происхождение уже от нового предка.

У осетин патронимическим окончанием было *фырта*, в сокращенном виде — *та*. Таким образом, именем данной патронимии было, например, Туган-та или Санако-та. У абхазов патронимическая приставка была *ба* или *ипа*, у адыгов — *ко*, и т. д. Такими же патронимическими приставками являются грузинские *швили*, *дзе*, армянские *ян* или *янци* и пр. Эти патронимические наименования становились названиями более обширных родовых групп, а впоследствии превращались в фамилии в современном смысле. У некоторых кавказских народов человек именовался одновременно своим патронимическим и родовым именем. Так у шапсугов, например, Челезныко было патронимическим именем данного лица, Ачимиз — его родовым именем. У хевсур соответственными именами были, например, Пицхелаури и Арабули. В Юго-Осетии данное лицо было по своей патронимической принадлежности, например, Сархал-та, а по родовой — Пли-та. У адыгов члены одного рода именовали друг друга *умекош* — «брат по дому», члены одной патронимии — *умекош благ* — «близкий брат по дому».

Важно отметить, что семья, в частности большая семья, не имела какого-либо особого имени. Члены большой семьи в целом и каждый из них в отдельности, помимо собственного имени, первоначально, видимо, никак не именовались, и лишь впоследствии возникло наименование всей семьи по имени отца или деда, и еще более поздним является индивидуальное отчество, у ряда народов Кавказа не существовавшее до недавнего времени.

Идеологическая связь членов патронимии выражалась далее в их участии в жизни отдельных семей своей патронимии. Это участие проявлялось в особенности при таких событиях, как рождение, свадьба и похороны. У адыгов в таких случаях приглашение всех членов патронимии, равно как и принятие ими приглашения и присутствие, считалось строго обязательным. У ногайцев, когда рождался мальчик, то все члены рода должны были поздравить родителей и принести какой-нибудь подарок новорожденному. Но если рождалась девочка, то родителей поздравляли только члены тайпы-патронимии, род (*куб*) не принимал в этом никакого участия.

У хевсур на свадьбу члены патронимии обязаны были явиться, для дальней родни такая обязанность не существовала.

У лакцев участие в похоронах было обязательным для всех членов усурсу-патронимии, для членов более широкой родственной группы — совершенно необязательно, и далеко не все члены такой группы шли на похороны, разве что умерший был каким-нибудь выдающимся человеком. У ногайцев, если умирал взрослый почтенный мужчина, то все члены рода принимали участие в его похоронах, если же это была женщина или ребенок, то на похороны являлись только члены патронимии. У кумыков, в случае смерти одного из членов патронимии, члены ее собирались в дом умершего и занимали места соответственно близости родства, причем близкие родственники, члены «близкого тохума», занимали почетные места и играли более видную роль в траурных церемониях; члены малой патронимии должны были соблюдать траур, носить траурную одежду и пр. в течение пяти-шести месяцев, иногда и год, другие, более далекие родственники — несколько недель, а то и несколько дней⁹.

Вообще во всех такого рода случаях, аналогично общественным отношениям, члены патронимии выступали в качестве вполне определенной группы более близких, несущих более обязательные права и обязанности, чем отдаленные, родственников.

Патронимия была теснейшим образом связана и *культовой общностью*. У нее были свои общие святилища или места и предметы поклонения, она собиралась на общие ритуальные процедуры, к которым не члены данной патронимии не имели доступа, и т. д. Патронимия имела либо свое отдельное кладбище, либо свой отдельный участок на общесельском кладбище. У армян на каждом патронимическом кладбище находилось священное дерево данной патронимии. У некоторых народов на памятнике изображалась тамга патронимии умершего.

Большую роль в идеологической, в частности культовой, общности патронимии играла ее *старшая*. Как известно, очаг у народов Кавказа считался священным. По интересному сообщению Э. Л. Коджесау, при сооруже-

⁹ С. Н. Гаджиева. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961, стр. 284.

нии нового дома для одной из семей патронимии очаг обмазывала обычно старшая этой патронимии, причем она же должна была первой зажечь огонь в очаге. До этого никто не должен был войти в дом.

У разных народов Кавказа отдельные патронимии выделялись и славились особыми способностями или дарованиями: в качестве знатоков истории своего рода, хранителей родовых традиций, создателей и исполнителей фольклора, искусством игры на тех или иных инструментах и пр. У адыгов, когда в патронимии имелся, например, знаток истории, то к нему собирались не только члены его патронимии, но и более далекие родственники. На таких вечерах гостей обслуживал молодой человек из семьи сказителя, который, слушая изо дня в день рассказы старика, становился после его смерти его преемником-сказителем.

ПРОГРАММА ДЛЯ СОБИРАНИЯ СВЕДЕНИЙ О ПАТРОНИМИИ

ВВЕДЕНИЕ

Материал по настоящей программе следует собирать монографически, т. е. по каждому народу отдельно. Небесполезны ссылки на аналогичные явления у других народов, однако с точным обозначением, у какого именно.

Ответы должны быть возможно более подробными. Чем более подробно описание, тем большее научное значение оно имеет.

Предлагаемая программа не может быть исчерпывающей, поэтому должны быть освещены и другие вопросы, относящиеся к данной теме, которые всегда могут возникнуть при изучении материала.

Вопросы программы поставлены в прошедшем времени, ибо явления, о которых говорится, большей частью относятся к прошлому. Если соответствующие формы или явления существуют и в настоящее время, то необходимо отчетливо описать и прошлое, и настоящее их состояние.

Следует принять во внимание, что отдельные вопросы и вся программа в целом относятся одинаково как к оседлому, так и к кочевому быту, так что, если, например, в вопросе говорится о селении, то это одинаково приложимо и к кочевому аулу.

Часто встречающееся в тексте программы слово «патронимия» с его грамматическими изменениями условно обозначено буквой «П.».

1. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

1. Обнаруживается ли существование патронимии в прошлом или в настоящем?

2. Как называется такая группа родственных семей или близких родственников (например, «сёмя», «гнездо», «разделившие дом»)?

3. Состояла ли П. из больших или малых семей, или из тех и других?

Примечание. Большой следует называть семью, состоящую из трех и более поколений нисходящих и боковых, малой — семью из двух поколений.

4. Как называлась большая семья (например — «один огонь», «один котел»)?

5. Назывались ли члены семьи только по их собственным именам или также по отчеству, либо по фамилии, по прозвищу всей семьи?

6. Каковы были причины разделения большой семьи?

7. Как делилась большая семья — путем сегментации или путем раздела?

Примечание. При сегментации семья, состоящая в старшем поколении, например, из пяти братьев, делилась на две: в одной — три брата со своими нисходящими, в другой — два брата со своими нисходящими. При разделе такая семья делилась на пять семей по числу братьев старшего поколения.

8. Действовало ли при этом правило, по которому сыновья, хотя бы женатые, не могли выделиться без своих родителей?

9. Не существовало ли правила, по которому, сын, женившись и пожелав выделиться, должен был все же прожить с отцом или матерью в течение того или иного срока, на тех или иных условиях, в частности до рождения у него ребенка?

10. Получал ли при разделе глава делившейся семьи особый надел или же поселялся вместе с одним из своих сыновей, старшим или младшим или любым? То же относительно матери-вдовы.

11. Как производился раздел общесемейной земли? Чем при этом измерялись отдельные участки? Если веревкой, то не фигурировала ли веревка в качестве символа разделения семьи и общего обозначения разделившихся семей?

12. Из скольких семей (больших или малых или из тех и других одновременно) состояла П.? Наименьшее и наибольшее число семей в одной П.?

13. Не было ли так, что в старину П. состояла обычно из больших семей, а позже — из малых?

14. Что представляла собой П. в кочевых условиях? Чем, в каких отношениях отличалась от оседлой? Каковы были условия кочевания семей одной П.? Все ли они должны были кочевать вместе?

15. Не существовало ли патронимических группировок двух видов: близких родственников и более отдаленных родственников (например, у кумыков: *ювукъ-тухум*, «близкий тухум» и *йыракъ-тухум*, «дальний тухум»)?

16. Что происходило, если П., в силу естественного размножения составлявших ее семей и их сегментации или раздела, сама разрасталась? Не сегментировалась ли в таком случае сама П. на две или несколько П., состоявших каждая из нескольких семей? Чем такое разделение П. вызывалось и на каких основаниях, в каком порядке происходило? Как территориально размещались и размежевывались такие части начальной П.? Не образовывали ли они разные поселки? Как различались и именовались отдельные части П.? Не аналогичным ли же образом, как начальная П., т. е. по собственному имени старшего? Как разделившиеся П. различались терминологически от начальной П.? Осознавалось ли единство всех П., происшедших от разделения начальной П.? Как именовались в целом все вместе взятые П., происшедшие от такого разделения начальной П.?

2. ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ЕДИНСТВО ПАТРОНИМИИ

17. Имела ли П. общую коллективно ей принадлежавшую землю?

18. Из какого земельного фонда и каким порядком эта земля получалась?

19. Если П. получала землю из общеродового или общеплеменного фонда, то не производились ли время от времени и в какие сроки переделы земли по П.? В зависимости от каких причин или условий эти переделы происходили?

20. Находилась ли в коллективном и безраздельном владении и пользовании П. вся земля: пахотная, луга,

покосы, пастбища, лес и другие угодья, в частности рыболовные, или только отдельные виды земли, например, пастбища, лес?

21. Не было ли так, что в старину пахотная земля находилась в безраздельном владении всей П., причем обрабатывалась коллективно, а урожай делился по семьям?

22. Не было ли так, что в коллективном безраздельном владении и пользовании всей П. находились менее интенсивно эксплуатируемые виды земли, а именно, покосы, пастбища и пр., пахотная же земля была разделена по семьям? В таком случае, была ли эта пахотная земля закреплена за отдельными семьями навечно или время от времени переделывалась? Не прослеживается ли переход от порядка, указанного в вопросе 21, к данному порядку?

23. Производились ли указанные в вопросе 22 переделы пахотной земли с учетом числа рабочих рук или же числа душ в каждой семье? Как часто производились такие переделы? Не прослеживается ли смена условий переделов?

24. Как технически производились переделы земли и какими процедурами обставлялись? Не практиковался ли выход в поле всех семей данной П. и раздел на месте различных видов и участков земли?

25. Не были ли разделены по семьям покосы, пастбища и пр. и производились ли их переделы? (Следует ответить в таком случае и на вопросы 23 и 24).

26. При разделении земли П. (пахотной, покосов и пр.) по семьям не оставлялся ли особый участок той или иной земли неразделенным, во владении и пользовании всей П.? Какая это была земля? Для чего этот участок предназначался и как использовался?

27. Не прослеживается ли в прошлом прекращение переделов и переход пахотной земли в собственность отдельных семей? Не прослеживается ли такой же переход в собственность отдельных семей других видов земли: покосов, пастбищ и пр.?

28. По каким причинам, при каких обстоятельствах, на каких условиях и т. д. происходил переход земли в собственность отдельных семей?

29. Не существовало ли коллективной собственности или коллективного владения и пользования всей П.

домашним скотом, в частности рабочим? Как при таком порядке этот скот содержался и как им пользовались отдельные семьи?

30. Не существовало ли коллективной собственности П. на отдельные орудия производства (соху, плуг, рыболовные сети и пр.) и разные хозяйственные сооружения (мельницу, гумно, колодец, канал орошения и пр.)?

31. Как осуществлялся уход и надзор за этими видами коллективного владения П.?

32. Не владела ли П. коллективно фруктовыми садами и как ими пользовались члены П.?

33. Не существовало ли, помимо коллективной обработки земли, других форм коллективного производства или труда, в которых участвовала бы вся П. (например, сенокосение, вырубка леса и пр.)? Были ли эти коллективные работы обязательными для семей П. или добровольными?

34. Существовала ли взаимопомощь между семьями одной П.? В каких случаях и в чем она выражалась? Была ли она добровольной или обязательной для семей данной П.? Какая разница была в характере взаимопомощи между семьями данной П. и другими более отдаленными родственными или соседскими семьями?

35. Не считалось ли дозволенным для члена П. взять без спроса или разрешения на время или навсегда что-либо из имущества других членов своей П., например, сено из стога, коня и др.?

36. Не славилась ли отдельные П. в качестве специалистов по различным, тем или иным, видам ремесла?

37. Жила ли П. отдельным селением или поселком? Как велики были такие поселки? Какой величины были принадлежавшие данному патронимическому поселку и тяготевшие к нему территории (здесь указать число семей или число взрослых в данной П.)? Из каких видов земли и каких угодий состояли? На каком расстоянии такие поселки находились от других соседних патронимических поселков? Существовали ли между ними нейтральные, никому не принадлежавшие территории?

38. По какому плану располагались отдельные семейные дворы, составлявшие такие патронимические поселки? Не имели ли они общих для всей П. хозяйственных сооружений (общих помещений для скота, амбаров и пр.)?

Как и чем были отделены один от другого в данном поселке разные дворы-усадыбы?

39. Не жили ли отдельные семьи данной П. отдельными хуторами? Как велики были эти хутора? На каком расстоянии находились один от другого? Не составляли ли все хутора данной П. все же одно, хотя и разбросанное, но единое селение, имевшее общее название? Какими границами такое селение отделялось от других подобных селений — П.?

40. Не образовывала ли П. отдельную часть, «улицу», «конец» или квартал, селения? Если П. образовывала часть (квартал) селения, то чем и как эта часть была отделена от других, соседних таких частей (кварталов) того же селения? Как назывался такой квартал (у лезгин — *мехле*, у болгар — *махала*, в Дагестане вообще — *тохум*)?

41. Не было ли, что отдельные кварталы, занятые большой П., состояли сами из меньших групп домов, меньших П.? Как эти меньшие группы домов отделялись от других групп? (Рекомендуется дать планы ряда различных по типу селений).

42. Не существовало ли каких-либо форм связи или сообщений между дворами-усадыбами одного квартала, например, особых отверстий в стенах или заборах, перелазов и пр.? Для каких целей и как использовались эти виды связи?

43. Не составляли ли все дома данного квартала, либо часть этих домов, некий архитектурный комплекс, как бы единое сооружение, например, имея общую крышу?

44. Не имел ли такой патронимический квартал каких-либо общих для всей П. хозяйственных сооружений (помещений для скота, амбаров) и где эти сооружения находились: на территории самого квартала или где-либо на окраине селения, в поле?

45. Каков был вообще древнейший обычный тип поселения? Состояло ли оно из одного двора — местожительства одной семьи (так называемое село-однодворка) или из нескольких родственных семей-дворов? Не был ли этот древнейший тип поселения именно патронимическим?

46. Не прослеживается ли в прошлом образование больших селений путем сближения или соединения небольших патронимических поселков, причем так, что они

образовывали во вновь возникшем селении отдельные кварталы? Из скольких поселков образовывались в различных случаях такие объединенные и укрупненные селения и что служило причиной такого объединения? Как происходило образование таких укрупненных селений?

47. Происходило ли такое образование более крупных селений из соединения только родственных между собой патронимических поселков или также и неродственных?

48. Не прослеживается ли в прошлом передвижка отдельных патронимических поселков на более далекие расстояния так, что такой снявшийся с места поселок-патронимия приселялся к существующему другому селению? На каких основаниях эти приселенцы там принимались, какое территориальное положение там занимали, сохраняли ли свое единство, не образовывали ли они отдельную часть общего селения или отдельный квартал? Оставались ли приселенцы равноправными с первоначальными жителями селения или попадали в подчиненное, зависимое положение?

49. Не прослеживается ли роль П. в процессах дальних переселений, колонизации и заселения новых земель? Производилась ли колонизация семьями, патронимиями или более крупными и широкими группами? Если колонизация шла преимущественно семьями, то не разрастались ли эти переселившиеся семьи на новых местах и не превращались ли в П.?

50. Не имела ли П. своего знака собственности (тамгу)? Имели ли наряду с тем свои тамги отдельные семьи? Имели ли также тамги более широкие, чем П., родственные группы? Чем все эти тамги отличались одна от другой? (по возможности, привести их изображения).

3. ОБЩЕСТВЕННОЕ ЕДИНСТВО ПАТРОНИМИИ

51. Жили ли семьи, входившие в данную П., всегда смежно или в разных местах?

52. Были ли земельные наделы, принадлежавшие отдельным семьям данной П., смежными или находились в разных местах общей земли данного селения?

53. Если П. образовывали отдельные кварталы селения, то были ли эти кварталы-П. родственными между собой, принадлежа к одной более широкой родственной группе, или совершенно чужими друг другу?

54. Сколько таких кварталов (отдельно: родственных и неродственных) бывало в одном селении? (Привести возможно больше конкретных указаний по отдельным селениям, с указанием числа кварталов, их названий и названий селений).

55. Не прослеживается ли в настоящем или в прошлом деления всего селения на то или иное, но *четное* число (2, 4, 6 или 8) кварталов? Чем такое разделение объясняется, каково его происхождение?

56. Не прослеживается ли, что отдельные кварталы были населены только родственниками, впоследствии же они заселялись также неродственниками? По каким причинам и при каких обстоятельствах происходило такое нарушение родственного единства отдельных кварталов?

57. Если селение состояло из родственных между собой кварталов, то не прослеживается ли нарушение этого родственного единства также и всего селения? При каких обстоятельствах, по каким причинам и в каких формах происходил этот распад родственных селений?

58. Какие отношения существовали между отдельными кварталами-П. одного селения, если они были родственными и неродственными между собой? Не существовало ли между ними вражды? Если — да, то почему и в каких формах эта вражда выражалась? Мог ли житель одного квартала беспрепятственно проходить через другой квартал? Какую роль во взаимоотношениях между кварталами играли женщины?

59. Существовало ли какое-либо самоуправление П., если она занимала отдельное селение и если она занимала отдельный квартал?

60. Существовало ли общее собрание П.? Из кого оно состояло, допускались ли на него женщины, и какую в таком случае роль играли? Каковы были функции и права общего собрания П.?

61. Имелось ли в селении или в квартале особое место (площадь) или особое помещение для собрания П.? Не находилось ли это место вне селения, в поле, у какого-нибудь дерева или другого традиционного предмета (камня)?

62. Различались ли семьи данной П. по старшинству, т. е. по тому, что одна семья вела свое происхождение от старшего сына той семьи, которая дала начало П., другие семьи — от младших сыновей?

63. Не выделялась ли в особенности самая старшая семья П.? На каком основании? Каковы были функции, права и обязанности этой старшей семьи? Какое значение имела принадлежность к этой семье? Какую роль играл дом этой старшей семьи, не служил ли он в известных случаях местом сбора всей П.? Не обозначался ли этот дом особым термином?

64. Не выделялась ли также старшая П. в среде более широкой родственной группы? Какое общественное значение имело такое старшинство П.? Какую роль играла старшая П. в селении с несколькими родственными междоусобиями П.?

65. Имелся ли глава всей П., какие были его функции, обязанности и права, пределы его власти? Был ли он выборным или являлся главой П. по праву — как старший в П., в частности — глава старшей в П. семьи?

66. Не существовала ли и женщина — глава всей П. или глава ее женской части? Не играла ли такую роль или не пользовалась ли особым авторитетом старшая по летам женщина П. или старшая старшей семьи данной П.? Каковы были функции и права старшей женщины П.?

67. Имелся ли на территории П. какой-либо дом или особое строение, служившее местом собрания мужчин или мужской молодежи П., а одновременно и местом приема гостей?

68. Существовала ли общественная солидарность П. и в чем она выражалась?

69. Если селение состояло из нескольких кварталов, то существовало ли общее собрание всего селения и имелось ли особое место для такого собрания? Существовал ли общий глава всего селения, а также особый совет всего селения, в виде, например, представителей всех кварталов селения?

70. Каково было соотношение органов управления кварталов (отдельно для родственных и неродственных селений) и всего селения? Что входило в круг ведения и функций тех и других органов управления?

71. Была ли П. *экзогамной*, т. е. считался ли брак в пределах патронимии недопустимым? Соблюдались ли экзогамия только по отцовской или также по материнской линии родства?

72. Не существовала ли экзогамия в пределах более широкого круга родственников (отдельно — по отцовской

и по материнской линиям)? Каков был этот круг и как определялся?

73. Не прослеживается ли сужение экзогамности, т. е. от запрещения брака в пределах более широкого круга родственников к более узкому кругу?

74. Не была ли П. *эндогамной*, т. е. не был ли обязательным или особо предпочтительным брак в пределах П., между составлявшими ее семьями? Не сводился ли в таком случае брак к браку кузенов, т. е. двоюродных братьев и сестер? (Необходимо и очень важно различать кузенов — детей братьев или сестер и кузенов — детей, с одной стороны брата, с другой — сестры).

75. Не прослеживается ли переход от экзогамности к эндогамности П.? Если так, то под какими влияниями и в каких формах это происходило?

76. Какую роль играла П. в делах мести? Не ограничивалось ли право мести за убийство, ранение, обиду одного из членов данной П. именно и только членами П. преступника, причем мстить могли именно и только члены П. пострадавшего? Не прослеживается ли здесь перехода от круга П. к кругу семьи?

77. Те же вопросы относительно уплаты и получения «платы за кровь» или иного вознаграждения за обиду?

78. Какую роль играли обе П. в примирении кровников?

79. Допускалась ли месть в пределах П., т. е. между составляющими ее семьями? То же относительно уплаты и получения уголовных выкупов?

80. Если какая-либо из семей П. вымирала, то кому переходило или как наследовалось ее имущество?

81. Какие родственники и в каком порядке наследовали в случае смерти одного из членов П. собственное имущество умершего (при отсутствии завещания)?

82. Существовало ли в прошлом завещание и как оформлялось?

83. Если один из членов П. или соответствующего круга близких родственников продавал какое-либо свое имущество, то не имели ли другие члены той же П. предпочтительное право приобрести продаваемое имущество по той же спрашиваемой продавцом цене?

84. Не имели ли члены П. или определенные близкие родственники (до какой степени родства?) права выкупа имущества, проданного одним из членов своей П. или

одним из того же круга родственников какому-либо неродственнику или дальнему родственнику, по той же цене, по которой имущество было продано?

85. Не составляли ли все взрослые мужчины П. особой воинской единицы? Кем это патронимическое подразделение возглавлялось? Как называлось или именовалось? В каком отношении находилось к более крупным подразделениям народного ополчения?

86. При наличии имущественного неравенства отдельных семей П. как это выражалось в жизни и во внутренних отношениях П.?

87. Не подменялось ли при указанном в вопросе 86 положении действительное старшинство отдельных семей П. экономическим преобладанием, богатством?

88. В какой мере и форме проникало в П. классовое расслоение и как сказывалось?

89. Какую роль играли П. в образовании зажиточной верхушки общества и в классовой борьбе?

90. Какую роль играли П. при образовании колхозов, при организации колхозных бригад или звеньев, при выборах правления и должностных лиц колхоза? В какой мере и форме здесь сказывалась солидарность и взаимная поддержка членов П., а также различие между старшими и младшими семьями одной П.?

4. ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО ПАТРОНИМИИ

91. Сохраняли ли члены П. память о своем предке, главе той семьи, которая положила начало их П.? Что рассказывали об этом предке?

92. До какого колена доходило родство всех членов П.?

93. Какие родственные права и обязанности (помимо хозяйственных и общественных) налагала принадлежность к П.? В частности — в виде права или обязанности участвовать в различных делах, событиях и празднествах семей своей П., при рождении ребенка (отдельно мальчика и девочки), свадьбе, похоронах? Не участвовали ли члены П. в таких случаях также и материально, например в уплате калыма, в расходах по устройству пира и пр.? Какая разница была в этом отношении между членами П. и более отдаленными родственниками? Не считалось ли такое участие обязательным для членов П.,

тогда как для более дальних родственников было не-
обязательным?

94. Не считалось ли обязательным приглашать на семейные торжества, на похороны и пр. всех членов своей П.?

95. В какой мере и в какой форме члены П. принимали участие в жизни своей П.? Имели ли они голос при решении семейных вопросов, например вопроса о вступлении в брак?

96. Каково было поведение членов П. во время траура по умершем члене П.?

97. Не играли ли во всех случаях, указанных в вопросах 93—96, особой роли старшая семья данной П. и глава этой семьи или глава П.?

98. Не существовала ли религиозная, культовая общность П. и в каких формах, при выполнении каких обрядов?

99. Не существовало ли особых мест культа, принадлежащих отдельной П. (рощи, святилища и пр.)? Допускались ли к этим местам члены других П., вообще посторонние?

100. Если селение состояло из нескольких П., то не имела ли каждая П. свое отдельное кладбище или свой участок на общесельском кладбище?

101. Не имела ли П. своего служителя культа и кто им был? Не являлся ли старший П. одновременно главой (распорядителем) культа П.? Какую роль играла в культе старшая женщина П.?

102. В каком отношении находился особый культ П. к культу более широкой родственной группы, также к общеплеменному культу?

103. Не существовало ли таких П., которые бы выделялись как знатоки истории племени или народа, как хранители родовых традиций, знатоки обычаев, создатели или исполнители произведений фольклора и мастера иных видов народного искусства?

104. Существовало ли общее наименование всех членов П.? Не состояло ли оно из собственного имени предка данной П., с прибавлением патронимического окончания (например, у славян — *ичи, овичи*, у грузин — *швили, дзе* и др., у армян — *ян, янц*)?

105. Существовало ли наряду с этим патронимическим наименованием членов П. еще одно общее наиме-

нование для членов более широкой родственной группы, в которую входила данная П.?

106. Существовали ли, помимо патронимического наименования, какие-либо иные названия или прозвища отдельных П. или всех их членов?

107. Существовали ли какие-либо наименования или прозвища отдельных семей, входивших в П., и членов этих семей?

108. Велась ли в патронимии ее родословная, т. е. перечисление ее предков? Кто вел и хранил в памяти эту родословную? Не записывалась ли она и в каком виде? Как она передавалась младшим членам патронимии? До какой степени (до какого колена) это родословная доходила? Что рассказывалось об отдельных предках, в частности о самом древнем? Какое значение имела такая родословная в общественном смысле и как она использовалась? (Рекомендуется записать некоторое число таких родословных отдельных патронимий).

П Р И Н Я Т Ы Е С О К Р А Щ Е Н И Я

ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры

СЭ — «Советская этнография»

ЭО — «Этнографическое обозрение»

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
<i>I. Семейная община</i>	5
1. История исследования	5
2. Опыт исторической характеристики	40
<i>II. Патронимия</i>	91
<i>III. Патронимия у древних германцев</i>	126
<i>IV. Ветвь Русской Правды и Полицкого статута</i>	133
<i>V. Северорусское печище, украинские сябры и белорусское дворище</i>	168
<i>VI. Патронимия у народов Кавказа</i>	186
<i>VII. Программа для собирания сведений о патронимии</i>	206

Марк Осипович Косвен

Семейная община и патронимия

*Утверждено к печати
Институтом этнографии
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Г. Ф. Дубовикова*

Художник *И. И. Эльцуфен*

Технический редактор *Г. С. Симкина*

С. Г. Тихомирова

Корректоры *В. Г. Богословский, Т. А. Пономарева*

Сдано в набор 18/V.1963 г. Подписано
к печати 12/VIII 1963 г. Формат 84×108¹/₁₆

Печ. л. 6,87 Усл. печ. л. 11,27 Уч.-изд. л. 11,7

Тираж 2000 экз.

Т-04687 Изд. № 1813 Тип. зак. № 2280

Цена 90 коп

Издательство Академии наук СССР,
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР,
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10